

ОГОНЁК
№ 28 ИЮЛЬ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ОТ ИМЕНИ

Прием в честь участников выдающегося космического рейса на корабле «Союз-9». Выступает Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.
Фото В. Мусаэльяна и В. Савостьянова (ТАСС).

РОДИНЫ

Новый подвиг советских космонавтов славит вся наша страна. От имени Родины столица Советского Союза с сердечной теплотой приветствовала 3 июля экипаж космического корабля «Союз-9».

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР устроили в Кремле прием, который стал выражением всенародной любви к космонавтам А. Г. Николаеву и В. И. Севастьянову, признания выдающихся заслуг ученых, конструкторов, инженеров, техников и рабочих, которые обеспечили успешное осуществление полета.

В Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца собрались члены ЦК КПСС, кандидаты в члены ЦК КПСС, члены Центральной ревизионной комиссии КПСС, министры, руководители центральных учреждений, представители общественности и трудящихся столицы, военачальники, летчики-космонавты СССР, деятели науки и культуры. В Кремль пришли и те, кто создает новую совершенную космическую технику.

Тепло приветствуемые присутствующими, в зал входят товарищи Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, П. Е. Шелест, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, Д. А. Кунаев, П. М. Машеров, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидов, Д. Ф. Устинов, В. В. Щербицкий, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Ф. Д. Кулаков, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев. Вместе с ними Президент и Премьер-Министр ОАР, Председатель Арабского социалистического союза Гамаль Абдель Насер, член Высшего исполнительного комитета Арабского социалистического союза Али Сабри, официальные лица, сопровождающие Президента ОАР. Здесь же члены делегации Будапештского городского комитета ВСРП во главе с кандидатом в члены Политбюро ЦК ВСРП, первым секретарем горкома партии К. Неметом, другие зарубежные гости.

Звучит мелодия «Славься!» Глинки. Бурные аплодисменты несутся навстречу А. Г. Николаеву и В. И. Севастьянову. Командир корабля докладывает руководителям партии и правительства об успешном выполнении задания Родины, о готовности космонавтов к выполнению новых заданий.

Руководители Коммунистической партии и Советского правительства сердечно приветствуют героический экипаж.

Затем к собравшимся обратился Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. Его выступление неоднократно прерывалось аплодисментами.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный оглашает Указы Президиума Верховного Совета СССР о награждении космонавтов. Н. В. Подгорный вручает А. Г. Николаеву вторую медаль «Золотая Звезда», а В. И. Севастьянову — орден Ленина, медаль «Золотая Звезда» и нагрудный знак «Летчик-космонавт СССР».

А. Г. Николаев и В. И. Севастьянов сердечно поблагодарили Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР за оказанное им доверие, за высокую оценку труда участников длительного космического рейса.

◀ Москва. 3 июля. Георгиевский зал Большого Кремлевского дворца.
Фото А. Гостева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 28 (2245)

11 ИЮЛЯ 1970

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

2—3 июля в Москве состоялся очередной Пленум Центрального Комитета КПСС.

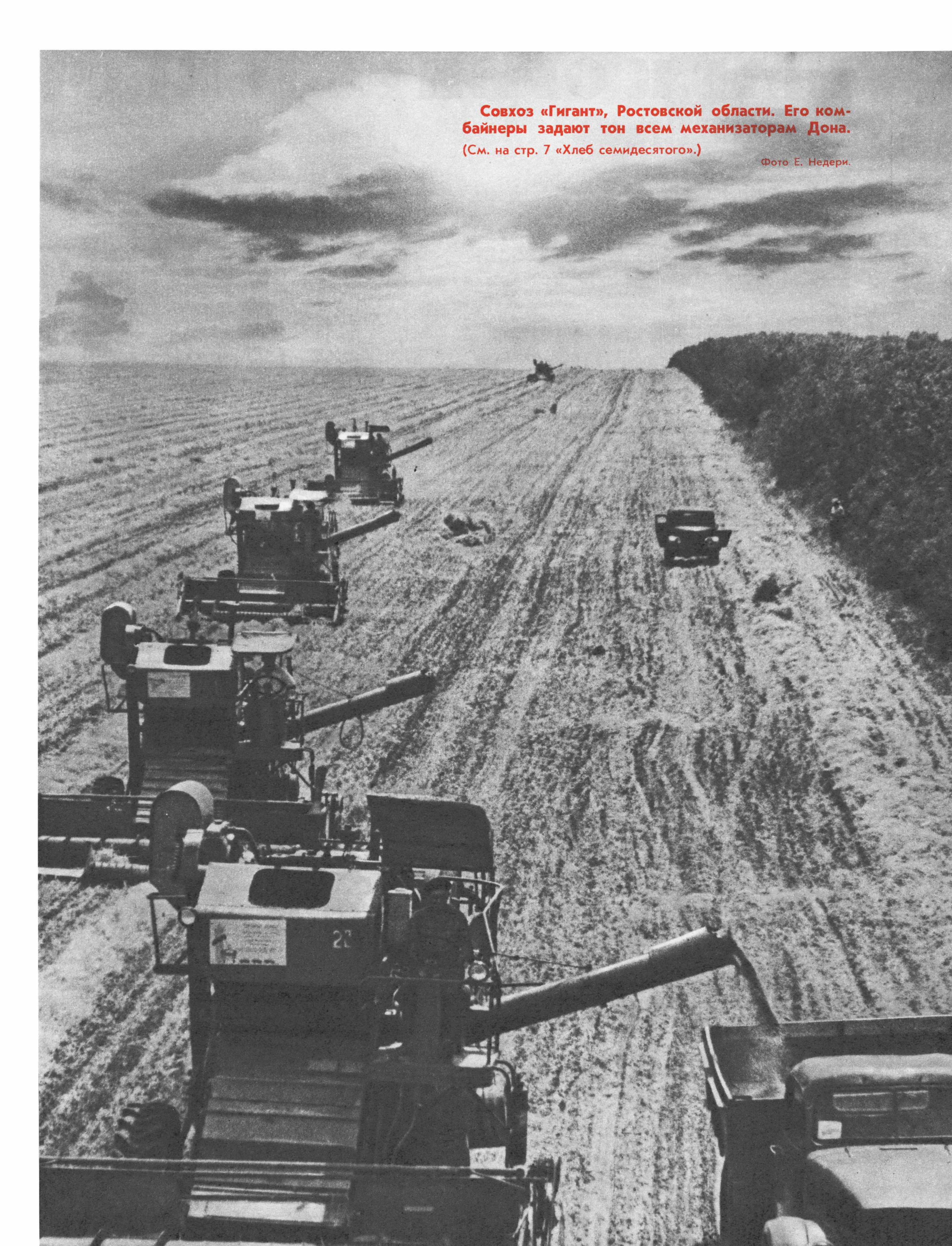
Пленум заслушал доклад Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева «Очередные задачи партии в области сельского хозяйства».

В прениях по докладу выступили: тт. П. Е. Шелест — первый секретарь ЦК Компартии Украины, Г. С. Золотухин — первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС, Д. А. Кунаев — первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, Г. И. Воронов — Председатель Совета Министров РСФСР, А. В. Коваленко — первый секретарь Оренбургского обкома КПСС, Б. Е. Бутома — министр судостроительной промышленности СССР, Ш. Р. Рашидов — первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, Т. К. Мальбахов — первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома КПСС, П. М. Машеров — первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, А. В. Георгиев — первый секретарь Алтайского крайкома КПСС, В. П. Мжаванадзе — первый секретарь ЦК Компартии Грузии, И. И. Бодюл — первый секретарь ЦК Компартии Молдавии, Н. К. Байбаков — заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР, Ф. С. Горячев — первый секретарь Новосибирского обкома КПСС, З. Н. Нуриев — министр заготовок СССР, Т. Усубалиев — первый секретарь ЦК Компартии Киргизии, Н. Ф. Васильев — первый секретарь Белгородского обкома КПСС, Л. А. Костандов — министр химической промышленности СССР, А. Э. Восс — первый секретарь ЦК Компартии Латвии, А. И. Шибаев — первый секретарь Саратовского обкома КПСС, В. В. Мацкевич — министр сельского хозяйства СССР, Н. М. Мирошниченко — первый секретарь Воронежского обкома КПСС, В. И. Долгих — первый секретарь Красноярского крайкома КПСС, Е. Е. Алексеевский — министр мелиорации и водного хозяйства СССР, М. М. Кобыльчак — первый секретарь Кировоградского обкома КП Украины.

В конце заседания с заключительным словом выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев.

Пленум Центрального Комитета КПСС единодушно принял постановление «Очередные задачи партии в области сельского хозяйства».

На этом Пленум закончил свою работу.

Совхоз «Гигант», Ростовской области. Его комбайнеры задают тон всем механизаторам Дона.

(См. на стр. 7 «Хлеб семидесятого».)

Фото Е. Недери.

ШАГ К ОРБИТАЛЬНЫМ

18 суток работал на орбите Земли «Союз-9», советский космический корабль, прообраз орбитальной станции будущего. Значение этой продолжительной научно-исследовательской работы неоценимо и для изучения космоса и Земли, и для будущих космических полетов на другие планеты.

Наш корреспондент Виктор Поповкин обратился к известному советскому ученому, лауреату Ленинской премии, Герою Социалистического Труда академику Б. Н. ПЕТРОВУ с просьбой прокомментировать последние события в космосе.

— «Гигантская экспериментальная лаборатория» — так по праву называют сегодня околоземное космическое пространство. Известно, что на орбитах земных спутников трудится уже немало автоматов. Какое место отводится в этих исследованиях человеку?

— За человеком всегда и во всем останется решающее слово. Синтез предметного и абстрактно-логического мышления — достояние пока чисто человеческое. Умение принимать решение в совершенно неожиданных, «незапрограммированных» ситуациях делает участие человека незаменимым и в особо важных космических исследованиях.

Задачи изучения космоса и Земли из космоса, а также создания стартовых космических площадок для полета к другим планетам выдвигают проблему построения крупных орбитальных станций. Их создание нужно также и для того, чтобы организовать планомерные медико-биологические эксперименты в условиях космического полета. Эти эксперименты позволят решить вопрос о том, может ли человек жить и работать длительное время в условиях невесомости или необходимо создавать искусственную тяжесть на кораблях, предназначенных для дальних полетов.

— Что знаем мы сегодня об окружающем нашу Землю космическом пространстве? Какие тайны раскрыла Вселенная, уступив натиску стремительно развивающейся космической техники?

— Мы все живем не только в «нашей», земной атмосфере, но и в атмосфере Солнца. Сегодня это уже не фраза, но научный факт.

Исследования, проведенные с помощью различных космических аппаратов, показали, что межпланетное пространство заполнено идущими от Солнца потоками плазмы. Причем этот несущийся со скоростью нескольких сот километров в секунду «солнечный ветер» влияет на магнитное поле Земли.

Впервые «солнечный ветер» был обнаружен и измерен вне земного магнитного поля во время полета автоматической межпланетной станции «Луна-2» еще в 1959 году.

Дыхание огромного естественного ядерного реактора — Солнца — нелегко представить, даже если вспомнить такую поистине впечатляющую цифру: по четыре миллиона тонн вещества за каждую секунду выбрасывает оно в окружающее пространство. Земная атмосфера, защищающая все живое на планете, поглощая смертоносную солнечную радиацию, находится под беспрерывным воздействием беспокойной и капризной солнечной атмосферы. И не случайно, очевидно, биологи связывают с солнечной активностью не только чисто атмосферные явления, но и явления медико-биологического характера.

Чтобы понять взаимосвязь природных событий в космосе и на Земле, достаточно сказать, например, что на верхнюю атмосферу нашей планеты оказывает существенное влияние коротковолновое излучение Солнца: оно воздействует на состав и плотность атмосферы, определяет во многом тепловой баланс. Известно влияние коротковолнового излучения Солнца и на ионосферу, от состояния которой зависит прохождение радиоволн в окрестностях Земли. Исследовать же наиболее полно коротковолновое излучение Солнца можно лишь с помощью космической техники: находясь за пределами земной атмосферы, приборы смогут регистрировать весь спектр электромагнитного излучения, приходящего из глубин космоса.

Запуски метеорологических, геофизических ракет и искусственных спутников позволили изучить структуру, важнейшие физико-химические процессы и характер вариаций в верхней атмосфере. Разработка этих проблем привела к формированию и становлению новой области — аэрономии. Оказалось, что земная атмосфера не ограничена узким слоем над поверхностью планеты, а простирается на многие тысячи километров от нее. По мере удаления увеличивается доля ионизированных частиц, на которые основное влияние начинает оказывать уже не гравитационное, а геомагнитное поле.

Одним из наиболее широко известных результатов космических исследований было открытие радиационного пояса Земли. Многочисленные измерения в космосе, в том числе и с помощью спутников «Электрон», показали: в области радиационного пояса присутствуют частицы в широком спектре энергии. Космос открылся для физиков как гигантский природный ускоритель.

Исследования Земли и ее атмосферы из космоса, осуществляемые сегодня,— это принципиально новый этап в исследовательской деятельности человека.

— Можно ли на основании только что завершенного полета космического экипажа «Союза-9» говорить о реальной возможности создания орбитальных станций, рассчитанных на длительную работу ученых и техников в условиях невесомости?

— Да, конечно. Но нужно заметить, что среди решаемых пока еще вопросов есть, в частности, такой: насколько необходимым является создание искусственной тяжести при длительном космическом полете человека? Ответ на этот вопрос мы ждем от медиков.

Если во время первых полетов человека в космос медиков волновала проблема адаптации организма к непривычному для него состоянию невесомости, то сегодня известно: в длительных полетах большие опасения должна вызывать проблема реадаптации организма — «привыкание» к как бы забытому воздействию силы тяжести на Земле.

Программа медико-биологических экспериментов на орбите, выполненная космонавтами Андрияном Николаевым и Виталием Севастьяновым в их продолжительном полете, покажет, насколько человек в состоянии переносить, сохраняя высокую работоспособность, еще более затяжные рейсы в космическом пространстве.

Ценная информация, поступившая по каналам телеметрии с борта космического корабля на Землю, позволит разработать обоснованные рекомендации по подготовке к будущим полетам, по созданию обитаемых орбитальных станций. Эти исследования, в частности, помогут разрешить и такой во многом еще спорный вопрос, как необходимость создания искусственной силы тяжести на долговременном космическом объекте: можно ли обойтись без нее вообще или же необходимо хотя бы частичное восстановление гравитации?

Как показал полет экипажа «Союза-9», состояние сердечно-сосудистой системы в условиях невесомости, о чем можно судить по пульсу и артериальному давлению космонавтов, было удовлетворительным на протяжении всего полета. Более того, ритм сердечных сокращений у обоих космонавтов был несколько реже, чем на Земле. Это свидетельствует о меньшей функциональной нагрузке на систему кровоснабжения и сердечную мышцу в условиях невесомости, несмотря на то, что космонавты регулярно выполняли весь комплекс специально разработанных физических упражнений. К слову сказать, эти упражнения, цель которых — компенсировать для организма исчезнувшую силу притяжения Земли, выполнялись в специально разработанных упругих костюмах.

Одна из важнейших проблем управляемых космических полетов — проблема взаимодействия человека и корабля при ручном управлении. Специально разработанное кибернетическое устройство позволило экипажу «Союза-9» провести на орбите полета комплекс интересных экспериментов, при выполнении которых моделировались варианты усложненных динамических режимов полета. Полученные данные позволят наиболее удачно проектировать — в оптимальном сочетании с возможностями человека — системы управления как для космических кораблей различного целевого назначения, так и для обитаемых орбитальных станций.

— Какие принципы искусственной гравитации будут закладываться в конструктивные решения обитаемых орбитальных станций?

— Пока не решен вопрос о последствиях длительного воздействия невесомости, имеет смысл, очевидно, предусмотреть в ряде конструкций орбитальных станций создание искусственного гравитационного поля.

Еще Циолковский в своих проектах эфирных поселений ставил задачу создания искусственной тяжести за счет вращения космических аппаратов вокруг одной из осей. Наиболее явная конструкция в этом плане — аппарат в форме тороида, состоящий из отдельных блоков. Можно представить и вращающуюся станцию, созданную в виде своеобразного огромного колеса со ступицей. Довольно интересной может быть и конструкция орбитальной станции в виде гантели: на одной части такой вращающейся гантели можно расположить отсеки для экипажа и научной лаборатории, а с другой стороны этой гантели разместить установку, питающую энергией всю станцию. Различные конструкции орбитальных станций уже обсуждаются на научных конференциях и в специальной литературе.

Понятно, конечно, что создание искусственной тяжести вызовет некоторые дополнительные трудности при разработке систем управления, поскольку и на вращающейся станции необходимо обеспечить высокую точность навигации, ориентации и стабилизации. Правда, число оборотов такой станции может быть весьма небольшим: по некоторым подсчетам, учитывающим особенности человеческого организма, оно должно составлять менее четырех оборотов в минуту. Дело в том, что при большем числе оборотов получается эффект отрицательного влияния вращения на человека. При таких условиях для создания нормального тяготения надо иметь станции с радиусом вращения кабины экипажа не менее 30—50 метров. Это вполне реальная и разрешимая задача.

Трудоемкая и обширная работа в космосе экипажа корабля «Союз-9» — закономерное продолжение планируемых космических исследований вообще. Длительный рейс «Союза-9»—это очередной шаг на пути к созданию обитаемых орбитальных станций.

Функционирование таких станций в будущем на околоземной орбите будет иметь неоценимое научное и народнохозяйственное значение.

По приглашению Центрального Комитета Румынской коммунистической партии и правительства Социалистической Республики Румынии с официальным дружественным визитом 6 июля в Бухарест прибыла партийно-правительственная делегация Союза Советских Социалистических Республик во главе с Председателем Совета Министров СССР, членом Политбюро ЦК КПСС А. Н. Косыгиным.

В международном аэропорту Отопени, украшенном государственными флагами СССР и СРР, приветственными транспарантами на румынском и русском языках, советскую делегацию встречали Председатель Совета Министров СРР, член Исполкома и Постоянного Президиума ЦК РКП И. Г. Маурер и другие руководящие деятели СРР.

Советских гостей тепло приветствовали представители трудящихся румынской столицы.

По прибытии в Бухарест советская партийно-правительственная делегация во главе с Председателем Совета Министров СССР, членом Политбюро ЦК КПСС А. Н. Косыгиным нанесла визит Председателю Совета Министров СРР, члену Исполкома и Постоянного Президиума ЦК РКП И. Г. Мауреру.

Встреча прошла в теплой, товарищеской обстановке.

Во Дворце Совета Министров СРР состоялись советско-румынские переговоры.

Обе стороны информировали друг друга о строительстве социализма и коммунизма в СРР и Советском Союзе, обсудили вопросы всестороннего развития румыно-советских отношений, а также некоторые проблемы международного положения.

Обмен мнениями проходил в теплой, дружеской атмосфере, в обстановке полного взаимопонимания и взаимного уважения.

7 июля Генеральный секретарь Румынской коммунистической партии, Председатель Государственного совета Социалистической Республики Румынии тов. Н. Чаушеску встретился с партийно-правительственной делегацией СССР.

В тот же день в здании Государственного совета СРР был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Социалистической Республикой Румынией.

Договор подписали: с советской стороны — Председатель Совета Министров СССР, член Политбюро ЦК КПСС А. Н. Косыгин; с румынской стороны — Председатель Совета Министров СРР, член Исполкома и Постоянного Президиума ЦК РКП И. Г. Маурер.

«Это — важное событие в жизни наших народов, новый крупный шаг в деле укрепления и дальнейшего развития дружественного союза наших социалистических государств»,— сказал товарищ А. Н. Косыгин в речи на митинге румыно-советской дружбы, посвященном визиту в Румынию советской партийно-правительственной делегации.

На снимке: Бухарест. 7 июля. Подписание Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и СРР.

Телефото ТАСС.

Тепло был встречен в Советском Союзе Президент и глава правительства Центральноафриканской Республики генерал Жан-Бедэль Бокасса, посетивший нашу страну по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства.

В Кремле состоялись переговоры между Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуровым и Президентом и главой правительства Центральноафриканской Республики генералом Жаном-Бедэлем Бокассой.

Во время переговоров, проходивших в теплой, дружественной обстановке, были обсуждены вопросы дальнейшего развития отношений между Советским Союзом и Центральноафриканской Республикой, а также некоторые актуальные международные проблемы, представляющие взаимный интерес.

Приветствуя от имени Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства руководителя дружественного африканского государства, товарищ Н. В. Подгорный отметил, что дружественные отношения между Советским Союзом и Центральноафриканской Республикой постепенно расширяются и укрепляются.

На снимке (справа налево): Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, Президент и глава правительства Центральноафриканской Республики генерал Жан-Бедэль Бокасса, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуров перед началом переговоров в Кремле.

Фото А. Устинова.

ЕВРОПА: ВЕХИ РАССТАВЛЕНЫ

Спартак БЕГЛОВ

Похоже на то, что в этом году у европейской дипломатии не будет перерыва на летние каникулы. «Виновники» этого — государства Варшавского договора, которые не упускают из своих рук инициативу в важнейшем для всех европейских народов деле обеспечения безопасности. В центре внимания общественности нашего континента — Меморандум по вопросам, связанным с созывом общеевропейского совещания. Принятый на состоявшемся 21—22 июня в Будапеште совещании министров иностранных дел государств — участников Варшавского договора этот важный документ внимательно изучается остальными европейскими правительствами.

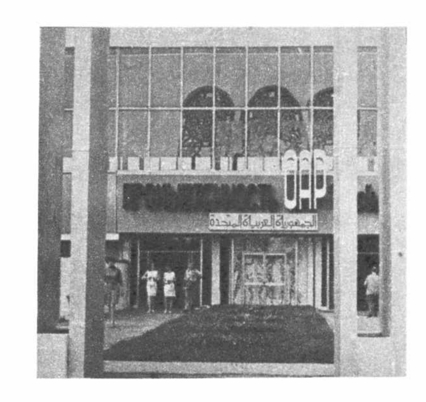
По всеобщему признанию, будапештский Меморандум значительно облегчает дальнейшую плодотворную работу по подготовке общеевропейского совещания. Новая внешнеполитическая инициатива социалистических стран привлекает к себе тем, что она направлена на достижение согласия о приемлемой для всех заинтересованных государств повестке дня и методах подготовки общеевропейского форума. Министры иностранных дел государств Варшавского договора стремились учесть большинство тех пожеланий и замечаний, которые были высказаны в различных европейских кругах. Теперь предлагается расширить повестку дня: помимо вопросов об отказе от применения силы в отношениях между европейскими государствами и о расширении торгового, экономического и научно-технического сотрудничества между ними, считается целесообразным также обсудить вопрос о создании органа по обеспечению безопасности и сотрудничества в Европе. При взгляде на упомянутый круг вопросов нетрудно прийти к выводу, что в случае достижения взаимоприемлемых решений по этой повестке дня **станет возможным создать впервые в истории Европы региональную основу** для решения больших и малых вопросов безопасности и сотрудничества. В частности, в рамках предлагаемого постоянного европейского органа можно было бы обсудить и такие конкретные вопросы, как сокращение иностранных вооруженных сил на территориях государств Европы. Чтобы в дальнейшем не было никаких неясностей в отношении состава участников, будапештский Меморандум подчеркивает, что в совещании могут участвовать как все европейские государства, включая ГДР и ФРГ, так и США и Канада.

Поступающие в эти дни сообщения из европейских столиц показывают, что новая инициатива социалистических стран оказывает свое влияние на все происходящие сейчас переговоры на различных уровнях. В связи с недавней поездкой французского президента Помпиду в столицу ФРГ и происходившим в Бонне обменом мнениями, статс-секретарь правительства ФРГ Алерс подчеркнул, что вопрос о созыве общеевропейского совещания был в числе главных пунктов переговоров. По словам Алерса, обе стороны «не выступают против созыва общеевропейского совещания». Глава правительства Австрии Бруно Крейский, завершив официальные переговоры в швейцарской столице Берне, заявил, что Швейцария и Австрия благожелательно относятся к идее проведения общеевропейского совещания, ибо оно способствовало бы разрядке напряженности. В официальных кругах Югославии отмечают, что будапештский Меморандум отличается «реализмом и гибкостью» и содержит «определенные идеи и положения, которые заслуживают внимания и могут способствовать дальнейшему позитивному развитию в Европе».

Если же выйти из круга дипломатов и послушать, что говорят простые люди и представители демократических организаций Западной Европы, то их мнение в пользу совещания и прочной европейской безопасности весьма ясно и недвусмысленно. Агентство печати «Новости» провело в эти дни своего рода опрос среди руководителей ряда таких организаций. «Мир, дружба, безопасность — это взаимосвязанные вопросы»,— подчеркнул в своем ответе национальный секретарь Общества бельгийско-советской дружбы Гастон Стойц.

Но противники прочной системы общеевропейской безопасности все еще не отказываются от своих планов сорвать это важное дело. Так, на недавно проходивших заседаниях членов парламентов Атлантического блока особенно ярым противником разрядки напряженности в Европе показал себя западногерманский депутат от партии ХДС Э. Блюменфельд. Его «доклад», содержавший всякого рода антисоветские домыслы и призывы вести переговоры с социалистическими странами «с позиции силы», встретил протест даже со стороны его многих западных единомышленников. Выходящая в американской столице газета «Вашингтон пост» сообщает, что военные круги США пытаются посеять сомнения в целесообразности положительного отклика США на инициативу социалистической дипломатии. Все это говорит о том, что силы реваншизма и милитаризма собираются и дальше вести подкоп под идею общеевропейского совещания.

Итак, на пути создания прочного мира в Европе еще немало препятствий. Предстоит проделать большую работу, чтобы объединить усилия всех, кто искренне заинтересован в том, чтобы довести это дело до успешного завершения. Но одно важное уже сделано социалистической дипломатией — на пути к общеевропейскому совещанию расставлены вехи, следуя которым Европа может уверенно идти к желанной цели.

ЭКСПОЗИЦИЯ В СОЛНЕЧНОМ

Экспозиция первой в нашей стране промышленной выставки Объединенной Арабской Республики разместилась в павильоне «Солнечный» — это в излучине Москвы-реки, на территории Центрального стадиона имени Ленина. «Как видите, с берегов Нила прямо на берег Москвы-реки»,— говорит один из руководителей выставки, доктор Ахмед Шукри Салем, знакомя меня с ее экспонатами.

Говорить о выставке — значит прибегать к превосходным степеням. И когда речь идет о новом тракторе или автобусе (на его ветровом стекле надпись: «Все демонстрируемые на выставке экспонаты сделаны в ОАР»), о телевизорах или о небольшом транзисторе «Маэстро»... Одна из важнейших отраслей промышленности ОАР — текстильная. Она представлена великолепными тканями — тончайшие полотна!

— Нравится? — переспрашивает Ахмед Шукри Салем.— Я горжусь этой экспозицией. Но не скрою, мне особенно по душе изделия автомобильной и тяжелой промышленности. Еще несколько лет назад их не было и не могло быть в нашей стране — точная и тяжелая промышленность, электроника, машиностроение только набирают силы.

В рассказе собеседника чаще всего слышишь слово «новое». Моторостроение — новая отрасль; прокат тонких профилей металла — новая отрасль; тракторостроение — новое дело. Немало промышленных изделий сделано на заводах ОАР, построенных с помощью друзей из социалистических стран.

На выставке много разных разностей. В шатре, раскинувшемся в центре павильона,— творения мастеров кустарных промыслов. Кожа. Чеканка по серебру. Традиционные поделки мастеров каирского района Хан Эль-Халили. И снова — промышленные изделия: уже известная в нашей стране парфюмерия, обувь, одежда...

Хотелось бы обратить внимание на находчивость, остроумие оформителей выставки. Показывая несколько наборов мебели, они обставили ими комнаты. И нашли в этом оформлении оригинальные штрихи. Новь соседствует со стариной, придавая ей особую привлекательность, оснащая ее удобствами, характерными для нашего времени...

К. КОСТИН

Фото автора.

РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

ХЛЕБ СЕМИДЕСЯТОГО...

Всего десять дней отпущено планом комбайнерам известнейшего в стране донского совхоза «Гигант» на уборку хлебов. Десять, и ни дня больше — таково веление графика. Урожай выращен, и теперь каждый час промедления грозит потерями. Скосить надо зерновые на площади в 24 тысячи гектаров! В жаркой степи кружат 150 комбайнов...

У мастеров первенца совхозного строительства учатся все механизаторы Ростовской области. А поучиться есть чему. За первые же полтора дня страды комбайнер Аркадий Афанасьевич Зубов намолотил 750 центнеров хлеба. Сигнал комбайнера, подлетает машина, бункер пуст — и снова вперед. А хлеб пошел в закрома Родины...

В нем останутся жить
Пыл бессонного лета,
Свежесть рос голубых
И румянец рассвета...

В постановлении Пленума ЦК КПСС «Очередные задачи партии в области сельского хозяйства» говорится: «В предстоящем пятилетии необходимо существенно повысить урожайность зерновых культур в каждом колхозе и совхозе с тем, чтобы увеличить ее в целом по стране не менее чем на четыре центнера с гектара». Это задача всей страны!

Хлеборобы «Гиганта» и всего Дона готовы осуществить систему эффективных мер по подъему культуры земледелия. А рождается завтрашний урожай сегодня, в дни страды, когда комбайны один за другим уходят с полей, освобождая фронт для пахарей.

Полнятся бетонные закрома Трубецкого элеватора. Сюда поступило уже более двух тысяч тонн донского зерна. Хлеб идет, хлеб идет — дорогу урожаю!

В. ЗАПЕЧНОВ

На снимке: Трубецкой элеватор. Лаборантка Ольга Кудрявцева берет пробу.

Фото Е. Недери.

АЗЕРБАЙДЖАН

На берегах Куры строптивой

16 лет назад в Азербайджане, на берегах строптивой Куры, зажатой богатырскими плечами горы Боздаг, забилось электрическое сердце республики. Тогда турбины Мингечаурской ГЭС имени В. И. Ленина дали первый промышленный ток. Скоро здесь, в энергетической столице республики, начнется строительство новой электростанции.

Энергетический гигант, равного которому не будет во всем Закавказье, разместится на площадке в 300 гектаров. Восемь его блоков ежегодно станут вырабатывать примерно 12 миллиардов киловатт-часов электроэнергии. ГРЭС будет работать на топливе, которое поступит в Азербайджан по строящемуся магистральному газопроводу Иран — Советский Союз. Резервным источником станет мазут.

Г. ПОГОСОВ

«ОГОНЬКУ» СООБЩАЮТ

ЛЕНИНГРАД

ОТ ЗЕМЛЯКОВ СЕМЕНА ДАВЫДОВА

Эту памятную настольную медаль сделали умельцы Кировского завода. На одной ее стороне изображен Владимир Ильич Ленин, выступающий перед путиловцами на многотысячном митинге. Рядом — мастерская и заводские трубы. Такой была старая прокатка. И вот сыновья и внуки путиловцев решили запечатлеть на медали историческое выступление Владимира Ильича. Первую медаль кировцы послали в станицу Вешенскую и написали такое письмо своему старому другу Шолохову:

«Дорогой Михаил Александрович!

Пишут Вам земляки Семена Давыдова из Ленинграда. Наше письмо, которое мы посылаем Вам в дни Ленинской ударной вахты, будет немногословным. Дела у нас идут неплохо. С главного конвейера сошел некоторое время тому назад юбилейный трактор. Часть машин послана и механизаторам Тихого Дона.

Помимо тракторов, наши умельцы изготовили памятную медаль, запечатлевшую выступление В. И. Ленина 12 (25) мая 1917 года на митинге трудящихся Путиловского завода.

Как лучшему другу кировцев посылаем Вам, Михаил Александрович, эту памятную медаль.

Кировский привет донским казакам от земляков Семена Давыдова — тракторостроителей нашего завода».

Дружба кировцев с М. А. Шолоховым крепнет год от года. В музее Кировского завода среди экспонатов есть золотистый сноп пшеницы, выращенный на донской земле. А рядом — огромный каравай пшеничного хлеба на расшитом полотенце. Тоже с Тихого Дона.

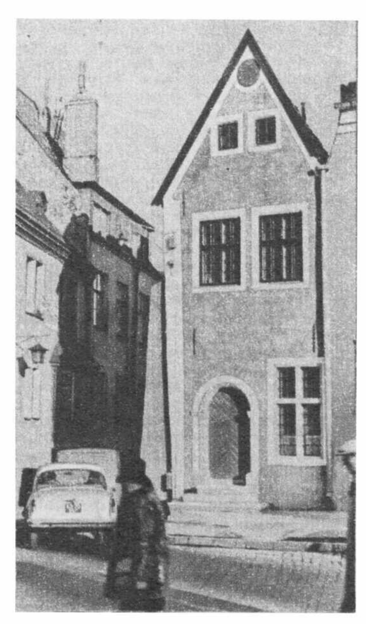
Из Вешенской пришла на Кировский завод телеграмма от М. А. Шолохова: «Сердечно благодарю за памятный подарок. Желаю всему могучему коллективу неизменных успехов, здоровья и благополучия. Ваш Михаил Шолохов».

В. КАРПУЩЕНКО

•

ЭСТОНИЯ

«УКУ» И СУВЕНИРЫ

Домик этот появился в Таллине, на Ратушной площади, в 1367 году и принадлежал скорняку Годекинусу. В последующие десятилетия он перестраивался, переходил от скорняков к ювелирам, от них — к ножевщикам, портным и прочим ремесленникам. Сейчас домик восстановлен, стал точно таким, каким был в давние времена, и принадлежит теперь «Уку» — так звали эстонского языческого покровителя искусств. Его имя носит ныне объединение эстонских народных мастеров и художников-любителей. Их в объединении более двух тысяч. Хелен Сирель, главный художник, рассказывает, что «Уку» возник в связи с большим спросом на сувениры. Разыскать мастеров оказалось нетрудно — их всегда было много в Эстонии. Сейчас в республике работает 16 отделений «Уку», которыми руководят художники-профессионалы. Изделия народных мастеров и продаются в старинном домике. Домотканые одеяла и полотенца, маленькие декоративные копии старинных сааремаских ветряков, кованые подсвечники, вязаные чулки и перчатки, вышитые домашние туфли, тонкие шерстяные хаапсалуские платки — все это сделано вручную, с подлинным мастерством и тонким вкусом и потому радует покупателей своей неповторимостью. Художники используют самый обычный, всегда под руками имеющийся материал: шерстяную и льняную нить, железо, дерево, березовую кору, тростники.

А. ПЛООМПУУ

Фото В. Сальмре.

Путешествие
в мир чая продолжается

В ЧАС ПО ЧАЙНОЙ ЛОЖКЕ

Звоню в справочную, прошу номер телефона чайной, что в проезде Серова, 19.

— Повторите адрес,— просит телефонистка. И еще через минуту: — Вы уверены, что такая чайная есть?

— Уверен, уверен,—отвечаю, заглядывая в полученное редакцией письмо начальника главного управления общественного питания Мосгорисполкома И. И. Шевелева. Иван Ильич сообщает, что, кроме дома 19 по проезду Серова, чайные появятся и по другим адресам — на Новослободской, на Зубовском бульваре, в Калашном переулке. Они откроются, сообщил начальник общепита, в «помещениях, занятых в настоящее время под жилье».

Прошло больше года после того, как редакция получила это письмо, но до сих пор нет чайных.

...Не везет нашим чайным. Никто против них вроде бы и не возражает, все их приветствуют, но чайных нет. Говорят об их нужности, и ограничиваются этим.

В буфете калужской гостиницы «Калуга» готовят неплохо и выбор блюд немалый. А чаю места не нашлось. Не то, чтобы вовсе пренебрегли чаем, но он невысоких достоинств.

«Огонек» уже не первый раз отмечает: медленно решается проблема чайных. Почему? Может, из-за того, что нет контроля за выполнением собственных же хороших обещаний?

Те московские чайные, что называются чайными — расположены они возле рынков,— скорее напоминают распивочные. Во всяком случае, здесь любителям чая не протиснуться сквозь толпу знатоков пива. Стеклянный павильон «Чай» на Кутузовском проспекте никак не располагает к чаепитию, а «Русский чай» на улице Кирова — единственная, по сути, настоящая чайная в Москве, хотя официально ее по-прежнему именуют кафе,— ютится в неудобном помещении, продолжает испытывать мытарства, нагромождаемые с удивительной последовательностью.

Давно перестали говорить о том, что торговля чаем нерентабельна. В том же «Русском чае», имеющем кондитерский цех, каждая официантка в день сдает в кассу 150—180 рублей. Чайную признали, сюда ездят из других столичных районов. Пришлось поставить в зале еще два стола — так много посетителей. Но они, эти столы, вытеснили привившуюся было пятничную торговлю пирогами. Кое-как, своими силами тут пристроили крохотную кухоньку для кондитерских изделий — пекут пироги. В кафе так тесно, что оно перестало быть союзником чая. Скорее может отвадить от него: невелико удовольствие отстоять в очереди почти час, пока получишь чашку чая. Да и чаи здесь стали хуже. И самоваров поубавилось: оказывается, электросеть не позволяет. И ассортимент бедноват: нет выпускаемого промышленностью желтого чая, нет — а летом они хороши! — холодных чаев. Чашка любого чая тут стоит две копейки. Почему все сорта оцениваются одинаково? Какой любитель посетует, если, например, отлично заваренный краснодарский экстра или цейлонский высший будет стоить, скажем, пятак? Осталось благим намерением открыть здесь выставку самоваров, устраивать выставки-продажи бубликов, баранок, кренделей, калачей. Попробуй-ка сделать все это в крохотном, неприспособленном помещении!

Как-то я вместе с сотрудниками главного управления общественного питания Мосгорисполкома побывал в нескольких кафе, столовых, ресторанах. Почти везде нас угощали неплохо приготовленным чаем. Понимая, что такие визиты отнюдь не характерны, привожу сей факт лишь как доказательство: когда есть желание, всюду можно приготовить и гостеприимно предложить хороший чай.

И. И. Шевелев назвал в своем письме четыре улицы. Где эти улицы — знает любой москвич, но вот где дома с чайными — неведомо пока никому.

К. БАРЫКИН

ДОМА, КОТОРЫЕ

По весне в Молдавии раньше садов зацветают улицы. Это хозяева подновляют, освежают покраску своих домов. Дома цветут здесь круглый год. Не во всех, конечно, селах, но во многих. И если уж зацвел, распустил цветы яркого орнамента один дом, то через несколько дней вспыхивают только что приобретенные краски на фасаде соседнего дома, а там еще и еще, и вот уже село напоминает фантастический сад. Забудешь ли когда-нибудь Этулию и села Вулканештского района или Кагул?!.

Это очень важно, как выглядит дом, в котором ты живешь. В городе очень важно, но и в селе тоже. Казалось, тоскливый стандарт, поток внешне унылых коробок вот-вот переметнется, переселится с городских окраин в близлежащие райцентры, а там и в сами села... То и дело вспыхивают дискуссии на тему, в каком доме жить крестьянину. Выросли отличные поселки в совхозах Подмосковья, в колхозах Крыма. Здесь дома в 4—5 этажей. Архитекторы предлагают многоэтажные дома, иногда один дом чуть ли не на всю деревню — башня в поле! Публицисты сулят колхозникам коттеджи, «аквариумы» из стекла и алюминия. Мне же всегда казалось, что танцевать надо от печки — от экономики. Было бы на что строиться! А там хозяин дома, чаще всего человек, неравнодушный к своему гнездовью, сам и только сам решит, в каком доме ему жить. Ему и его детям, ибо дом не затевают на какие-нибудь четверть века... А уж коли начнет село строиться, то обязательно проявятся и национальные традиции, и умение выбрать тип жилья и место для него, и художнические наклонности, и чувство рационального. Заговорят в полный голос и местные материалы — лес, камень, черепица... В свое время об этом хорошо написал А. Довженко, его очень волновала проблема застройки новых сел. Но в те годы рано, рано еще было рисовать, разве что на песке...

Теперь же выяснилось, что решают не только деньги. Деньги есть и на счету колхозов и в кармане у колхозников. Есть самосвалы, бетономешалки, автокраны. А чего же нет? Нет строительных материалов. Нет леса, цемента, стекла, шифера, железа. Доставать? И достают на стороне. В одной кубанской станице председатель колхоза, хвалясь железными крышами новых домов, обронил как бы между прочим: «А ведь сельпо за десять лет ни одного листа не получило...» Но жить, строиться надо, деньги не любят лежать, да и семьи растут у колхозников, и все чаще в село возвращаются парни из армии, из дальних краев. И люди на дом ничего не жалеют: ни сил, ни средств.

Но тут важно, правы ли те, кто говорил об особой способности сельского человека поставить дом ловко, красиво. Не утрачена ли такая способность с годами, передается ли она по наследству? Вид большинства обновленных сел Молдавии, северных областей России, Армении, где я также только что побывал, Украины, Таджикистана подтверждает правоту тех, кто с недоумением прислушивался к нетерпеливым поборникам дать деревне какие-то особые, «современные» проекты. Появились возможности, стали лучше люди жить, и откуда только взялась эта строительная удаль! Застучали топорики!.. Из села в село пошли мастеровые, плотники, каменщики. Сходились соседи и с песнями в день-два поднимали стены нового дома. Нет, никто не лепит кривобоких хаток, никто не сколачивает безликих домов-ящиков, не возводит домов-сараев. Люди строятся умно, широко, весело. И не без того, чтобы посоревноваться друг с другом — сосед с соседом, село с селом! Так в Армении, так и в Молдавии.

Особенно ярки краски нового молдавского села. Я спрашивал: откуда художники? Отвечают: сами хозяева подбирают цвета. Но, черт возьми, не каждому же дано великое чувство цвета, меры. Да, отвечают, не каждому, но обязательно есть один-два таких человека в семье, в роду или рядом, по соседству. Не может же такого быть, чтобы совсем бесталанные жили люди в селе.

Один машину, мотор выслушивает, как выслушивает орга́н рижский настройщик. Другой так умеет обрезать яблоню, что яблоки у него всегда поспевают раньше, чем у других. А третий так пряменько выведет стену, так организует пространство нового дома, что и дом-то с виду небольшой, а внутрь войдешь — хоромы! Тут тебе и веранда вместо былых сеней, и кухня куда просторнее, чем у нас в городе, и «чистая горница», и «зал» — для приема гостей, и детская спальня, и взрослая... А главное, человек, задающий тон на сельской стройке в Молдавии, как бы выражает душу и того, кто умеет слушать моторы, и того, кто знает язык растений. Он, народный строитель, талантлив еще и тем, что дома, которые оставляет после себя людям, тоже звучат песенно, тоже расцветают! И нет повторов. Боже упаси, чтобы один дом напоминал другой! Хозяин не потерпит такого!.. Но и нет разночтения, разнокалиберности, разномастности. Непостижимо соблюдена композиция, характерная только для данного села. И надо видеть, какое разнообразие в орнаментах, в отделке фундаментов, в самой фактуре стен, в наличниках и косяках. Как здорово подобраны краски одного дома. Даже черная в ходу!.. Яркие дома, а ведь ни один не лезет в глаза, не кричит!.. И все вместе они весело смотрят на улицу. Да уж и люди в них живут, наверное, хорошие.

Нет, великое это дело — дом построить! Вроде бы для себя одного. А ведь нет, не только для себя — получается, что для всех. Дом, он у всех на виду; он, конечно, принадлежит тебе и только тебе, но и всему селу. Вот я пишу не о чьем-то там особом доме, а о Молдавии, о республике. Не скажут же люди, что у такого-то, мол, дом неказист, а скажут, что в таком-то селе есть домишко, не приведи бог его увидеть еще раз...

Еще раз... Да, хочется вернуться в Молдавию, пройти-проехать садами новых сел и будто под радугой постоять, порадоваться вместе с новоселами их удачам, их таланту жить. Такими селами стали Парканы, Вулканешты, Этулия, десятки сел в Котовском районе и за Бельцами. И как важно сберечь в народе, развить этот талант, даже самое желание строиться. А ведь это действительно талант — жить трудом и своим домом, жить самыми естественными для трудового человека заботами о потомстве, да так, чтобы оставить доброе имя детям твоим и детям детей. Оставить плодородную пашню, плодоносящий сад, машину на ходу. И дом. Дом, который построил ты. Как дерево, которое ты посадил. Дом, в котором легче одолеть невзгоды, в котором жить твоим внукам. А те дома, что повсюду начали строить у нас, именно такие. Лишь бы побольше их было — свой у каждой семьи! Лишь бы никогда не тускнели те краски, что подобраны сегодня и с любовью положены отцовской кистью!

Ну, а что касается новаций архитекторов и их благородных творческих порывов, то думаю, что самое время помочь селу организовать общественно-культурные центры, предложить новинки в их проектировании.

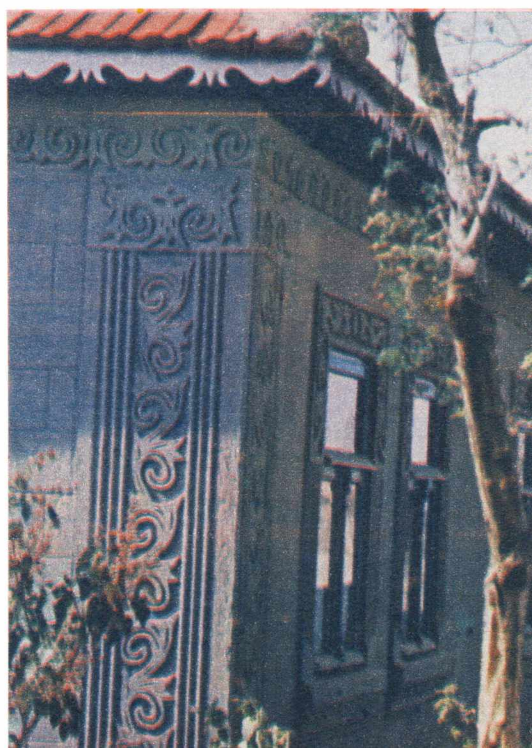
Н. БЫКОВ

Фото Б. КУЗЬМИНА.

ПОСТРОИЛИ...

Н. СОБОЛЕВ,
заслуженный агроном РСФСР

Рассказывая о том, как была спасена от фашистских захватчиков уникальная коллекция вин «Массандры», автор статьи Николай Константинович Соболев пишет о А. А. Егорове, В. И. Лысикове, А. Б. Мельтцере, А. П. Куницыной и других виноделах, все время как бы желая остаться в тени их подвига. Но тому, кто побывает в «Массандре» и в крымских виноградарских совхозах, эти же самые виноделы и виноградари в первую очередь расскажут о той большой роли, которую сыграл во всей этой «массандровской операции» сам Н. К. Соболев, как он участвовал в обороне Севастополя и организовывал снабжение продовольствием героических защитников города-героя. Николай Константинович награжден тремя орденами Ленина.

КАК БЫЛА СПАСЕНА ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ «МАССАНДРЫ»

Кто не знает, что такое «Массандра»! В двух километрах от Ялты, у подошвы Крымских гор, расположен один из старейших в нашей стране винзаводов этого комбината с его знаменитым подвалом, построенным еще при князе Л. С. Голицыне в 1897 году. Семь широких, как улицы, тоннелей веерообразно расходятся от соединительной галереи. В них хранится замечательная коллекция отечественных и заграничных вин, которую виноделы называют «золотой». Собирать эту коллекцию начал еще князь Воронцов, облюбовавший под свои дворцы и имения южный берег Тавриды.

После установления Советской власти в Крыму все, что осталось от этой коллекции, что сохранено было рабочими и специалистами — виноделами «Массандры» от белогвардейцев-врангелевцев, народное государство взяло под свой контроль. В 1936 году хозяином комбината становится Наркомпищепром. «Массандре» большую помощь оказывает нарком Анастас Иванович Микоян. В это время главным инженером-виноделом комбината назначают крупнейшего специалиста Александра Александровича Егорова. Под его руководством коллекция приводится в порядок и начинает ежегодно пополняться новыми сортами вин. Под землей, в длинных тоннелях, ровными рядами укладывают бутылки самой различной формы, покрытые липким слоем пыли, с густым темным осадком на внутренних стенках. Сюда собирают из подвалов Воронцова херес 1775 — 1848 годов и саперави 1888 года; из подвалов Голицына — знаменитое «седьмое небо» и вина из алтайских медов; лучшие мускаты — ливадийский № 85 и № 35, черный — № 88, розовый, токай, кагор, мадера № 83 и № 31, портвейны 1889—1890-х годов №№ 81, 32, 33, белое и красное каберне, рислинг, семильон и многие другие сорта. На отдельных полках — бутылки со старым французским шампанским, испанские и германские вина.

Массандровская коллекция с ее редчайшим ассортиментом становится практическим пособием и школой для подготовки виноделов. Здесь наблюдаются процессы созревания и старения вина, секреты его долголетия. Ежегодно тут происходят производственные дегустации, которыми всегда с таким вдохновением и блеском руководил А. А. Егоров. Недаром писатель П. Павленко назвал его «поэтом вина».

Старейшая, уникальная в нашей стране коллекция «Массандры» за свою историю дважды подвергалась опасности уничтожения. В 1920 году от нее отвели эту опасность рабочие и виноделы, заблаговременно замуровав тоннели. Второй раз коллекцию пришлось спасать уже в годы Великой Отечественной войны. Вот как это было.

Немецкое командование планировало молниеносно захватить Крымский полуостров и оттуда перемахнуть на Кубань и Северный Кавказ. Но, как известно, защитники Крыма и Севастополя сорвали этот таврический вариант фашистского блицкрига.

...На Южном берегу Крыма наступал бархатный сезон. Созревал виноград, шла последняя ломка душистого «дюбека» на табачных плантациях. Но вокруг было тревожно. Гитлеровская армия подошла уже к Крыму. Советские войска заняли оборону на Перекопском перешейке.

В эти дни А. И. Микоян беспокоился об эвакуации в глубокий тыл рабочих и специалистов винкомбината и массандровской коллекции. Я тогда работал директором «Массандры». Сразу же после указания из Москвы был создан оперативный штаб по эвакуации.

Вспоминается совещание в Ялтинском райкоме партии. Тут секретарь райкома Борис Иванович Герасимов, партийные работники, руководители предприятий, учреждений. Специалисты лаконично докладывают о ходе эвакуации. Особенно много хлопот предстоит «Массандре». Вместе со мной и А. А. Егоровым пришли в райком директора наших заводов — Василий Иванович Лысиков и Александр Борисович Мельтцер.

— Как идет вывозка бочек с вином в порт? — спрашивает секретарь райкома у В. Лысикова.

— До двенадцати часов дня отправлено тысяча двести бочек. За сутки — по двести бочек, а с завтрашнего дня начнем вывозить по триста. Мобилизовали весь гужевой транспорт и автомашины. Завтра начнем первую погрузку на пароход «Одесский горсовет» и рассчитываем закончить ее за сорок восемь часов.

— Сократите срок погрузки до одних суток,— предлагает секретарь райкома.— Поставьте на это дело самых сильных и ловких.— И обратился ко мне: — Николай Константинович, как обстоят дела с упаковкой и отправкой в порт бутылочного, коллекционного вина?

Я заметил, что бутылочное вино отправлять гораздо труднее, чем то, что в бочках. Тем не менее уже уложено в ящики и вывезено в порт десять тысяч бутылок. Каждая из них взята на учет, тщательно упакована. Правда, на комбинате не хватает упаковочного материала, в особенности досок для изготовления ящиков, но приняты меры, чтобы все необходимое срочно изыскать на месте.

Днем и ночью шли драгоценные грузы в порт. Днем и ночью не прекращалась напряженная работа на заводах. В тоннелях рабочие старательно забивали в наполненные вином бочки чопы и шпунты, укрепляли железные обручи. Бочки отбирались самые крепкие — им предстоял длинный путь. В четвертом тоннеле работали в большинстве женщины. Их сыновья и мужья уже воевали. Этот тоннель считался святая святых винной коллекции. Все его ниши были заполнены старыми напитками, составлявшими драгоценную винотеку. Александр Александрович Егоров сам руководил работами и по упаковке и по оформлению этих вин. Он просматривал каждую бутылку, показывал, как лучше уложить ее в ящик, обращая особое внимание на состояние пробок. Вот он подошел к нише, где хранился токай урожая 1898 года, немного призадумался, как-то особенно торжественно взял в руки бутылку и сказал окружившим его работницам:

— Это было сорок лет тому назад, я только что поступил на работу в этот подвал. Помню, как мне пришлось разливать вино из бочек в бутылки и укладывать их в эти ниши. «Ай-Даниль-токай» предназначался для длительной выдержки...

И пошли воспоминания.

Более века назад из Венгрии на Южный берег Крыма завезли высокосортные токайские лозы. Состоятельные люди закладывали плантации маленькими участками, вино вырабатывалось в небольшом количестве, и пить его тоже могли только богачи. Токайская лоза у нас хорошо прижилась, почвенные и климатические условия Крыма оказались для нее даже более благоприятными, чем на родине. И при Советской власти токайские сорта винограда стали разводиться у нас большими массивами.

Александр Александрович неожиданно прервал свой рассказ и

«Массандра». Здесь рождаются лучшие в мире мускаты, мадеры, портвейны.

За последние 20 лет виноделы «Массандры» завоевали на международных выставках около 100 медалей.

На снимке: в подвалах «Массандры» при постоянной температуре вина выдерживаются в огромных дубовых бочках. Дубовая тара улучшает их качество.

Фото Ю. Ильенко (ТАСС).

попросил стоявшую рядом винодела Анну Петровну Куницыну принести бокалы.

— Через несколько минут — перерыв, и мы попробуем это вино.

Все оживились. Егоров сам с большим искусством — это тоже надо уметь! — удалил «бархатную» пробку. Она достаточно хорошо сохранилась, и на ней отчетливо была видна дата: 1898 год. Из ящиков сложили стол. Егоров наполнил дегустационные, овальной формы бокалы, и вино заискрилось, заиграло золотом. Он поднял свой бокал против света, повертел его, а затем медленно, небольшими глотками стал пробовать. Все это он проделал молча, несколько торжественно. Лицо Александра Александровича засветилось: напиток превзошел все его ожидания.

Александр Александрович Егоров — это целая эпоха в советском виноделии. Он прожил долгую, полную трудных творческих поисков жизнь и умер совсем недавно, не дожив всего месяца до своего 95-летия. Вот что он написал о себе: «Род Егоровых происходит из государственных крестьян Тверской губернии. Дед мой, Ефим Егорович, окончил гимназию и Московский университет по естественному факультету, затем работал по школьно-образовательному делу. Отец, Александр Ефимович, окончил также Московский университет по тому же факультету и работал преподавателем в гимназиях. Я последовал примеру деда и отца, поступил в тот же университет на естественноисторический факультет и окончил его в 1897 году».

С тех пор вся жизнь А. Егорова была связана с виноделием. Начав рядовым рабочим в винном подвале, он стал затем создателем замечательных «золотых» марок вин в Крыму, Грузии и Азербайджане. Особенно много энергии, таланта отдал Александр Александрович «Массандре».

Но вернемся к тревожным дням войны. На втором заводе в лихорадочно быстром темпе готовили к эвакуации всемирно известную массандровскую мадеру — под открытым небом, на специально заасфальтированных площадках, по нескольку лет лежали сделанные из крепкого дуба бочки с мадерой. Вместе с главным виноделом Александром Борисовичем Мельтцером, известным специалистом по крепким винам, мы направились на открытую площадку. Здесь многолюдно, шумно и тревожно. Готовили к отправке мадеру и портвейн давнишних урожаев. Автомашины безостановочно мчались в порт и обратно.

С каждым днем на втором заводе вина оставалось все меньше и меньше. Заканчивалась упаковка и отправка коллекции. Остальное решено было замуровать в горе. В подземелье спрятали сто семьдесят тысяч бутылок. В нишу положили знамя комбината «Массандра» и приказ по управлению, в котором перечислялись все, кто в эти суровые дни активно участвовал в эвакуации коллекции вин. Это был особый документ, непохожий на обычные приказы по заводу. Он заканчивался словами, в которых была наша вера в грядущую победу: мы непременно вернемся, достанем замурованные вина и первый бокал поднимем за мужество советских воинов. Так было сказано в приказе, так оно потом и произошло!

...Октябрь 1941 года на исходе. Теплые осенние дни стоят на крымском берегу. В клубе собрались рабочие и специалисты. Секретарь обкома партии кратко проинформировал о положении на фронтах, о зверствах фашистов на захваченной ими территории. Затем выступили рабочие, виноделы.

И тут же по предложению А. Егорова среди массандровцев начался сбор денег на постройку самолетов и танков для Красной Армии.

Вечером я пригласил в управление комбината старейшего практика-винодела Ивана Васильевича Федорова. Еще юношей он приехал в Крым и поступил на завод простым рабочим. При Советской власти получил возможность освоить технологию выработки крепких вин, стал мастером, а потом — помощником винодела. В первые же дни войны Иван Васильевич отправил на фронт своего единственного сына — агронома-виноградаря Петра и теперь терялся в догадках, что может означать записка, которая срочно зовет его в управление. И только тогда успокоился, когда услышал от меня: «Мы вас пригласили по важному делу. Дирекция и партийная организация назначают вас ответственным за сопровождение коллекции, дальнейшее хранение и уход за коллекционным бутылочным вином. Скоро начнется погрузка на пароход. Коллекционное вино будет доставлено в один из черноморских портов, а затем перегружено в вагоны для отправки дальше, в тыл. В вашем распоряжении сутки».

— Выполню при любых условиях! — четко, по-военному ответил Федоров.

...В первые дни ноября 1941 года, когда фашисты уже ворвались в Крым, управление «Массандры» получило распоряжение немедленно начать уничтожение оставшихся в Крыму молодых вин на 1-м и 2-м заводах. И сейчас тяжко вспоминать про то, как это все происходило, люди плакали, но задание выполняли: рабочие, вооружившись ломами и топорами, выбивали у бочек донья, отвинчивали люки в купажных железобетонных бассейнах, огромных бутах. Вино под большим напором мощными струями устремилось в цементированные каналы, речушки, а затем по крутым склонам и по извилистым оврагам — в море. Даже воздух стал пьянящим, а морская вода в голубой Ялтинской бухте обрела зловещую розовую окраску...

Между тем завершался последний, пятый рейс пароходика «Массандра» в Новороссийск и Анапу. Сколько раз его бомбили вражеские самолеты! Но все кончилось благополучно. Задание правительства было выполнено. Всего из Ялты вывезли 57 тысяч бутылок коллекции «Массандры» и миллион двести тысяч литров марочного бочкового вина: мускаты, пиногри, мадера, портвейны. Из портов Новороссийска и Анапы все эти вина были отправлены дальше, уже по железной дороге, в Тбилиси, Баку, Куйбышев.

...И вот наступил долгожданный день — Крым освобожден от гитлеровских захватчиков! Бесценное народное сокровище снова вернулось в Ялту. Велика была радость коллектива «Массандры»! В нишах, как и до войны, появились надписи: херес 1775 года; мускат 1910 года; вино «седьмое небо»; мадера 1937 года. Десятки тысяч бутылок заняли прежние места. За спасение массандровской коллекции многие рабочие и специалисты комбината были удостоены высоких правительственных наград.

Прошло с тех памятных времен более четверти века. Сосуды со старыми коллекционными винами, бутылки самой различной формы опять окутались толстым слоем пыли и паутины. А специалисты знают, что чем толще этот слой, тем ценнее вино. Тысячи советских и иностранных туристов с интересом осматривают ныне «золотую» коллекцию. И неизменно благодарят тех, кто спас ее от фашистских варваров.

* * *

Страсти все зимы крутые
Вдруг растаяли в тепле,
Солнца косы золотые
Расстелились по земле.

Щебет ласточки мне слышен,
Что весну нам принесла,
Что, трудясь под нашей крышей,
Свой домок-гнездо свила.

Ветерок ли прихотливо
Их разбросанно несет,
Но растерянно, сонливо
Вьется бабочек полет.

И деревья с юной кроной
Встали, ветви распластав,
Точно в тяжести зеленой
Веселей, пригожей став.

Уходили тени бледной,
Зимней скуки на лугах,
Ветерок, как будто следом,
Гнался, тряс, сушил снега.

И весна в нежнейшем чуде
Обходила лес и луг,
Ей помочь спешили люди,
Разукрасить все вокруг.

Делать что зиме при этом?
Вдруг зима взяла разбег:
Чтоб блеснуть весенним цветом,
Алычу убрала в снег.

●

НАЗЫМ ХИКМЕТ

Мы стояли с тобой на вершине
Сухумской горы,
И плескалося море внизу, как
в тазу, на камнях,
И какая-то сила держала твой
тайный порыв,
И какое-то горе таил ты
в душе от меня.

Говорил ты, как будто не думая
сам ни о чем,
Но в душе ждал вестей, и о них
была дума строга,
И глаза тосковали, тоска эта била
ключом,
И твой слух устремлен был
к далеким от нас берегам.

Боль страны твоей — это же боль
и твоя,
Сердце гладил свое, точно видел
вдали,
Как приветствует родины милой
края,
Как ты жаждал притронуться
к сердцу родимой земли.

Будто крикнул внезапно твой сын
из-за моря, Мамед,
И ты слушал в отчаянье,
в молчании мыслей своих,

Иван ТАРБА

Весенний снег

Абхазский поэт и общественный деятель Иван Константинович Тарба родился в 1921 году. В печати выступает со стихами с 1937 года. На русском языке изданы его книги: «С первых дней», «О друзьях-товарищах», «На суд товарищей» и другие.
Здесь печатаются новые переводы стихов Ивана Тарбы, написанных в последнее время.

Будто голос звучал, ожидая
хоть слова в ответ,
И угас, так испуганно, глухо затих.

С головою опущенной долго
стоял ты потом,
Твои думы, как волны во тьме,
растворялися где-то.
И всю ночь мы бродили
над морем с тобою вдвоем.
Горы встретили нас своим
розовоснежным рассветом.
Соучастником дум твоих был я,
и я бы сказал,
Что без слов мы друг друга
душой понимали,
Все, что думал тогда ты, все
плыло, все жило в глазах,
Как бы ты ни скрывал, но глаза
твои так горевали.

Говорил, что страна твоя ждет
тебя много уж лет,
Приглашал, чтоб, как брат, твою
родину мог бы узнать я,
Говорят, друг на друга с тобой
мы похожи, Хикмет,
Друг на друга похожи, как могут
похожи быть братья.
Брат, ушло твое горе с тобою
и вместе с судьбой,
Твоего возвращенья не ждет уже
родина тоже.
Если внешне, Хикмет, даже очень
мы схожи с тобой,
Но зато по судьбе мы с тобою
никак не похожи!

●

ХОЗЯИН ЗЕМЛИ

На земле свое жилище
Всем положено иметь.
Почему же столько нищих,
У кого не дом, а клеть?

Почему в кусках отдельных
Сжат, разбит простор полей,
Нет конца другим владеньям —
У земельных королей?

Почему не могут люди
Взять свободные поля,
Чтоб вздохнула полной грудью
Одичавшая земля?

Почему же был негодным,
Лживым весь раздел земли?
Почему всегда голодным
Ходит труженик в пыли

И куска земли не видно,
Хоть устал ее искать,
А богач, он, ненасытный,
Землю хочет всю забрать?

Почему земля порою
Жаждет пахаря, зовет,
Землю в трещинах от зноя
Не живит крестьянский пот?

Шар земной — он полон света,
Человека дом-земля.
Возражает кто на это,
Я скажу ему: — Земляк,

Только тот имеет право
Видеть: дали расцвели,—
Тот, кто трудится на славу —
Тот хозяин всей земли!

Перевел Николай ТИХОНОВ.

●

ДЕВУШКИ СОБИРАЮТ УРОЖАЙ ЦИТРУСОВЫХ

Осенний день встает светло над
нами.
Подсчитывая летние щедроты,
Исполненные радостной заботы,
Деревья перегружены плодами.

Плодами перегруженные ветви,
К самой земле свисающие тяжко.
Природе не показана оттяжка,—
Проходят дни, и мы за них
в ответе.

Проходят дни. Природа
в ожиданье.
Ее дары щедры и благосклонны.
Как волны моря, закипают кроны,
А в них плоды, что золота
мерцанье.

А в них плодов мерцанье золотое.
Плантация так дружно пламенеет!
Когда одежка мягкая желтеет,
Плоды на ветках оставлять
не стоит.

Плоды пора снимать с тяжелых
веток.
Выходят девушки, идут рядами,
И расцветают руки их плодами:
Берут не с веток — из чудесных
клеток.

Берут из клеток — не плоды,
а птицы,
Кладут не в гнезда — в мягкие
корзины.
И песнь поют в виду у всей
долины —
Работницы, красавицы, певицы.

Красавицы, им не нужны румяна.
Их женихи в другом конце
селенья,
Дела у них иные и волненья,
Но встречи с ними девушкам
желанны.
Да, девушкам желанны встречи
с ними.
Подходит вечер в дымчатой
накидке.
Горят в корзинах золотые слитки,
Что сложены руками молодыми.

Играют молодые руки, плечи.
Подходит вечер — это неизбежно.
И девушки надеются так нежно,
Что с милыми сегодня будут
встречи.

Перевел Лев ОЗЕРОВ.

●

ТРОПА

Веревкою горная вьется тропа,
И путь облегчая и радуя глаз.
Запомните имя того, чья стопа
Ее проложила впервые для вас.

Самой не подняться ей так
высокó,
Шагами он травы насквозь
прошивал.
Следы его нынче найти нелегко.
— Эй, время, откликнись! —
я громко позвал.

Эй, время!
Ты в вечность его увело,
А я его память светлó подниму:
Хочу, чтоб запомнили это чело,
Чтоб нынешний люд поклонился
ему.

Он, первопроходец, достиг высоты
Ценою нелегкой, чтоб мир
оглядеть,
Чтоб после прошел здесь без
трудностей ты,
Чтоб мог я над синею бездной
сидеть.

Не мельница мелет, а время идет,
Вбирая былое в свои жернова.
Мне кажется, в космос дорога
ведет
С той самой тропы, где истерта
трава.

Перевела Лариса ВАСИЛЬЕВА.

●

ВОДА

Я проживу и без вина.
Но без воды, однако,
Не обойдусь — течет она,
Как жизнь, сильнее мрака.

И пусть полдневный жар жесток,
Выматывает жилы
Труд нá поле — воды глоток
Вновь возвращает силы.

А деревце шумит листвой,
И в небе ему тесно.—
Вспоенная водой живой,
Земля под ним, как тесто.

А без живительной воды
Хоть раз, скажи на милость,
Чьи подвиги, и чьи труды,
Чья жизнь осуществилась?

Вода на вкус сладка, горька.
И все же — чтó в ней ищем?
Она идет издалека,
Всех вин древней и чище...

Я проживу и без вина.
Но без воды, однако,
Не обойдусь — течет она,
Как жизнь, сильнее мрака.

●

СОЛОВЕЙ

На землю обратив лучи,
Неторопливо солнце дышит.
Бесшумны горные ключи,
И ветер листья не колышет.

А это просто соловей —
Исполнен счастья ли, страдает —
Поет, поет среди ветвей,
Поет! О чем — никто не знает.

Такая песня на уста
Пришла! В ней ни единой ноты
Фальшивой. Вечна и чиста!
Она тебе напомнит, кто ты.

Одна и та ж. Одна, одна.
И надоесть она не может!
Ее постигнешь ли до дна?
Утешит сердце и встревожит.

И все ж когда-нибудь пойму,
В чем тайна сольного оркестра.
О, не уступит никому
Солист мой певческого места!

Он воспевает жизнь и свет,
Сады и небо над Сухуми,
Залив и влажный парапет,
Беспечный час и час раздумий —

Все то, чем наша жизнь жива,
И то, что только в мыслях зреет...
И песня каждый день нова,
И соловей мой не стареет.

Перевел Н. ЗЛОТНИКОВ.

Рассказ

Татьяна ТЭСС

Рисунок И. ПЧЕЛКО.

ОДНАЖДЫ У ВЕШАЛКИ

Погода переменилась сразу, и зима кончилась. Грянуло солнце, обильное, торжествующее, тротуары высохли, и лишь на бульварах кое-где темнел вдоль ограды старый, грязный снег, ноздреватый, как губка. А вскоре растаял и он.

Деревья еще были голы, но в угольной черноте ветвей уже проступала слабая малахитовая растушевка, предшествующая рождению листвы. Тропинки на бульварах не просохли, и там, где таилась влага, городская скудная земля пахла величаво и прекрасно, как в поле. Порой из-за угла прихватывал ветер, полный резвой игольчатой свежести, но воздух уже прогрелся, и голубой свет вокруг и эта робкая нежность природы — все было невыразимо прекрасным, как бывает только весной.

Я шла по переулку мимо деревьев и домов, мимо стоящих у тротуара машин, от которых тянуло запахом нагревшегося металла, шла к большому зданию, что возвышалось в конце переулка, блестя окнами, освещенными солнцем. Там находилась музыкальная школа, и я условилась накануне с преподавателем, что приду к нему на урок послушать его ученицу, очень маленькую и очень талантливую.

Но случилось так, что я опоздала, причем опоздала изрядно. Открыв дверь в класс, я увидела незнакомую строгую женщину в очках и сидящего за роялем толстого мальчика. Мальчик играл сонату Гайдна.

Преподавательница выжидающе посмотрела на меня сквозь очки, и лицо ее стало еще строже.

— Прошу прощения,— сказала я, попятившись назад.

— Одну минуту...— Преподавательница взяла записку, лежавшую на рояле.— Здесь фа диез, Вова,— сказала она мальчику.— Повтори еще раз. Это, наверное, для вас...— Она протянула мне записку.— Не напрягай кисть, Вова, слышишь?

Из записки я узнала, что преподаватель вернется через час. Он великодушно не упрекнул меня за опоздание, но от этого я не почувствовала себя лучше. Держа записку в руке, я соображала, что же делать: час — это слишком мало, чтобы уйти и вернуться, и слишком много, чтобы сидеть и ждать.

Было слышно, как в классе продолжает играть толстый Вова. Вдоль коридора сияли наполненные светом окна. Я шла, обступаемая звонкими ручейками гамм, просачивающихся сквозь закрытые двери. Потом где-то тревожно и счастливо запела скрипка... Как послушно останавливаемся мы, когда нас ловит на ходу летящий сквозь чью-то дверь голос скрипки, говорящий о том, что прошло, и о том, что еще обязательно будет впереди...

В вестибюле было пустынно и тихо: голые деревья за окном казались четкими и условными, как декорации. В углу вестибюля холодно поблескивали никелированные вешалки с висящими на них пальто, куртками, шарфами, плащами, детскими шапочками и пушистыми пуховыми беретами, которые так любят юные модницы. В каждом пальто, если присмотреться, можно было угадать характер его обладателя, и я приметила сразу мальчишеское пальтецо, что висело боком, с лихо засученным рукавом, словно ждало своего владельца, чтобы немедля ринуться отсюда на улицу.

За деревянным барьером пожилая гардеробщица вязала носок. Вторая женщина — в косынке и синем халате уборщицы — сидела позади вешалок на потертом диванчике, который можно увидеть почти в каждом учрежденческом гардеробе, куда его выносят за ненадобностью из канцелярии или из отдела кадров.

— Был он раньше человек как человек, сын как сын. А теперь? И все она, змея...— сказала уборщица горестно, и я поняла, что услышала конец долгой, трудной беседы, где, сколько ни рассказывай, все равно материнских обид не перескажешь.

— И чем ты им мешаешь? — вздохнула гардеробщица и потянула клубок шерсти за нитку.

— Не говори...

Уборщица махнула рукой и, взяв щетку, зашагала к лестнице. Мы остались в вестибюле вдвоем.

Словно из дальней дали, сюда приглушенно и нежно доносилась музыка. Лишь иногда ослепительный пассаж, как звонкий, сорвавшийся с кручи водопад, прорывался в вестибюль: это означало, что в классе открылась на секунду дверь. Но ее тотчас же закрывали, и все снова умолкало.

Гардеробщица продолжала вязать.

Мне было видно ее полное, тихое лицо, седая прядь, лежащая на щеке. От всего ее облика веяло покоем и уютом, каким-то особым, я бы сказала, деревенским уютом, хотя, наверное, она жила в Москве много лет. В ее чуть сутулой фигуре, в том, как привычно и споро вязала она носок, в клубке серой грубоватой шерсти, было что-то заставляющее скорее представить ее в теплой и чистой деревенской избе, пахнущей свежевымытым полом, чем в застекленном холле с его современной мебелью и керамическими вазочками на стенах.

Входная дверь хлопнула, нас обдало ветром. Вошла девочка лет четырнадцати, в коротком пальто и высоких ковбойских сапогах; под мышкой она держала свернутые в трубку ноты.

— Ты что так рано, Катя? — Гардеробщица встала.— Ты же во вторую смену...

— Сегодня у меня дополнительные занятия. Перед концертом, тетя Паша...— Девочка расстегивала пальто.

— Руки, руки-то... Давай сюда. Давай я разотру. Все фасонишь, все без перчаток... О, господи, холодные, как кочерыжки!— Тетя Паша начала растирать девочке руки.— Теперь правую давай. Правая — она всему голова. Да не тяни ты назад, потерпи...

— Это не от холода. У меня всегда руки ледяные, когда я волнуюсь,— сказала девочка, вздохнув.

— Ты что играешь, се-мольную? — спросила тетя Паша деловито, продолжая растирать пальцы девочки.

— Не се-мольную, а це-мольную, тетя Паша,— сказала девочка уныло.

— Ну, пусть будет це-мольная. Беда невелика. Так ее и Коля играл, и Володя к концерту готовил. Я ж помню. Се-мольная — она самая ходовая. И у всех получалось. Ты даже и не думай, что у тебя не получится, в голову себе такое не забирай...

— У меня третья часть не идет,— сказала девочка тихо.

— Не идет, не идет, а потом стронется. У всех так. Теперь ступай, руки уже теплые. Пальто оставь, я сама повешу.

Она взяла пальто девочки и пошла к вешалке неожиданно легким и быстрым шагом. Старушечья спина ее распрямилась. Вернувшись, она села на прежнее место, потянула к себе клубок шерсти и опять стала похожа на деревенскую бабушку с вязаньем на коленях.

Вдруг она перестала вязать, и я увидела, что лицо ее стало напряженным. Она прижала руку к левому боку, словно хотела удержать что-то, больно и грозно ворочающееся внутри.

— Схватывает...— сказала она виновато, поняв, видимо, что я это заметила.— Второй раз сегодня. От погоды, что ли? Так и жмет сердце, так и жмет...— Она перевела дух.— Но потом ничего, отпускает.

Тетя Паша еще подержала руку на левом боку; потом снова принялась вязать.

Сквозь стеклянную дверь было видно, как подъехало и остановилось у входа такси. Из него вышел шофер и заглянул в дверь. Увидев гардеробщицу, он нерешительно вошел.

— Доброго здоровьичка, тетя Паша,— сказал он, снимая фуражку,— Лешка тут?

— А где ему быть? — Тетя Паша подняла упавший на пол клубок шерсти.— Занимается.

— Ушел голодным, идол,— сказал шофер.— Я ему деньги завез. На завтрак. Будьте такая добренькая, тетя Паша, отдайте, когда выйдет...

— В пустыню безводную приехал,— сказала тетя Паша, продолжая вязать.— Или в лес густой. Не накормят без тебя твоего Лешку.

— Так он же не скажет.

— Он не скажет,— согласилась тетя Паша.— Ни в какую не скажет, это верно. Покладн деньги. Не тут, на столик поклади. Я присмотрю, чтоб поел.

Шофер ушел, и я спросила:

— Это сын его тут учится?

— Сын. Целая история с ним.— Тетя Паша отложила вязанье.— Преподавательница наша ехала в такси, а водитель возьми и расскажи ей про сына. Шесть лет, говорит, парню, а какой-то он никакой. Целый день возле радио сидит, слушает и закорючки на бумаге выводит. Мать его спрашивает: «Ты что, Леша, бумагу портишь, это же соседа бумага, с линеечками». Сосед наш на баяне играет. А Лешка отвечает: «Я не порчу, я ноты пишу». Букв еще, подлец, не знает, а ноты пишет! Учительница прослушала все это и говорит: «Давайте заедем сейчас к вам домой, я посмотрю, что он там выводит». Приехали, взяла она в руки бумагу и видит: парень Чайковского по слуху записал. Первую часть концерта, между прочим. По-ребячьи, конечно, записал, но понять она поняла. Ну, она и взяла его к себе в класс. Пятый год с ним занимается. Пианина у него нету, так он к ней домой ходит уроки учить. На Восьмое марта в Большом театре на концерте выступал. «Серенаду» Рахманинова играл,— сказала тетя Паша с достоинством.

— Вы, наверное, на школьные концерты часто ходите,— сказала я.

— На концерты? — удивилась тетя Паша.— Я ж всегда при гардеробе, как же от гардероба отлучаться! Что у вешалки слышу, то и знаю. А за тридцать пять лет чего только не услышишь! И про се-мольную и про эф-дурную, про все слышу. И у кого какой концерт, и кто как играет, и кто о чем волнуется. Тридцать пять лет здесь сижу, всех помню. Помню, как Петю из Ельца сюда привезли, скуластенький такой парнишка был, и сапоги на нем отцовы, старые сапоги. Ниночку помню. Мать сильно ее кутала зимою. Разворачиваем ее у вешалки, бывало, как капусту. Хорошая такая девочка, добрая, она в прошлом году первую премию на конкурсе за границей получила. И Володя... Володечка был лучше всех. Другого такого мальчика, **как** Володя, во всей школе не найти. Вот послушайте...

И я слушала.

Я стояла у вешалки и слушала музыку, что пела и дышала вокруг меня, музыку, которой была полна душа этой старой женщины, за всю свою жизнь так и не успевшей подняться по лестнице в школьный зал, когда там шел концерт. Но музыка — волшебная властительница дум — властвовала и над нею, потому что музыка была жизнью тех, для кого она трудилась и кого любила.

Луч переместился по полу: солнце опускалось за крыши. Вестибюль был по-прежнему безлюден. А я все стояла у вешалки возле старой женщины с недовязанным носком на коленях и слушала ее неторопливый рассказ.

Прославленные музыканты, победители на международных конкурсах, знаменитости, талантом которых восхищались знатоки музыки во всем мире, для тети Паши попрежнему оставались мальчиками и девочками. О, это детство, которое уходит от нас незаметно и бесшумно, как звезда, и лишь в чьей-то памяти мы остаемся навеки детьми, упрямо и счастливо, что бы с нами ни случилось...

Но о ком бы ни вспоминала тетя Паша, она неизменно возвращалась мыслями к Володе.

Она считала его самым талантливым, самым умным, красивым. Во всей школе не было мальчика лучше Володи. Было видно, что тетя Паша очень любила этого Володю, и я не сразу поняла, что так она называет известного пианиста, на концертах которого я не раз бывала.

Это действительно был хороший пианист. Иногда мне казалось, правда, несколько преувеличенной его изысканная нервность и эта манера красиво и бессильно опускать руки, когда отзвучала последняя нота, а аплодисменты еще не грянули. Но многие вещи он играл хорошо, и лучше всего ему удавались Шопен и Дебюсси. Он концертировал в больших городах, выступал за рубежом, о нем писали музыкальные критики.

Глаза тети Паши заблестели, моток шерсти она сбросила с колен, как кошку, и сказала, всплеснув руками:

— Если бы вы только знали, какой это замечательный мальчик!

В это время стукнула входная дверь. Я не обернулась. А тетя Паша вдруг умолкла.

Она смотрела поверх моей головы, смотрела безмолвно и пристально, как завороженная. Лицо ее постепенно наполнялось светом, будто солнце, уже опустившееся за крыши, вернулось, чтобы осветить это старое прекрасное лицо. В ту минуту оно действительно показалось мне прекрасным.

— Володечка...— сказала она почти беззвучно.— Быть не может.

Вот тут я обернулась. И увидела, что вошел тот, кого она называет Володей.

Несмотря на ветер, голова его была не покрыта, темные блестящие волосы свободно падали ему на лоб. На нем было короткое замшевое пальто с вязаным воротником и кашне цветов радуги. Рядом с ним стояла девушка.

— Я поднимусь с тобой наверх и вас познакомлю,— сказал пианист девушке.— Слышишь? Он бывает здесь только раз в неделю: занимается с одной девочкой. Знаменитый композитор и все-таки находит время для школы, разве не прелесть? Я вас познакомлю, и ты договоришься, когда он тебя прослушает.

— Может быть, это неудобно? — спросила девушка нерешительно. Она была высокая, длинноногая, с тонким светлым лицом; большие глаза глядели встревоженно, как у птицы.

— Ерунда. Он меня хорошо знает, я играю его вещи. Сейчас я вас познакомлю, и все устроится. Послушай...— Он посмотрел на нее.— Я уже говорил тебе сегодня, что я тебя люблю?

— Ты этого давно не говорил. Целых пять минут.— Девушка улыбнулась.

Он помог ей раздеться и положил вещи на деревянный барьер у вешалки, потом небрежно сбросил свое замшевое пальто. На девушке был черный свитер, она казалась в нем еще выше и тоньше.

— Ты хорошо выглядишь,— сказал пианист.— Заявляю это со всей ответственностью.

— Ох,— сказала девушка.— Как я волнуюсь, если б ты только знал!

Тетя Паша вся подалась вперед и, кажется, перестала дышать; она даже стала на цыпочки, чтобы он ее скорее заметил. И пианист наконец ее заметил.

— А...— сказал он удивленно.— Вы все еще тут, оказывается? А я думал, вы уже на пенсии...— Он слегка пожал плечами.

— Господи, какой взрослый стал! Семь годков было, когда пришел первый раз в шубке своей беленькой...— Тетя Паша перевела дыхание.

— Идем наверх,— сказал пианист, не глядя на нее, и взял девушку за плечо.— Можно войти в класс во время урока, это ничего. Он меня хорошо знает. И все устроится, вот увидишь.

— Как сейчас помню, в шубке беленькой...— повторила тетя Паша беззвучно и счастливо и опустилась на стул.

Пианист, не оборачиваясь, уже шел к лестнице.

Девушка на секунду задержалась, я увидела ее лицо, встревоженное, недоумевающее...

Потом она отвернулась. И я тоже отошла от вешалки. На тетю Пашу я старалась не смотреть. Не могла посмотреть на нее, и все тут.

На площадке девушка остановилась.

— Я пойду одна,— сказала она.— Уйди, пожалуйста.

— Ты что? — Пианист удивленно взглянул на нее.

— Пожалуйста, уйди. Я одна пойду.

— Да что это тебе в голову взбрело? Не понимаю...

— Послушай...— Подбородок у девушки побелел.— Ты никогда ничего не хотел понять, если чувствовал, что тебе это помешает. И сейчас не хочешь понять. Тебе все равно. Тебе абсолютно все равно, что происходит с людьми, когда они тебе не нужны. Господи, у меня все в душе перевернулось...

— Что за глупости ты мелешь! — Пианист взял ее за руку.— Пошли, потом разберемся.

— Никуда я с тобой не пойду,— сказала девушка и отняла руку.— И не надо мне твоей помощи. Не надо. Пойми наконец!

— Истеричка,— сказал пианист тихо.— Еще пожалеешь.

Он повернулся, побежал вниз по лестнице и рывком схватил свое замшевое пальто, лежавшее на барьере. Громко хлопнула дверь.

Тетя Паша по-прежнему вязала носок. Лицо ее было спокойным: такие каменно спокойные лица можно увидеть у русских женщин в трудный час.

Стоя у окна, я смотрела в пустынный переулок. Прошло минут десять, и со второго этажа в вестибюль спустилась девушка. Тетя Паша подала ей пальто.

— Володя очень торопился...— сказала девушка, не глядя тете Паше в глаза.— Он просил вам передать, что завтра уезжает на гастроли. Когда вернется, он обязательно зайдет в школу.

— Спасибо, дочка,— сказала тетя Паша тихо.

Она вдруг осторожно подняла руку и прижала ее к левому боку. Что-то в ее лице неуловимо изменилось, и я поняла, что ее опять «схватывает». В третий раз, и крепко. Так крепко, что щеки у нее стали серыми и на лбу выступил пот.

— Он обязательно зайдет,— повторила девушка.

— Конечно,— сказала тетя Паша еще тише.— Как будет время, так и зайдет.

Наверху распахнулись двери.

И тотчас же коридор наполнился раскатистым шумом, говором, стуком быстрых шагов и тем удивительным молодым ветром, какой бывает только в школе во время перемены да еще, может быть, в весеннем лесу

БАЛЕРИНА

Ленинград. Улица зодчего Росси. Одна из красивейших улиц мира, если не самая красивая. Прямая, как стрела. Не очень широкая. Дома изящные и стройные, светлые и чарующие глаз своими пропорциями, словно музыка Моцарта. Каменная симфония.

Здесь, на этой волшебной улице, давно поселились музы. Отсюда, из стен прославленного Ленинградского хореографического училища, поколение за поколением выходят звезды русского балета.

После революции здесь начали учиться не только дети России, но и других республик страны. Вот почему эта улица и этот дом навсегда стали родными для Малики Сабировой. Она была робкой школьницей, когда ее отобрали на учебу в Ленинград в числе других одаренных девчонок и мальчишек Средней Азии.

И дело было не только в том, что у нее был отличный слух и она любила танцевать. Музыка и ритм вошли в жизнь, наверное, раньше, чем окрепло сознание. Отец Малики Ибрагим Джалилович считается в Таджикистане одним из лучших мастеров по созданию народных инструментов. Сколько часов за годы своего детства слушала Малика игру отца и его друзей? Для нее и сегодня нет больше наслаждения, чем сидеть в мастерской отца и слушать ансамбль исполнителей-виртуозов.

Да, девочка пришла в овеянное легендами училище не только с глубоко заложенным в ней самобытным талантом, который уже потом раскрылся и засиял всеми своими гранями. Она пришла в дом классических граций из мира народной музыки. И эти два начала дали нашему многонациональному искусству еще одно из многих поистине удивительных, неповторимых явлений — балерину с мировым именем, которая сегодня находится и в зените славы и в расцвете своего таланта.

Триумфальным был первый выход балерины на большую сцену — выпускной спектакль «Щелкунчик» в Ленинградском оперном театре имени Кирова. А потом началась работа на таджикской земле, в театре оперы и балета имени Айни. Годы работы, реки пота... В мире мало таких профессий, которые требуют от человека столько упорства и самоотречения.

...Вскоре не только Ленинград и Душанбе, но и другие города страны узнали, что на балетном небосклоне зажглась новая яркая звезда. Начались зарубежные гастроли. Англия, Япония, Индия и другие страны открывали для себя таджикскую балерину, вставшую в один ряд с лучшими солистками лучшего в мире советского балета. Сейчас Малика Сабирова находится в длительной гастрольной поездке по Соединенным Штатам.

В 1963 году пришло первое официальное международное признание: Малика Сабирова тогда поехала в болгарский город Варну, на международный конкурс артистов балета, там молодая танцовщица и ее партнер Музафар Бурханов завоевали серебряные медали за исполнение фрагмента из балета Асафьева «Пламя Парижа».

И, наконец, весь балетный мир признал Малику Сабирову одной из выдающихся актрис современности в прошлом году, когда она завоевала первую премию, золотую медаль и звание лауреата на Первом Международном конкурсе артистов балета в Москве. Она вышла победителем в труднейшем соревновании, где участвовало 78 выдающихся мастеров сцены из 19 стран.

В нынешнем году Малика Сабирова стала лауреатом премии Ленинского комсомола.

Заслуженное признание... Но успехи не кружат Малике голову. Потому что она настоящий труженик. Она, как и в прежние годы, приветлива, радушна и, главное, естественна, по-человечески тепла. Как-то ее спросили, что она любит больше всего, когда свободна от выступлений и подготовки к ним. Она ответила: «Больше всего люблю помогать маме на кухне».

В. НИКОЛАЕВ

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

Вечно юное очарование балета...

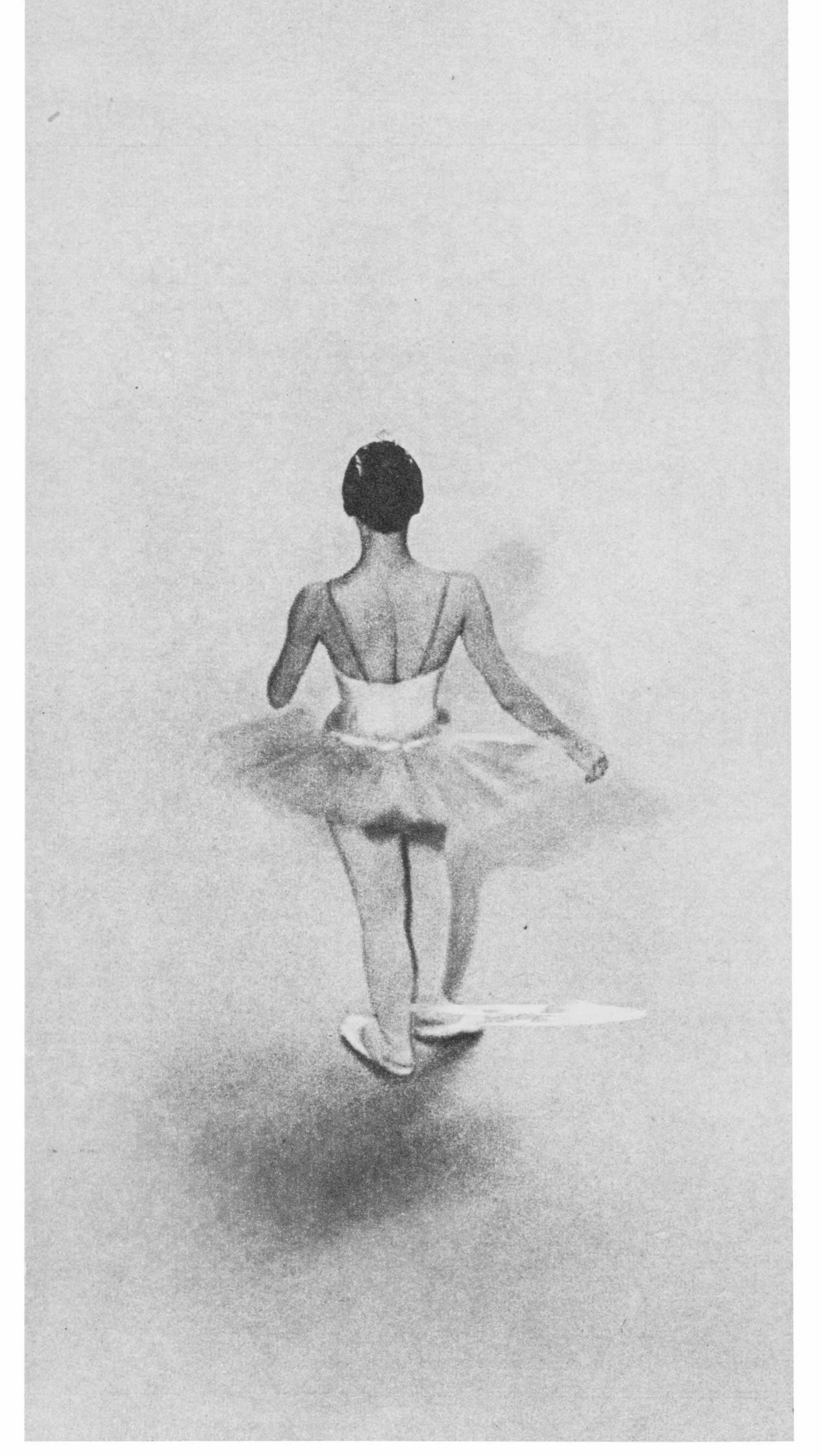

Грим не последний компонент успеха.

На репетиции, но в полную силу.

Миг перед танцем.

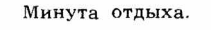
Как бы не забыть, что еще надо сделать сегодня.

Тяжело в ученье...

Минута отдыха.

В РОССИИ ВСЕ ПОЕТ...

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

С Саврасова появилась лирика в живописи пейзажа и безграничная любовь к своей родной земле... Да, Саврасов создал русский пейзаж.

И. Левитан

ШЕСТЬ РУБЛЕЙ ЗА ДЮЖИНУ

Белокаменная Москва встречает утро благовестом. Тянутся в небо сизые дымы. В синих стоячих лужах бродят пухлые облака, натыкаясь на золотые маковки церквей. Низко над землей с визгом носятся стаи стрижей. Парит. Быть грозе.

Ярко-желтый домик потонул в белой кипени черемухи. В окнах алая герань. Ветер колышет кружевные занавески, раскачивает клетку с канарейкой, тревожит ржавый, скрипучий флюгер. В саду поет малиновка... В маленьком доме сегодня праздник. У хозяина — купца третьей гильдии Саврасова Кондрата — родился сын. Нарекут его Алексеем. В приходе Николы Мученика, что у Яузы, 24 мая 1830 года появился новый прихожанин.

Доволен, не скрывает радости Кондрат Артемьевич. Есть наследник! Будет кому продолжать торговое дело. Не бог весть какая негоция — сбыт глазета, кистей с бахромой, с шнурами. А все же коммерция!.. А там, глядишь, подрастет сынок, и, не ровен час, можно рискнуть затеять дело посерьезней.

Но откуда было знать ликовавшему Кондрату Артемьевичу, что все его расчеты пустые. Что Алешка, его кровинушка,— блажной и не выйдет из него купца. Что будет он бродить, долговязый и потерянный, шататься по слободе, глазеть на реку или валяться часами и смотреть в небо.

И мать будет только качать головой и вздыхать: «Пустоцвет».

Нет, не могли понять родители Алексея, в каком особенном, дивном мире жил их сын. Как жадно впитывал он в себя пение весенних вод, шорох берез, грачиный грай. Как чутко слышало его сердце разговор молодого месяца и звезд, трубные звуки утренней зари, тихую беседу ивы с рекою.

Он рано прикоснулся к прекрасному. Ему открылось все колдовство простого, будничного, он узнал радость познания красоты.

Пройдет много лет, выпадет на долю Алексея много испытаний, прежде чем накопленное еще в юности богатство души найдет выход в творениях простых и волшебных... Но это все очень далеко.

А пока суровый отец, открыв пристрастие сына к рисованию, жестоко наказывает его. Сын изгнан на холодный чердак, где упрямо рисует, рисует, рисует.

Зябкое утро. На Яузе гнилой туман. Алеша торопливо вышел из дому. Скользит под ногами мерзлая булыга. Моросит. Алексей шагает по Солянке. Долговязый, нескладный, с большим свертком под мышкой. Пасмурно. В серой мгле тускло подмигивают фонари.

— Эй, вьюноша,— хрипит торговка снедью,— иди, на грош горлá отрежу.

Алеша улыбается и убыстряет шаг. Пахучий пар валом валит из распахнутых дверей кабака. Багровые блики горят в черных лужах. В густом тумане бродят босяки и нищие. Галдят извозчики, горланят торговки студнем, ливером, рваниной.

Думал ли четырнадцатилетний Саврасов, что через полвека он, прославленный художник, академик, но уже позабытый и одинокий, будет толкаться с этими босяками и нищими по Солянке и Хитровке?..

Китай-город. Белые древние стены. Никольские ворота. Лавочки, лавочки, лавочки... Каких только диковинок не сыщешь тут! Яркие лубки с пожаром Москвы и гравированные портреты генералов с нафабренными усами. Тут же рядом Василиса Прекрасная и Еруслан Лазаревич и сотни пестрых картин, малеванных масляной краской.

Вот и знакомая лавка. Алексей неспешно разворачивает сверток. Лавочник пересчитывает картины. «Извержение Везувия», «Восход», «Закат солнца на море»... всего двенадцать.

— Шесть рублей за дюжину,— осклабясь, цедит торгаш...

Алеша спешит домой. Он несет выручку. Он горд. Хотя знает цену ходовому товару. Он просто хочет доказать родителям доходность своей профессии.

Но его ждет грозный отец и холодный чердак.

Скоро друзья, чуть ли не с полицией, спасут Алешу с мерзлого чердака и устроят его в Училище живописи. Так начинал Саврасов свой сложный и тернистый путь в искусстве.

ЗАБОТЫ ТИТУЛЯРНОГО СОВЕТНИКА

Промелькнули годы учебы в училище. Добрые наставления Карла Рабуса, преподавателя живописи. Бесконечные копии с классических оригиналов. Компоновка романтических сюжетных пейзажей. Изучение техники. Штудии, штудии...

А как же с тем запасом душевных замет, которым владел Алексей с детства? Они были почти не тронуты. Слишком далека была академическая школа от каждодневного бытия, от природы.

В 1850 году молодой Саврасов получает звание неклассного художника. Он многое умеет. Одна из первых работ вне школы, написанная в 1851 году,— «Вид Кремля в ненастную погоду».

Пейзаж романтический. Налицо все атрибуты «возвышенного» стиля первой половины XIX века. Бурное небо, гонимые порывом ветра облака. Пышные кроны деревьев, убогий шалаш... В общем, холст наполнен весьма банальными деталями, обычными для полотен романтиков.

Но что волнует нас и заставляет все пристальней вглядываться в картину молодого художника,— это Кремль. Древний, белокаменный. Как сказочный корабль, расправив белые паруса храмов, горделиво и неспешно приплыл он к зеленым берегам Москвы-реки и бросил на реку серебряные отсветы.

Так тривиальный романтический мотив получил новое звучание. Двадцатилетний художник остро чувствовал красоту, но еще робко подходил к своей «саврасовской» теме. Впереди была дорога исканий.

«Степь днем». Этот пейзаж — новое слово в живописи. Лучезарное, широкое приволье напоено светом и радостью. Бескрайние дали тают в жарком мареве. Тишина. Где-то в голубой выси жаворонок.

Это был стихийный, интуитивный пленеризм. Казалось, что вот-вот наблюдения, труд и духовная одержимость художника дадут плоды самого высокого качества, Саврасов окончательно найдет себя — Саврасова.

Но судьбе угодно было распорядиться по-другому.

В 1854 году президент Императорской академии художеств великая княгиня Мария Николаевна посетила Москву. Она удостоила своим вниманием Училище живописи и заметила талант Алексея Саврасова. За сим последовало милостивое приглашение, читай — приказ, немедля ехать в Петербург, а оттуда в окрестности Ораниенбаума и Петергофа, где располагались владения ее высочества.

Дальше все пошло как в сказке. Молодой мастер приступил к выполнению высокого заказа. Запечатлеть «виды» дач на берегу Финского залива. На годичной выставке Академии художеств в октябре 1854 года были экспонированы два полотна Саврасова — «Вид в окрестностях Ораниенбаума» и «Морской берег в окрестностях Ораниенбаума». Стоит ли говорить, что эти работы понравились Марии Николаевне. И поэтому...

30 ноября 1854 года Алексей Саврасов получает звание академика живописи. Звание, которого не был удостоен Карл Брюллов, потрясший Европу.

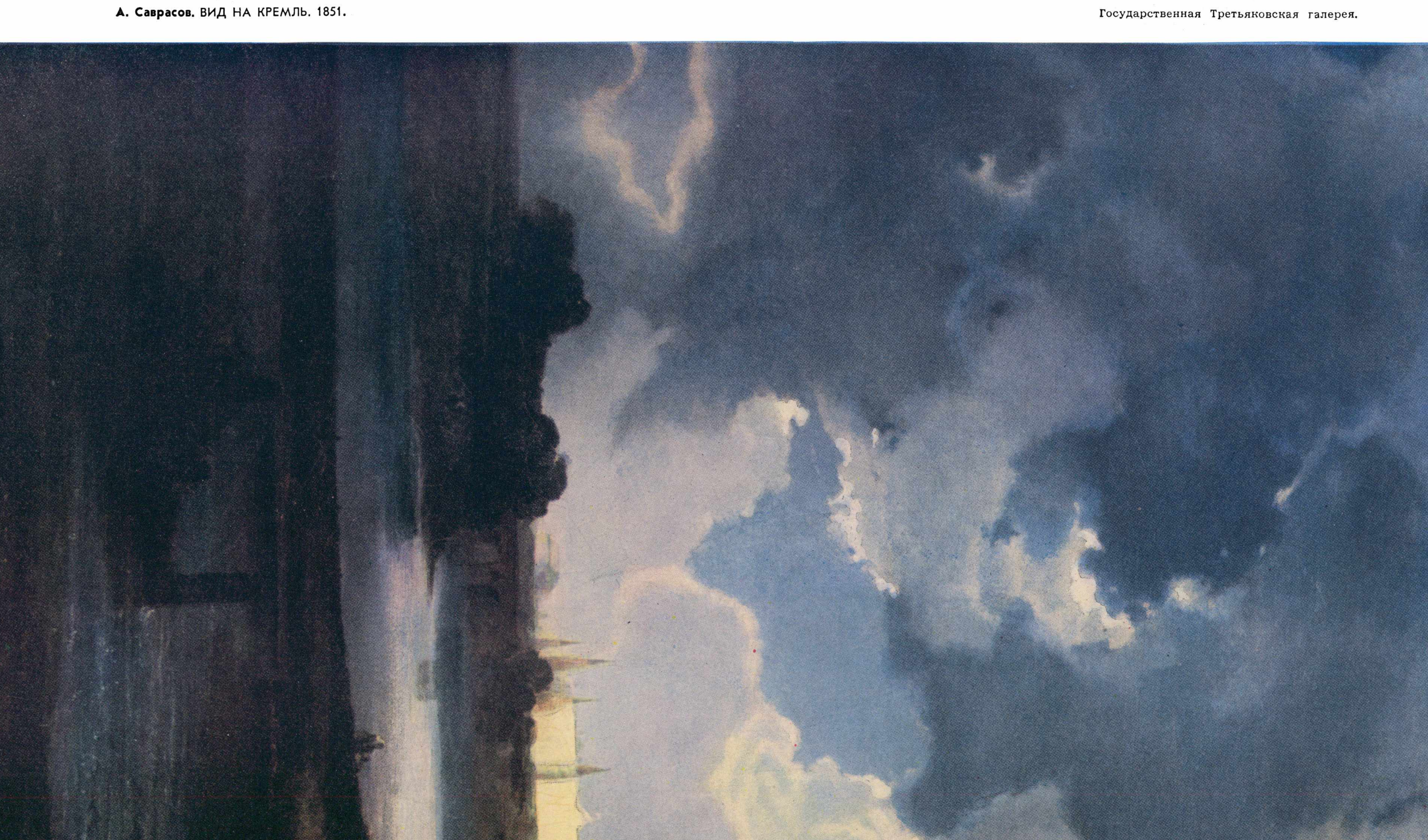
Академик в 24 года! Это ли не старт, как сказали бы сегодня спортивные обозреватели... Но не все так прямолинейно в искусстве, как на гаревой дорожке.

Молниеносный взлет мог вскружить голову человеку и более зрелому, и Саврасов поддался круговерти успеха, светских комплиментов, аристократических похвал. Долгие годы в списках работ живописца будут фигурировать копии с «Видов Ораниенбаума», ландшафты во владениях других сиятельных заказчиков...

Молодой академик завален работой. Его доходы растут, он становится модным. Кисть его блещет виртуозностью, холсты импозантны. В них есть и хлесткость манерного почерка и даже щегольство. В них

А. Саврасов. 1830—1897. ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ. 1871. Государственная Третьяковская галерея.

А. Саврасов. ВИД НА КРЕМЛЬ. 1851.

Государственная Третьяковская галерея.

А. Саврасов. ПРОСЕЛОК. 1873.

Государственная Третьяковская галерея.

есть все, кроме правды. Высокие заказчики в восторге, но муза художника чахнет в богатых имениях.

Вскоре умирает старый учитель Саврасова Рабус, человек и художник большой совести. Освобождается должность в Училище живописи, и Саврасова назначают на его место. 12 мая 1857 года он произведен в чин титулярного советника. Он начинает ухаживать за дочерью крупного московского купца — любителя живописи и древности Карла Эрдмана Герца. Вскоре он женится на Аделаиде Софье Герц. Заколдованный круг успехов, удач, возвышений замыкается...

А как живопись? А как же заветный клад, который, несмотря ни на что, хранит душа художника?

Новая семья предъявляет свои счета, свою власть, диктует свои вкусы. С легкой руки Герца в творчестве Саврасова на много лет укрепилось влияние Калама, швейцарского живописца, не лишенного эффектов, но совершенно чуждого русской школе.

Все быстрее и быстрее крутится колесо московской суеты. Саврасов преподает, исполняет десятки заказов, поддерживает светские связи. Его супруга требовательна и капризна. Живописец еле успевает фабриковать салонные пейзажи.

Но, несмотря на внешнее благополучие, Саврасов тоскует, он рвется к природе. Его душа требует иной пищи, а неумолимая проза жизни возвращает его к мольберту с очередным «Видом на Юнгфрау» или «Вестер Горн».

Кризис назрел. Надвигался взрыв, бунт, способный нарушить привычный ритм жизни, размеренную цепь полуудач, полувосторгов, полусчастья.

ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ

«Имея частное поручение исполнить рисунки и картины зимнего пейзажа на Волге, покорнейше прошу Совет уволить меня от службы на пять месяцев с 1 декабря 1870 года».

Перо остановилось... Саврасов поправил очки и вздохнул. Как трудно было решиться на этот шаг. Ведь только недавно ему казалось, что он должен быть занят этими нудными, неотложными делами. Что вся эта спешка, эта ежедневная карусель и есть та единственная жизнь, к которой он, Саврасов, призван.

Но вот на днях он прочел, что Мольер сказал однажды окружавшим его друзьям, захлопнув книги Платона и Теренция: «Достаточно с меня этих образцов; теперь я смотрю в себя и вокруг себя». И Саврасов решился...

Почти пятнадцать лет, по существу, потеряны. Если не счесть нескольких пейзажей, писанных с истинным ощущением России.

Накануне нового, семьдесят первого года, не слушая плача жены, ропота знакомых, ворчания друзей, Саврасов, забрав семью, покидает Москву. Кто мог предполагать, что этот нелепый, как казалось многим, поступок принесет быстро столь нежданные, негаданные плоды...

Живописец приезжает в Ярославль. Волжское приволье вдохнуло новые силы. Он пишет саженное полотно «Вид Волги под Юрьевцем», которое принесло ему первую премию на Выставке в Обществе любителей художеств.

Но не этот холст (который, к великому сожалению, исчез бесследно) произвел переворот в русской живописи. Вернувшись после короткой поездки в Москву снова на Волгу, в Костромскую губернию, в село Молвитино, Саврасов начал небольшое полотно, которое утвердило его имя на века...

«Грачи прилетели». Прошло сто лет с того дня, когда этот маленький холст был показан на первой Передвижной выставке в Москве в 1871 году.

Эта картина была в то время лучшим ответом на призыв Чернышевского: «Прекрасное есть жизнь...»

Одним из первооткрывателей этой новой красоты в русской пейзажной живописи, красоты простой и активной, стал Саврасов! Он нашел в себе силы сбросить тяжкий груз живописных условностей и, что самое главное, дать наконец простор приобретенному еще в юности чувству музыки русской природы.

...Войдите в маленький зал Третьяковской галереи.

«Грачи прилетели»... Подойдите ближе и вы услышите, как звучит картина. Ваш слух уловит музыку весны. Звон капели, журчание воды в проталинах, шорох ветвей берез, грачиный гомон. Скрип сверкающего наста, шелест весеннего ветра и тихий благовест...

В серой стене зала будто вырублено светлое окно. Полотно решено в тончайшем валере. Изысканные колебания бледно-лазоревых, голубых, бирюзовых тонов. Солнце скрылось. Но его лучи пробивают легкую пелену и бросают сложные серо-голубые тени на снег. Живопись холста многослойна. Цветная мозаика в светах пастозна и доведена до эмалевой плотности. Несмотря на необычайно точное общее звучание полотна, художник прибегает к ювелирной деталировке картины, которую можно рассматривать часами в упор. Пейзаж до предела обжит. Время оставило свои следы в выщербленных кирпичах колокольни, в отсыревших досках заборов, в покосившихся домах. Все, от исхоженного сырого наста до искореженных берез, все свидетельствует о неумолимом влиянии времени. Кричат грачи, вьется сизый дымок из трубы деревянного домика, мерцает весеннее солнце.

Каждая пядь картины выстрадана влюбленным в природу России поэтом-художником, и эта его пристрастность передается вам, и вы дышите этим еще морозным, колючим воздухом. Вы слышите пение Весны.

Весь холст полон удивительного внутреннего движения. Бегут, бегут тени по снегу, дрожат отражения в темных проталинах, еле колышутся голые ветки берез, неспешно плывут перламутровые облака. Мерцают неоглядные дали, кое-где отблескивая старым серебром.

В этой картине нет манеры, нет эффектных ударов кисти, нет претендующих на виртуозность приемов. Язык холста прост до изумления, он почти (да простят меня стилисты) коряв.

Это — озарение, когда многолетняя школа, заученность руки — все уступает биению сердца и тому восторгу, который сопровождает рождение шедевра.

Саврасов — лирик, и его «Грачи» — это пример волшебного проникновения в самую суть, душу русской природы, пейзажа России.

СВЕТ И ТЕНИ

Отшумели вернисажи, разошлись зрители. Попробуем разобраться в звучании «Грачей» тогда, в далекую пору. Век назад.

Крамской пришел в восторг от картины. Оценивая пейзажи первой Передвижной, он писал, что на всех иных полотнах есть «вода, деревья, даже воздух», а душа есть только в «Грачах».

Да, Саврасов проник в душу, в поэтическую суть России.

Но не все так верно оценивали «Грачей». В «Московских ведомостях» некий В. В. писал:

«Хорошенький вид уже чернотой краски дает чувствовать влажность только что сброшенной зимней одежды. Вы как будто чувствуете всю сырость и бесплодность минувшей зимы, но, несмотря на прилетевших грачей, нет этого живительного предчувствия наступающей весны...»

Вот, как говорится, когда белое видят черным. Ведь даже сегодня, через сто лет, «Грачи» поражают своей светлой гаммой, полным отсутствием черноты, удивляют своей цветной мозаикой. Но если размышлять о подобной критике, то с грустью вспоминается грубоватая поговорка: «Черного кобеля не отмоешь добела». Одно досадно, что подобные оценки, происходящие от слепоты критика, случаются и сегодня. Но забудем о таких мелочах, хотя они порою бывают довольно болезненны для живущих и творящих...

Представьте себе на минуту, каково было читать Саврасову журнал «Дело», где критик, скрывавшийся под псевдонимом «Художник-любитель», вещал:

«Мы вообще не большие поклонники художников, которые пейзажи избрали своей исключительной и единственной специальностью, и такая односторонность для нас странна... Пейзаж нужен всякому рисовальщику как фон, как декорация для картины, но сам по себе пейзаж бесцелен!»

Бедные Саврасов, Поленов, Куинджи, Левитан, Коровин. Загубили вы зазря ваши дарования!

Итак, «Грачи» отправились в свой вечный полет... Но вернемся к автору холста, к его печалям и редким радостям...

Пора высшего творческого взлета Саврасова, пора создания «Грачей», отмечена событиями трагическими.

В 1871 году в Ярославле скончалась новорожденная дочка. Это усложнило отношения с женой, так не хотевшей ехать в провинцию. Вскоре скарлатина уносит вторую маленькую дочку — Наденьку. Эти несчастья глубоко потрясли живописца...

Но как ни велико горе, а жизни не остановишь. И снова замелькали пестрые и пустые дни московских забот, нудных заказов, никчемных долгов.

Трудно, очень трудно после такого поэтического взлета опускаться на грешную землю. Но ничего не попишешь. И все же семидесятые годы отмечены необычайным творческим накалом. Саврасов не теряет высокой требовательности к себе. Он изгоняет навсегда из своих заказных работ швейцарские мотивы в духе Калама и салонные «виды» имений вельмож. Он предпочитает творчески повторять «Грачей» либо писать картины русской природы.

Семидесятые годы были годами наивысшего взлета в творчестве мастера. После «Грачей» он создает ряд шедевров, среди них «Проселок» (1873), «Радуга» (1875) и «Домик в провинции» (1878).

В эти сложные годы Саврасов отвечает на все трудности работой и работой. Он как бы переносит всю борьбу с жизненными передрягами в свои картины, изображая в них неуемную борьбу света и тени, солнца и надвигающейся грозы.

«Проселок», пожалуй, самый значительный холст после «Грачей».

Если колорит «Грачей» серебристо-перламутровый, то живописный строй «Проселка» золотисто-жемчужный.

Каким поэтическим ощущением природы надо обладать, чтобы увидеть в липкой грязи размытого ливнем проселка — сказочный по красоте, сверкающий мир. Чудо! Лишь только так можно назвать этот холст Саврасова, способный выдержать соседство с любым полотном прославленных барбизонцев.

Загадочно отсутствие техники мастера. Порою она просто топорна (да простят меня еще раз строгие знатоки стиля). Но в этом, наверное, и есть предельная откровенность и динамичность почерка живописца. В каком-то хаосе буквально нашлепанных красок рождается чудо пленера. Но когда вы вглядитесь попристальней, то обнаружите тайную мудрость направления мазков, напряженность красочного слоя в светах, тончайшие лессировки в тенях. Саврасов обнаруживает в этом холсте абсолютную раскованность мастерства, или, если хотите, ремесла живописца. Потому так трепетно живет и дышит эта картина. Мы явственно слышим пение жаворонка, голос горячего ветра, тот нестройный шум и гул, который свойствен нашим просторам.

Мы видим мир живой, полный терпких запахов, борьбы яркого света и теней, полный симфонического звучания.

Саврасов бесхитростно передал то, что до него было видано сотнями художников,— русскую природу.

БЕЗДНА

«Жизнь почти всех великих людей была более трудной, более несчастной, чем жизнь других людей». Эти слова Эжена Делакруа вспоминаешь не раз, изучая трагическую биографию Саврасова.

К концу семидесятых годов тучи над головою Алексея Кондратьевича сгустились. В свое время у художника отобрали казенную квартиру. На просьбу художника о возвращении квартиры Совет училища ответил отказом.

От Саврасова уходит жена и забирает детей...

Художника настигает тяжелый недуг — он начинает слепнуть... Все эти невзгоды приводят живописца к тяжелой психической депрессии. Мастер бесконечно одинок в шумном и суетливом мире. Его уже не согревает даже горячая любовь учеников. Он начинает дичиться людей, все реже посещает училище. Несчастья сломили богатырскую натуру.

Трагический финал назревал...

«Господину преподавателю Училища живописи, ваяния и зодчества, академику, надворному советнику Саврасову.

По распоряжению Совета, имею честь уведомить, что 22 мая с. г. Советом Общества Вы уволены от ныне занимаемой должности.

Секретарь Совета Лев Жемчужников».

Так коллеги Саврасова решили судьбу одного из самых талантливых художников того времени.

...Рдяный свет вечерней зари разлился по небу. Осколки заката опрокинулись в зловонные лужи Хитровки. Из отверстых пастей кабаков валил смрад. Лиловые тени сумерек бродили по мокрой булыге. Призрачные фигуры босяков растворялись в навалившемся мраке. Зажглись фонари.

По кривому переулку неверным шагом шел высокий мужчина. На его сутулые плечи накинута хламида. Широкополая шляпа, большая всклокоченная седая борода, бледное лицо с горящими впалыми глазами.

Саврасов... Вот уж скоро десять лет, как изгнанный из училища академик живописи обивает пороги кабаков и ночлежек.

«Отрущобился»,— говорили люди...

Говорили, вздыхали и ахали... А Саврасов голодал. Торговал за бесценок картинами и копиями со своих старых холстов. Никто серьезно и не пытался помочь ему. И он погибал на глазах всей Москвы.

— Куда? Куда уйти от этой ярмарки? — говорил он своему ученику Коровину.— Кругом подвал...— я там хожу...

Саврасов был мягок и крайне деликатен. Он смирился со своей страшной участью.

«Я перешагнул Рубикон жизни»,— любил говорить он. Жутко было слышать эти слова от живого человека.

Пятнадцать лет (после увольнения из училища) медленно угасал некогда могучий человек...

Наконец наступил финал.

ЭПИТАФИЯ

В отделении для бедных Второй градской больницы 26 сентября 1897 года скончался Алексей Кондратьевич Саврасов.

Завершился тернистый путь великого страдальца. Угас один из самых светлых и добрых талантов России.

Саврасов был могуч от природы. Его здоровья хватило бы на десяток обыкновенных жизней. Но он жег свечу с двух сторон. Был беспощаден к себе, совестлив и сурово-правдив. Ненавидел подлецов и лгунов, был неуживчив, предельно откровенен. Его искренность и открытость целиком отражены в его творениях. Язык его живописи понятен любому обитателю планеты сегодня, вчера и вечно...

На Ваганьковское кладбище, кроме родных, гроб провожали двое — Павел Михайлович Третьяков и отставной солдат, швейцар Училища живописи, ваяния и зодчества Плаксин.

Первый открыл Саврасову двери в бессмертие, купив на первой Передвижной его шедевр «Грачи прилетели». Второй затворил за изгнанником дверь его любимого училища, в котором Саврасов проработал четверть века и был выброшен на улицу, оставив после себя таких учеников, как Левитан и Коровин.

...На другой день после трагических похорон Саврасова кому-то в училище стало не по себе, и посему в этом здании немедля была совершена панихида по почившему в бозе рабе божьем, бывшем преподавателе училища, академике живописи А. К. Саврасове.

Перед началом панихиды директор, сиятельный князь А. В. Львов, произнес прочувствованную речь, в которой, не жалея слов, воспел усопшего живописца как гордость России и закончил эпитафию так: «Нам больше, чем кому-либо, подобает помолиться за упокоение души его».

Трудно понять, чего больше было в этих словах — ханжества или цинизма? Одно было ясно. Никакие словеса и молитвы не могли смыть позора с людей власть предержащих, которые хладнокровно допустили гибель одного из даровитейших людей России. И эта вторая панихида лишь яркое тому подтверждение...

Но не князьям Львовым было судить меру таланта Саврасова.

Это сделал народ!

Придите в любой день в Третьяковку, зайдите в маленький зал № 14. Станьте возле картины «Грачи прилетели», и вы увидите море чувств — любви, благодарности, нежности, обращенных к самому несчастному и самому счастливому из певцов России — Саврасову.

В левом нижнем углу холста еле заметна стершаяся надпись: Молвитино 1871. Саврасов.

Молвитино. Что говорит непосвященному это название? Что такое в масштабе страны — село под Костромой? Малая точка на карте. И однако в истории русской живописи Молвитино — веха.

Прошло сто лет со дня рождения «Грачей». Бесконечно далеко то время. Наверное, не уцелел ни один домик, давно сгнили заборы, может быть, спилили на дрова березы... Но жив тот благословенный мартовский миг, который озарил душу Саврасова и был запечатлен, как бы остановлен им на холсте.

Миг, остановленный на века!

И вот сегодня мы дышим молвитинским воздухом той поры, мы слышим мелодичную песнь России.

«В России природа поет»,— говорил Саврасов...

Идут и идут тысячи, десятки, сотни тысяч людей через маленький зал Третьяковки, останавливаются надолго у картины «Грачи прилетели» и уходят просветленные, приобщившись к прекрасному.

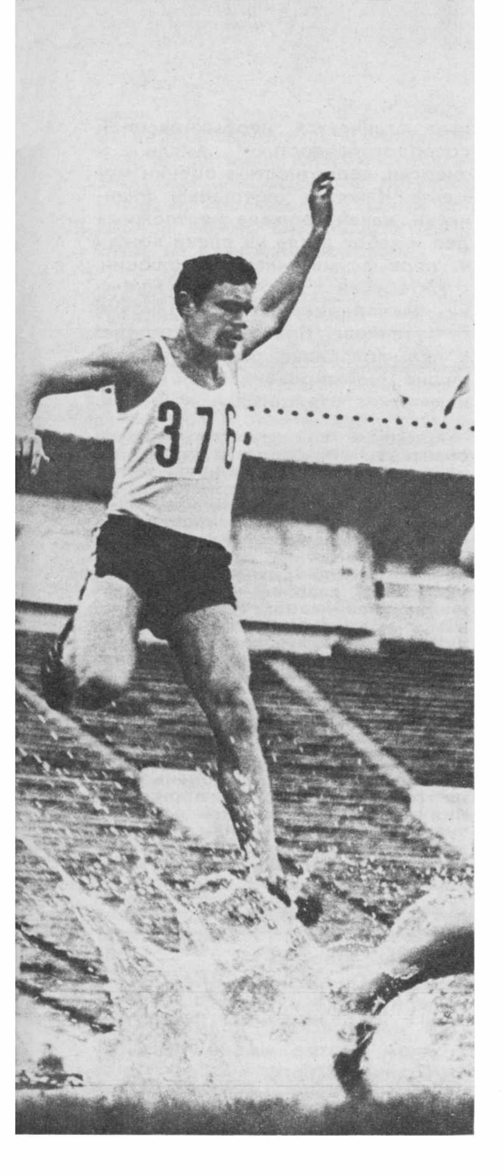

ПРИНЕСЕТ ЛИ ЛЕТО УДАЧУ БЕГУНАМ?

Евгений БОГАТЫРЕВ

В последние годы легкоатлеты доставили нам немало огорчений. Поражения в Токио и Мехико, неудача в прошлогоднем матче с США и проигрыш командного первенства на европейском чемпионате в Афинах еще раз подтвердили наше отставание. Ничего хорошего не предвещал нам и зимний сезон 1970 года. Перед первым официальным чемпионатом Европы в закрытых помещениях ни один из советских легкоатлетов не возглавлял десятки сильнейших спортсменов сезона. Многие спортивные журналисты и специалисты легкой атлетики утверждали, что при сложившейся ситуации в Вене, где должен был стартовать чемпионат, сборная страны потерпит еще одно поражение. Однако, к счастью, этим прогнозам не суждено было сбыться.

Давно уже наша сборная не сражалась с такой страстью, настойчивостью, огромным желанием победить. И победа была достигнута. 15 медалей — из них 10 золотых — завоевали советские спортсмены. Как же надо расценивать этот неожиданный успех? Может быть, мы наконец дождались перелома? Но большинство комментариев были довольно сдержанными. Конечно, можно понять авторов этих умеренных комментариев. Лучше недохвалить сегодня, за два года до Олимпиады в Мюнхене, чем вновь сетовать после очередного олимпийского поражения. А ведь победа в легкоатлетических соревнованиях на Олимпийских играх обеспечит общекомандную победу в Мюнхене. Шутка ли сказать: 38 золотых наград разыгрывается в олимпийском турнире легкоатлетов! Так давайте взвесим успехи наших мастеров с точки зрения XX Олимпийских игр, не забыв при этом дела текущие — летние дела сезона 1970 года.

Бег на 3 000 метров с препятствиями.
Фото А. Бочинина.

Если сопоставить мужскую сборную команду страны, готовящуюся к стартам нынешнего лета, с командой образца, скажем, 1964 года, то нетрудно заметить резкое омоложение состава. По пальцам можно сосчитать в команде ветеранов, участников игр в Токио. И среди молодых спортсменов уже есть такие, что способны бороться за победу.

Еще в прошлом году, взвешивая наши шансы в предстоящем матче с США, спортивные обозреватели не возлагали особых надежд на бегунов. Сегодня у нас появились первые надежды, поскольку наши молодые спринтеры и бегуны на средние дистанции отлично провели прошлый спортивный сезон, повзрослели, и возмужали, и, самое главное, убедились в том, что могут побеждать.

Пожалуй, одной из наиболее поразительных сенсаций прошлого сезона были успехи киевского студента Валерия Борзова, пробежавшего на первенстве страны 100 метров за 10 секунд ровно. После этого Борзов стал чемпионом Европы в Афинах, а затем завоевал зимой в Вене первенство на дистанции 60 метров.

Успех молодого спринтера был неожиданным для наших специалистов и даже для тренеров сборной команды страны. Дело в том, что хоть Валерий и считался перспективным бегуном еще до своего большого успеха на первенстве СССР, но выступал он редко и в сборной не тренировался. Да и после победы на чемпионате страны он не поехал в Подольск, где вся команда готовилась к европейскому чемпионату.

Что это, чудачество молодого бегуна или же нежелание тренироваться в коллективе? — задавали себе вопрос многие. Но Борзов просто предпочел готовиться под руководством своего постоянного тренера, кандидата биологических наук, доцента киевского института физической культуры Валентина Васильевича Петровского.

Сейчас нет необходимости останавливаться на методике тренировок нашего двадцатилетнего чемпиона. Однако замечу, что его тренер старался уберечь Валерия от чрезмерных нагрузок в предстартовый период и осторожно подводил его к «пику» спортивной формы. Искусство тренера всегда было и будет одной из главных предпосылок успеха спортсмена. Сегодня тренер должен быть не только специалистом-практиком, но и физиологом, психологом, инженером, биологом, умея на практике применять достижения современной спортивной науки. Валентин Васильевич Петровский именно такой тренер. Свою диссертацию он посвятил той же теме — искусству управлять тренировочным процессом, разработке и обоснованию тренировочных режимов для легкоатлетов разных специальностей и различной степени подготовки.

Опыт тренера-практика в сочетании со способностями исследователя и помог Валентину Васильевичу подготовить чемпиона Европы в том виде легкой атлетики, где мы никогда не блистали. И Борзов не одинок, у нас появилось немало способных спринтеров, таких, как Евгений Синяев, Александр Карнелюк, Федор Панкратов, Владислав Сапея. Но подготовка их требует филигранного мастерства, а вот тренеров-ювелиров у нас, к сожалению, еще немного.

Другим приятным сюрпризом прошлогоднего сезона стал всесоюзный рекорд на 400 метров Александра Братчикова и его победа на венском чемпионате. Еще за год до Олимпиады в Мельбурне выдающийся советский легкоатлет Ардалион Игнатьев установил всесоюзный рекорд в беге на 400 метров — 46 секунд. Этот результат незыблемо простоял 14 лет, пока на чемпионате Европы в Греции Братчикову не удалось финишировать за 45,9 секунды.

Долгое время этого бегуна никто всерьез не принимал. Многие называли его спортсменом настроения. На всесоюзных соревнованиях Саша обычно не очень выкладывался. Правда, когда Братчикова включали в эстафету, его настроение резко поднималось и он показывал результаты где-то в районе 46 секунд, но в индивидуальных соревнованиях его успехи были не очень велики. И вот кто-то бросил в его адрес: «Не боец!» На Олимпийские игры в Мехико Братчиков не поехал, но его тренер Евгений Филиппович Кузнецов утверждал, что из Братчикова получится бегун, способный на высокий результат.

Так же, как Борзов, Братчиков готовился по индивидуальному плану, и его тренер оказался прав. Мы получили отличного бегуна. Вместе с Евгением Борисенко и Юрием Зориным, а также опытным Борисом Савчуком Братчиков может теперь успешно выступать и в эстафете.

В отличие от Александра Братчикова его ровесник Евгений Аржанов выступал на Олимпийских играх в Мехико на дистанции 800 метров. В Вене он победил с большим преимуществом. Жаль только, что у Евгения нет таких товарищей, как у Борзова и Братчикова. Кроме ленинградца Сергея Крючека, на всесоюзных соревнованиях вряд ли кто-нибудь сумеет составить ему конкуренцию.

Латинская поговорка гласит: «Тот, кто начал, сделал полдела». С полным правом можно отнести ее и к нашим лидерам в спринте и в беге на средние дистанции. Но все они молоды, и у них есть время продолжить начатое. Валерию Борзову 20 лет, Александру Братчикову и Евгению Аржанову по 22 года. К Мюнхенской олимпиаде они должны подойти в расцвете сил.

Дистанция 3 000 метров с препятствиями считается одной из самых трудных в легкой атлетике. Несмотря на это, наши спортсмены с ней издавна привыкли обращаться на «ты». Не раз советские бегуны владели мировым рекордом в стипльчезе. В прошлом году новый рекорд установил каунасский армеец Владимир Дудин, а международные соревнования бегунов на призы газеты «Правда» показали, что в стипльчезе у нас есть неплохие резервы.

Когда выстрел стартера послал бегунов на дистанцию, вперед резко рванулся литовский бегун Ромуальдас Битте, известный разве что тренерам да статистикам легкой атлетики. Он диктовал свою волю в забеге, вел вперед за собой спортсменов, среди которых было немало известных мастеров. Большую часть дистанции лидировал Битте и лишь по неопытности упустил победу (на финише он был третьим). Во многом благодаря усилиям литовского бегуна победителю Виктору Кудинскому удалось показать лучший в мире результат в этом сезоне — 8 минут 30,8 секунды. Киевлянин вновь выдвинулся в число сильнейших спортсменов мира.

Десять лет назад наши стайеры и марафонцы были сильнейшими в мире. Владимир Куц, Петр Болотников, Владимир Попов, Иван Филин. Эти имена звучат и сегодня. Но сами спортсмены давно ушли из большого спорта. Когда же появится достойная их смена? Пора! Увы, первые старты нынешнего сезона не открыли, по существу, ни одного нового имени. В. Аланов, Н. Свиридов, А. Нурмекиви, А. Скрыпник хотя и побеждали, но не показывали результатов международного класса. И все же одно из недавно прошедших соревнований преподнесло приятный сюрприз. Я имею в виду забег стайеров на 10 000 метров на международных сорев ниях «Правды».

Раш Шарафетдинов уже несколько ет является фаворитом на пятикилометровой дистанции. Мы надеялись на его успех на мексиканской Олимпиаде, но там он не сумел проявить себя. После Мехико, немного отдохнув, Шарафетдинов стал пристреливаться к высоким результатам и на европейском чемпионате в Афинах стал серебряным призером на своей коронной дистанции.

Но вот на международных соревнованиях газеты «Правда» Шарафетдинов выступил сразу на двух стайерских дистанциях: выиграв бег на 5 000 метров, он впервые взял старт и на 10 000 метров. На последнем круге он легко обошел Аланова. Результат Шарафетдинова — 29 минут 52,2 секунды — лучший в стране в нынешнем сезоне.

Победа ленинградского бегуна, одержанная столь легко и мощно, вселяет надежду: может быть, у нас появился наконец наследник Куца и Болотникова?

ЦЕНТРАМ — БЫТЬ!

Прочитав в журнале «Огонек» статью В. Куца, я согласился с его выводами. Класс наших стайеров отстает от мирового уровня. Последние пять лет мы много говорим об этом, а результатов нет. Думаю, что вывод здесь возможен лишь один: мы не умеем готовить бегунов международного класса.

Уже много лет наши спортивные клубы довольствуются лишь подготовкой бегунов всесоюзного уровня, а мастеров международного класса должны растить тренеры сборной команды СССР. Но хотя к ним и приходят самые одаренные молодые спортсмены, результаты деятельности тренеров незначительны. Думаю, что пришло время задать вопрос старшему тренеру стайеров сборной команды СССР Н. Пудову: почему на протяжении пяти лет его пребывания в сборной мы так и не увидели никаких сдвигов? Почему угасли такие яркие таланты, как Г. Хлыстов и Л. Микитенко? Почему, лишь покинув сборную, смогли вернуться на беговую дорожку С. Байдюк, Н. Дутов и И. Шопша?

Разве успехи Р. Шарафетдинова (тренер Б. Фадеев), Н. Свиридова (тренер М. Лавров), Л. Микитенко (тренер Ф. Суслов), Шемонелиса (тренер В. Рамонайтис) не говорят о том, что пора больше доверять тренерам на местах? И в этом смысле большой интерес представляет предложение недавно пришедшего в сборную команду старшего тренера по бегу А. Ф. Бойко о создании Центров бега в городах, где для этого есть предпосылки — традиции, базы и кадры тренеров. У нас на местах много истинных знатоков бега. В Москве работают Б. Токарев и В. Окороков, в Ленинграде — И. Пожидаев и Б. Фадеев, в Киеве — Е. Буланчик и И. Леоненко, В. Петровский и И. Токарь, в Риге — И. Гайлис и З. Носкова, в Вильнюсе — В. Баркалая и П. Кароблис, в Воронеже — М. Лавров, в Тарту — Я. Юргенштейн, в Рязани — А. Агрызкин, в Брянске — В. Самотесов.

Главная задача Центров бега — воспитание бегунов высокого класса, работа по массовому развитию бега, выявление перспективных спортсменов, систематический контроль за их спортивным совершенствованием.

Бег — это главный вид легкой атлетики, на Олимпийских играх он дает 22 золотые медали, и мы должны сделать все, чтобы у нас появились новые Куцы и Болотниковы.

Юрий ТЮРИН,
мастер спорта
международного класса

Семь вечеров и сезон

Н. ИГНАТОВА

Здесь нет ничего преднамеренного — никакого журналистского «хода». Действительно, в течение семи вечеров подряд мне удалось посмотреть в разных московских театрах спектакли, каждый из которых дает, на мой взгляд, основание для разговора о некоторых чертах этого ответственного сезона.

Попытаемся разобраться, каков же был сезон, какие можно извлечь из него уроки. Постараемся за фактом увидеть явление, за результатом — процесс, за настоящим — будущее...

Итак,

Вечер первый.
«У ВРЕМЕНИ В ПЛЕНУ»
А. Штейна.
Театр сатиры.

Наверное, нет такого театра в стране, который не поставил бы в этом сезоне пьесу о революции, о Ленине, о ленинцах, посвятивших свою жизнь революционному переустройству мира. Отклик на замечательную дату — столетний юбилей вождя — стал средоточием высоких мыслей и чувств, творческой энергии, гражданственности и патриотизма служителей советского театрального искусства... Поэтому-то, восхищаясь каким-то одним увиденным тобою спектаклем, невольно думаешь, что, может быть, остался где-нибудь сценический шедевр, не замеченный критикой, который по силе звучания, по мере таланта и вдохновения превосходит то, что ты превозносишь как великое открытие. Но, мысленно проверяя театральные впечатления сезона, вновь убеждаюсь: самое сильное из них получено на спектакле «У времени в плену».

Чем же он так хорош? Почему прикипает к сердцу?..

...Синяя-синяя синь. И не поймешь, не различишь, где небо, где море. Пленяющая сердце глубинная синева, и белые нити-мачты, и броня орудийных башен, и площадки-палубы, будто овеянные всеми ветрами, сполоснутые соленой морской кипенью... Все это, открытое взору, будоражит зрительское воображение, вонзается в сердце, захватывает его сразу и безраздельно, и вот вы уже в добровольном плену у этого моря, у мачт и башен... А человек, который шагнет вам навстречу из глубины сцены, поэт и воин, сам плененный Революцией и Морем,— еще крепче затянет незримый узел, кинув в зал задумчивые и насмешливые слова: «Какая веж-ж-ливая тишина...»

И зависть, и жалость, и гордость, и гнев — все заставит пережить вас за три отведенные спектаклю часа Человек и Поэт — Всеволод Вишневский, такой, каким представил его себе и нам актер Андрей Миронов и о ком влюбленно и мужественно сложил свою пьесу драматург А. Штейн.

Сам Вишневский не ценил подвига своей жизни. Он ценил людей, которые окружали его, безмерно высоко ценил их подвиг, для них жаждал бессмертия. Он стремился увековечить их в памяти потомков и сделал это каждой написанной им строкой. Обращаясь к потомкам, он скажет: «Пишите о хрустале, о нежности, о любви, о ненависти и прочем. Но при этом всегда надо... хорошо знать тот приписной пункт, куда надлежит явиться в случае необходимости». И еще он скажет: «Хорошая смерть — это тоже партийная работа...»

Наверное, можно найти много звучных и верных слов о долге перед людьми. Но слова Вишневского здесь кажутся единственно верными и точными, безошибочно достигающими цели.

Мобилизующая сила искусства в этом спектакле выявилась необыкновенно. Вот такой же, наверное, сходной по звучанию, по революционной призывной силе была знаменитая марджановская «Фуэнте Овехуна», шедшая в Киеве в годы гражданской войны,— спектакль, после которого возникали стихийные митинги и солдаты революции с новыми силами шли в бой за свободу.

Вся жизнь Вишневского, все главное в ней проходит перед нашими глазами: и его дни, время, пленившее его, и люди, которые всегда были в его сердце, тоже добровольно плененные временем и революцией... Среди них — Сысоев, рядовой солдат лейбгвардии, потом буденновец, потом боец Халхин-Гола и Гвадалахары, полковник в ленинградскую блокаду, генерал в конце Великой Отечественной войны... Егор Сысоев со своим выстраданным жизнью кредо: «Побеждает тот, кто верит...»

Может быть, можно — а может, и нельзя — воссоздать в воображении другой такой образ, который так же бесхитростно и полно вобрал бы в себя приметы времени, как Сысоев, сыгранный Анатолием Папановым с какой-то пронзительной простотой, и нельзя забыть, как с немудрящей балалаечкой в руках рассказывает он «любезному другу Воле» о своем житье-бытье...

И тут же Лариса Рейснер. Прообраз комиссара из «Оптимистической трагедии» Вишневского. Стихи и «револьверный лай»... Нежность сердца и необыкновенный ум, юность в ее пышном цветении — все безраздельно отдано революции. И сама Лариса, ее судьба, как и судьбы сотен тысяч других, становятся «обыкновенным чудом революции»...

Увидя в этой роли артистку Т. Ицыкович, мы, может быть, открыли для себя новое, трагическое дарование.

Постановщику спектакля В. Плучеку удалось заставить звучать величественно и в то же время просто и удивительно современно пьесу, которая как будто бы вся о прошлом. Наверное, все-таки секрет в том, насколько дело людей, их борьба волнуют художника сегодня. Главный герой становится тогда не просто еще одним героем еще одного спектакля, а тем великим нравственным идеалом, с кого и нужно делать собственную жизнь,— Героем нашего времени...

С чем сравниваю я спектакль «У времени в плену»? С погодинской пьесой «Человек с ружьем», идущей в Театре имени Вахтангова и в театре города Павлодара; с «Разгромом» в Театре имени Вл. Маяковского; со спектаклем «Мое сердце с тобой» в Горьковском драматическом театре; с «Третьей патетической» в народном театре Министерства финансов...

«Человек с ружьем» великолепно поставлен в Театре имени Вахтангова. Замечательно играют актеры, особенно М. Ульянов, создавший образ В. И. Ленина. Его игра отличается необыкновенной сосредоточенностью мысли и энергии, серьезностью оценки момента. Кажется, ощущаешь физически, какая громада неотложных дел и забот легла на плечи вождя в первые же часы революции.

Интересен «Человек с ружьем» у павлодарцев в постановке В. Кузенкова. Правда, не хватает в нем праздника революции, излишне шаржировано исполнение некоторых отрицательных ролей.

Много и справедливо хвалили спектакль «Разгром». И, наверное, исполнитель роли Левинсона актер А. Джигарханян достоин еще более высоких похвал. Но немножко излишне «балетными» показались мне некоторые постановочные приемы; за лесом не однажды передвигаемых по сцене пик порой ускользает главное — люди. Окружению Левинсона, его помощникам, в частности Бакланову, пожалуй, не хватает человеческой значительности и силы. Но... беглое перечисление различных «но» не заменяет детальной аргументации.

Итак, театры в этом сезоне пополнили свой репертуар произведениями высокого гражданского звучания, вложив в их создание немало сил и таланта. Очень важно теперь, чтобы эти произведения надолго удержались в репертуаре. Такие спектакли — всякий день премьера! От их участников каждый раз ждешь полной меры души и таланта...

Вечер второй.
«ГЛУБОКАЯ РАЗВЕДКА»
А. Крона
в Московском драматическом театре имени К. С. Станиславского.

Жалобы на недостаток пьес вошли в привычку, став, что называется, общим местом. Между тем в этом году репертуар заметно пополнился новыми названиями. Это «Память сердца» А. Корнейчука, «Мария» А. Салынского, «Признание» С. Дангулова, «У времени в плену» А. Штейна, «Земля замоскворецкая» И. Штока, «Тогда в Тегеране» В. Тура и ряд других пьес. Они либо уже поставлены театрами, либо ждут премьеры.

Это не значит, что у театров нет оснований предъявлять к драматургии новые, все более высокие требования. Оглядываясь на истекший сезон, по-прежнему отмечаешь преимущественно ретроспективный характер новых пьес. Слишком мало сказано нашей драматургией о сегодняшнем дне, о полнокровной жизни рабочего человека, о круге его забот и интересов, стремлений и помыслов.

Вероятно, и поэтому репертуарные поиски часто приводят театры к пьесам прошлых лет. Вновь на афишах театров появились такие значительные произведения, как «Золотая карета» Л. Леонова, «Глубокая разведка» А. Крона, «Земля» Н. Вирты, «Беспокойная старость» Л. Рахманова и ряд других. Зрители благодарны театрам за их обращение к этим пьесам — хоть и не новым, но не утратившим свежести и актуальности мысли, яркости образов.

Здесь можно отметить и еще одну закономерность: чем больше доверия проявляет театр к «старой» пьесе, чем глубже его заинтересованность в сущности произведения, в смысле и значении конфликта, в содержании образов, чем активнее театр стремится раскрыть авторскую мысль, тем больше шансов на успех постановки. И, наоборот, если пьеса взята

лишь для «галочки» и режиссер, не веря в возможность сегодняшнего ее звучания, стремится «оживить» ее новомодными постановочными приемами, то почти наверное можно сказать, что спектакль не взволнует зрителей.

«Глубокая разведка» — пьеса, блистательно поставленная и сыгранная на сцене МХАТа в начале сороковых годов,— воплощена И. Бобылевым без особых режиссерских изысков, с убежденностью в том, что характеры, выведенные автором, будут и сегодня интересны зрителям сами по себе. И действительно, спектакль смотрится с интересом, хотя кое-какие конфликты в пьесе частично утратили свою актуальность, а внимание невольно переместилось с одних ситуаций на другие, с одних действующих — и даже главных — лиц на другие, менее приметные.

Иван Бобылев, недавно переведенный из Перми в Москву главным режиссером Театра имени К. С. Станиславского, как бы держал этим спектаклем экзамен перед московским зрителем. И экзамен он выдержал, создав на основе «старой» пьесы молодой, темпераментный спектакль о наших современниках...

«Земля» в Театре имени Гоголя и «Дело, которому ты служишь» в Театре на Малой Бронной, я бы сказала, подчеркнуто профессиональны. В этом, разумеется, их большое достоинство. Но со спектаклей уходишь с ощущением некой, что ли, музейности увиденного зрелища. Хотя в «Земле», кажется, были пущены в ход все сильно действующие средства: быстро вращается сцена, хлопают выстрелы, бьют в колокол на «всамделишной» каланче, мечется по сцене влюбленная атаманша, кричит атаман, мелькают огни, взвизгивает гармошка... Но среди множества аксессуаров как-то затерялась сердечная заинтересованность театра главной темой пьесы, судьбой героев. Особенно, пожалуй, сказалось это в драматически напряженной сцене у стога, где столкнулись насмерть сыновья Мавры — коммунист Листрат и одураченный кулаками Алешка... Равнодушна к ним обоим Мавра — Т. Чернышева и даже не скрывает этого равнодушия.

А «Дело, которому ты служишь» в постановке на Малой Бронной зазвучало вдруг на какой-то сентиментальной ноте. Все время как будто жалуется Устименко, главный герой,— да и впрямь нелегко складываются для него обстоятельства. Но внутренне актер спокоен. Он так уверен в хорошем исходе дела, что служение делу где-то переходит в ординарную службу... Положения не спасает ни выразительный «контражур», ни надрывный музыкальный аккомпанемент.

Снова и снова можно и нужно говорить о всевластии актера. Все-таки театр — в его руках! И если есть в спектакле живая актерская душа, если блещет искренностью и правдой актерский талант, то впечатление от спектакля всегда яркое, пусть даже и есть кое-какие огрехи... Об этом думаешь, вспоминая горьковский театр драмы и «Мое сердце с тобой» в постановке главного режиссера Б. Воронова. Берет за живое этот спектакль с первого же мгновения. Звучит широкая песенная мелодия, и вот перед вами Сухой Лог (художник В. Герасименко), с вздыбленным зеленым холмом, с приветными огоньками изб на верхушке холма, с покатой луговиной...

Скажете — наивно и старо, натурализм, XIX век, а сейчас нужно условное оформление, говорящие детали и обнаженная сцена... Но кто сказал, что это «нужно» всякому спектаклю. Наверное, каждой пьесе — свое.

И актеры «дышат» пьесой, живут в лад с нею: волнуются «деревенскими» страстями героев чепуринского «Сердца», радуются их радостями, горюют их горем.

Особый блеск спектаклю придает игра актрисы Г. Деминой в роли матери многочисленного семейства Васильцовых... Где подсмотрела, в каком селе отыскала актриса свою Настасью, такую ладненькую, хоть ей за пятьдесят, такую хозяйственную и подвижную, такую искреннюю в горе и в радости... Здесь нет игры в «деревенское». Г. Демина в каждый момент своего пребывания на сцене — ходит ли она, говорит ли, молчит ли, или ухватисто берется за чугуны и ведра — привораживает сердца зрителей правдой и артистизмом.

Вечер третий.
«ЧАС ПИК» Е. Ставинского
в Театре на Таганке.

С самых первых шагов своей творческой жизни под руководством Ю. П. Любимова Театр драмы и комедии на Таганке заявил о себе как театр политической темы.

В выборе пьес, в решении спектаклей, в идейно-художественных акцентах, сознательно расставляемых режиссером и актерами, короче, во всех театральных компонентах сквозит интерес театра к тому, что составляет сущность политики. Выражаясь языком словаря, это интерес к «средствам и методам, с помощью которых общественные классы влияют на деятельность государства».

Этот интерес ощутимо пронизывает все, или почти все, спектакли театра. Во всяком случае, им заметно отмечены «Десять дней, которые потрясли мир», «Добрый человек из Сезуана», «Антимиры», «Жизнь Галилея», «Мать» и ряд других...

Сама по себе подобная направленность театра понятна, оправдана и свидетельствует о серьезности взглядов коллектива на назначение своего искусства, о своеобразии художественных воззрений и намерений театра. Но реализация, творческое воплощение этих воззрений и намерений оказались делом весьма и весьма сложным. На этом пути театру предстояло преодолеть немало трудностей. Преодолены ли они?..

С одной стороны, яркая и броская театрально-эстрадная форма, откровенная публицистичность в манере актерской игры, щедрая режиссерская фантазия и острое чувство сценического ритма обеспечивали театру зрительский успех. С другой стороны, зрители и критики, обнаруживающие искренний, нелицеприятный интерес не только к форме, но и к содержанию спектаклей этого театра, отмечают в них немало погрешностей идейного толка.

Задачи политического театра не раз оказывались не по плечу этому коллективу.

В театре политической темы — может быть, как ни в каком другом театре — требуется особенно объемный мировоззренческий багаж. Требуется широкий политический кругозор. И, наконец, самое главное — глубочайшая партийная убежденность. Убежденность не на словах, а на деле. Умение рассматривать факты и явления истории, а также и современности с позиции ведущей силы нашего общества — рабочего класса. Все эти качества приобретаются не сразу,— процесс этот сложен и длителен. Но он-то и есть процесс роста, идейного и художественного возмужания.

Думается, театру легче справляться с произведениями, трактующими лишь проблемы морали и нравственности, как, например, «Час пик» Ежи Ставинского (инсценировка В. Смехова, постановщик — Ю. Любимов).

Эту пьесу играют здесь в манере модельеров и модельерш, в ритмах демонстрации мод: элегантно, эффектно, ритмично, прилично, все очень быстро. Но что-нибудь понять, запечатлеть, разглядеть очень трудно, почти невозможно... И хотя спектакль остроумно высмеивает людей в меру обаятельных и в меру наглых, всюду успевающих, жадно заглатывающих земные удовольствия и не утруждающих себя духовными интересами, все же рассказ о том, как лишь под влиянием жизненной катастрофы, перед угрозой смерти прозревает такой человек и начинает понимать, как неверно, ничтожно он жил, каким был плохим человеком, не достигает своей цели полностью. Ибо изобильная режиссерская фантазия предлагает зрителю образы-шарады, образы-ребусы, разгадка которых может быть и произвольной и необязательной...

«Час пик» — известного рода тематический поиск театра, и поиск этот — одна из тем разговора о нынешнем театральном сезоне.

Вечер четвертый.
«ТЕНЬ» Е. Шварца.
Московский театр юного зрителя.

Забота об укреплении творческого потенциала театров для детей входит в круг важнейших задач эстетического, нравственного воспитания подрастающего поколения, задач формирования гармонически развитой личности Человека Будущего.

Детские театры отвечают на эту заботу созданием все новых спектаклей, где глубина высоких гражданских идей сочетается с художественной яркостью, образностью, отточенностью формы. За последние годы появилось немало интересных пьес для детского театра. На их материале в ряде театров страны созданы идейно и художественно полнокровные спектакли: «Будьте готовы, ваше высочество» Л. Кассиля и П. Хомского, «Эй ты, здравствуй» Г. Мамлина, «Мой брат играет на кларнете» А. Алексина, «Санька» К. Лапина, «После казни прошу...» В. Долгого, «Первая тройка или 2001 год» С. Михалкова.

Московский театр юного зрителя творчески вырос и окреп, завоевав популярность не только среди детей, но и у взрослых. Кстати, интерес взрослых к спектаклям детских театров — явление довольно распространенное. Репертуар Московского ТЮЗа интересен и разнообразен. В нынешнем сезоне он пополнился спектаклями «Тень» Е. Шварца, «Том Кенти» С. Михалкова, «Грозовой год» А. Каплера, «Под каштанами Праги» К. Симонова. Они привлекают не только юного зрителя. Это очень важно! Ведь совсем еще недавно в зрительные залы детских театров учащиеся 9—10-х классов, старшие школьники, а тем более студенты техникумов и училищ очень редко заглядывали. Они как бы стеснялись бывать там, где в основном шли «малышовые» пьесы, справедливо считая себя подготовленными к репертуару «взрослых» театров... В связи с этим и началось «овзросление» репертуара ТЮЗов.

Теперь и старшие обратили свое внимание на детские театры, стали посещать их гораздо охотнее, находя здесь достаточно интересную пищу для размышлений и эстетических восприятий.

На старших и рассчитан спектакль Московского ТЮЗа «Тень». Это произведение сложное, многоплановое, где нравственное, социальное и политическое начала находятся в крепком сплаве. Поставлен спектакль интересно, профессионально броско. Обаяние героев, их активная борьба с силами зла вызывают искренние симпатии; наказание социального и нравственного порока происходит при полном одобрении зрителей.

Но не могу не остановиться на одной особенности этого спектакля, на мой взгляд, мешающей восприятию произведения, не помогающей раскрытию его смысла. Я бы назвала это перенасыщением ритмами. Уже в прологе перед зрителем возникают крикливо одетые фигуры-тени. Под завывание джаза они долго-долго подергиваются в «современных» ритмах... Зачем? Неясно! Равно как неясно, зачем долго-долго поет певица любовную песенку, двигаясь в эстрадно-микрофонной манере. Такого рода «экзотика», пущенная в ход в изобилии, направляет внимание юных зрителей отнюдь не на сущность пьесы; форма здесь давит на содержание... А в связи с этим вспоминаются и некоторые другие спектакли детских театров, довольно густо украшенные ритмизированными подергиваниями, мяукающими мелодийками... Тесновато подчас становится на нашей детской сцене и от усложненных ассоциативных образов, аллегорий, затемняющих мораль, идею, самую суть содержания пьесы.

Конечно, плохо, когда идея, мораль преподносятся в лоб, прямолинейно; необходимо научить юношество мыслить самостоятельно, воспринимать искусство глубоко, во всей его тонкости и сложности... Но порой эта цель ускользает, а средства приобретают самодовлеющее значение.

Вспоминается спектакль Рижского ТЮЗа «Последние». Вздох изумления прокатывается по залу, когда исполнительница роли Веры в сцене возвращения от Якорева, сбросив с себя шинель, остается на несколько секунд обнаженной. Для чего понадобился режиссеру этот стриптиз? Может быть, для пояснения юношеству, что произошло у Якорева с Верой?.. Думается, ошеломление юных зрителей так велико, что вообще отодвигает от них смысл пьесы Горького на какой-то очень дальний план...

Разговор этот затеян не из ханжеских побуждений. Единичные факты никак не снимают и не зачеркивают огромной благородной работы, которую ведут детские театры по воспитанию детей и юношества. Но необходимо, на мой взгляд, предостеречь ТЮЗы от увлечения далеко не лучшей атрибутикой «взрослого» театра...

Вечер пятый.
«БЫЛА ВЕСНА ШЕСТНАДЦАТОГО ГОДА...»
А. Родионовой.
Театр имени Моссовета.

Очень редко отступает театр этот от своего правила — говорить со зрителем только на темы значительные и на языке художественно полнокровных образов. Среди недавних премьер театра — спектакль-концерт «Ленину посвящается», «Петербургские сновидения», «Мое сердце с тобой». Все эти спектакли вызвали много справедливых похвал.

Понятно и то, что тема пьесы А. Родионовой заинтересовала коллектив: образ выдающегося военного специалиста Брусилова, который одним из первых перешел на сторону Советской власти, закономерно мог стать в центре глубокого драматического повествования.

Мог, но, к сожалению, не стал. В пьесе есть несколько интересных, профессионально выстроенных диалогов, намечены небанальные конфликты, некоторые образы... Но в целом драматургический материал не приведен в состояние смысловой стройности, не подчинен единому замыслу. В нем нет отчетливо выраженной авторской мысли; ни одна из намеченных линий действия не получает последовательного развития. Путь Брусилова, как и путь его сына,— от «веры и царя» к признанию Советской власти, к сотрудничеству с ней, самый ход мыслей героев, психологическая мотивировка поступков остались нераскрытыми в пьесе, а следовательно, и в спектакле. Нам показали несколько картинок из жизни фронта и тыла времен первой мировой войны. Мы узнали о развале на фронте

и в тылу. Но узнали не более того, что известно из учебников...

Не нужно вооружаться особой линзой, чтобы увидеть недостатки пьесы. Автор ее — безусловно, способный начинающий драматург А. Родионова — заслуживает похвалы за интерес к общественно значительной проблематике, за смелость, с которой она подходит к освещению сложных, переломных моментов в истории и в человеческом сознании. Заслуживает похвалы и театр, взявшийся за постановку пьесы начинающего драматурга, что всегда связано с дополнительными трудностями. Но, вероятно, нужно было проявить бо́льшую требовательность, помочь драматургу «довести» пьесу.

Молодежный отряд нашей драматургии пока немногочислен. А ведь он — надежда театра, его будущее. И помогать тут нужно активнее, чем это было до сих пор.

Вечера 6-й и 7-й (...и 8-й). «ЖЕНИТЬБА ФИГАРО» в Театре сатиры, «РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА» в Московском драматическом, «ЧАЙКА» в «Современнике».

Вопрос о воплощении классических пьес на современной сцене продолжает оставаться острым, проблемным. Нет-нет да и заявит о себе стремление того или иного режиссера «обновить» классику до неузнаваемости, используя ее как средство «самовыражения».

Наиболее спорный из трех спектаклей, по-моему, «Чайка». Главный акцент режиссера здесь почему-то сделан на нервической природе поведения и переживаний главных действующих лиц. «Как все нервны! Как все нервны!» — восклицает Дорн в конце первого акта. Видимо, эта реплика и взята как ключ к раскрытию характеров. Болезненная нервность, близкая к истерии, определяет поступки, манеру поведения и Треплева, и Аркадиной, и Полины Андреевны, и Маши. Подчеркнута и сценически детально разработана болезненность Сорина. До болезненности эгоистичен Дорн. Подчеркнуто безлик, ординарен Тригорин... Но не излишне ли мельчит все это чеховских героев? Не отнимает ли, не зачеркивает ли это человеческую ценность, емкость персонажей «Чайки».

Да и вариант пьесы, взятый театром — не канонический, известный, «освященный» МХАТом, а какой-то иной, малоизвестный, где больше места и внимания отведено прозаическим расчетам учителя Медведенко, его разнесчастному житью,— лучше ли он?..

И Нина Заречная... Не обеднен ли и этот образ в спектакле?

Если во всем этом есть глубокий, особый смысл, то, вероятно, он нуждается в особой расшифровке. Мне же после просмотра спектакля показалось, что Чехова снова хотят зачислить в певцы сумерек и мелких, жалких людей...

В спектакле А. Эфроса «Ромео и Джульетта» актеры играют шекспировскую трагедию сосредоточенно, как бы углубившись в себя, прислушиваясь к тому, что свершается у них внутри... Играют подчеркнуто разобщенно.

Многое неожиданно в этом спектакле. Неожиданно по-разному. Одно принимаешь сразу, как открытие. Другому сопротивляешься, как надуманному, явно «нешекспировскому».

Удивительнее всех, пожалуй, Капулетти в исполнении Л. Броневого. Это Питер Брейгель, это его манера, и это Макиавелли, если возможны ассоциации живописные и литературные. В служебно-бледной рольке вдруг великолепно маслом прописан портрет хищника, жесткого, хитрого, грубого, скорого на расправу, но прикрывающегося маской доброты, благостности и гостеприимства...

Удивителен ум Джульетты, утонченный, ироничный; разгадка ее обаяния именно в сочетании ума, доброты и красоты. Так раскрывает этот образ режиссер, следуя за Шекспиром. И так попыталась — хотя не во всех сценах одинаково удачно — актриса О. Яковлева сыграть Джульетту.

Но вернемся к нашим «вопросам». С чем споришь в спектакле? И какие он рождает недоумения?..

Главный вопрос: почему окрылявшая шекспировская идея всесильной, всепобеждающей любви оказалась как бы подернутой флером? Почему явилось ей на смену угрюмое ощущение жестокости, ощущение хрупкости светлой человеческой жизни и воли?

Как и почему?.. Может быть, потому, что последний, третий акт спектакля сыгран более вяло, чем первые два, менее режиссерски разработан? Тут многое решает, наверное, угрюмость и отчужденность Лоренцо — Н. Волкова. Он скорее воин в сутане, равнодушно играющий жизнями, чем носитель светлой мудрости Возрождения...

И зачем так подробно, так красноречиво показан процесс предсмертных физических страданий в сцене гибели Меркуцио и Тибальта?.. Почему Ромео так инфантилен, даже женоподобен? Он ведь так и не обретает мужественности, даже к концу спектакля.

Но остановимся на этом,—вопросов и так уж слишком много. И они, наверное, сами по себе тоже не бесспорны...

Обратимся к «Женитьбе Фигаро».

Театр сатиры сыграл комедию Бомарше и празднично и реалистично, помня о тех требованиях, которые выдвигал перед постановкой этой пьесы во МХАТе великий реформатор сцены К. С. Станиславский... Не возникло ли противоречие между избранной театром праздничной формой изящно стилизованного представления в духе манерно-изысканных Людовиков и народностью реализма Пьера Огюстена Карона де Бомарше?..

По-моему, такого противоречия нет.

Да, здесь на сцене царит розовато-сиреневый перламутр, черненое серебро и бело-розовый атлас. Такова холодноватая, ласкающая глаз цветовая гамма спектакля. И музыка Моцарта, игриво-лукавая, блестяще-веселая — она в лад этой гамме... Но вся эта парадность, блестящая игривость как бы взрываются изнутри живыми страстями героев. Страсти закипают в спектакле сразу же, с первых же сцен-стычек, сцен-дуэлей. Воюют — с одной стороны, холеный, не слишком умный, напыщенный и ко всему, кроме своей особы, глубочайше равнодушный граф Альмавива А. Ширвиндта и милая страдалица-графиня, сыгранная В. Васильевой, в общем-то тоже вполне равнодушная ко всему, что не касается лично ее,— а с другой — люди живые, искренние, добрые — очаровательно веселая умница Сюзанна — Н. Корниенко и не пройдоха, а такой же умница, человек, умудренный горьким опытом и только поэтому отчаянно подозрительный Фигаро — А. Миронов,— истинный рыцарь ума и чести.

«...Это революция в действии»,— сказал Наполеон о «Женитьбе Фигаро»... В спектакле Театра сатиры свершается революция нравственная, идет бой между честью и бесчестьем; между леностью ума и души и напряженной энергией; между эгоизмом и человечностью.

* * *

Но, может быть, отдав день «серьезным» пьесам в год великого юбилея, театры теперь обратят свое внимание лишь на произведения развлекательные? Надеемся, это не случится. Этого не допустит уже сама значительность прошедшего сезона.

ИНДУЛЬГЕ
НА УСТАРЕ

Это, пожалуй, одна из характернейших примет советского образа жизни: праздник труда! У нас в стране родилось много таких праздников: День шахтера, День энергетика, День металлурга, День строителя, Всесоюзный день железнодорожника, День работников легкой промышленности... А какими яркими торжествами отмечают у нас, скажем, рекорд передовиков социалистического соревнования, пуск нового цеха или предприятия...

Сравнительно недавно знатная бригада горняков кузбасской шахты 3-3-бис прошла нолевой штрек вдвое быстрее нормы и значительно раньше срока открыла доступ к мощному угольному пласту. Это был выдающийся рекорд. И когда коллектив бригады, возглавляемой Героем Социалистического Труда Николаем Кочетковым, поднялся на поверхность, он пережил немало трогательных минут: горячие объятия, цветы, музыка, крики «Ура!». А затем вечер в клубе с участием всего поселка. Так успех бригады стал праздником всего коллектива. И повод для того был отличный: за сбереженное бригадой время шахтеры дали дополнительно большое количество угля.

Некоторые обряды и церемонии пришли к нам издалека, но в обновленном виде, облеклись в новые одежды. Праздник урожая, к примеру, берет свое начало с древних времен. А ведь он и в наши дни желанный гость деревни. Однако колхозная новь наполнила его иным содержанием. Меняются времена, меняются и традиции, рожденные творчеством масс.

Как-то раз я был свидетелем спуска на воду крупного судна, построенного в рекордно короткий срок. На площадках вокруг стапеля собралась многотысячная толпа людей. Одни были в промасленных спецовках, другие — в праздничных одеждах. И вот наступил самый торжественный момент: из мощных репродукторов раскатом прокатился зычный голос старшего за спуск:

— Внимание, внимание: приступаем к главной операции!.. Средние стрелы вон!.. Носовые стрелы вон!.. Приготовиться — отдать курки!!!

Громадный лайнер, озаренный лучами заходящего солнца, вздрогнул и величаво пошел по спусковым дорожкам в воду. Напряженную тишину нарушили тысячеголосые крики: «Пошел, пошел!» И возгласы «Ура!» и сирены судов, ошвартовавшихся у пирсов... Стоявший недалеко от меня рабочий, смахнув засаленной кепкой пот с лица, пробасил:

— В старину говорили: спущен корабль на воду — сдан богу на руки... Живи, друг милый! — И он приветливо помахал в сторону корабля.

Пожилые мастера с морщинами на загорелых и обветренных лицах, создавшие за свою нелегкую трудовую жизнь много таких «посудин», не стесняясь окружающих, смахивали рукавом слезы радости: они гордились творением рук своих. И за это им низкий поклон, глубокое уважение. И, конечно, нельзя оставить такое событие незамеченным. Но как сделать так, чтобы стало оно, это событие, большим праздником труда?

После того, как под крики «Ура!» судно покинуло стапель и ошвартовалось для завершения пусковых и отделочных работ, люди стали расходиться по домам. И тут я случайно уловил разговор шедшей впереди небольшой группы молодых людей в спецовках:

— Слышь, братцы! Вечером спуск собираются отметить, сам видел — пригласительные кое-кому вручали. А мы? Чур закон: вперед не забегай, а от людей не отставай!

Дружок слева поддержал:

— А что, дело говорит! Для почина по кружечке пива, а вечерком — капитально, в ресторан. И уговор: не шуми во хмелю, когда я не велю...

Поздно вечером я спустился в ресторан при гостинице. В зале стоял дым коромыслом. В мутном от табачного дыма воздухе гул голосов. Большинство столиков сдвоено и строено — заводские друзья отмечали день рождения корабля.

Я подсел к стоявшему в углу столику. Моим соседом, как выяснилось потом, был конструктор одного из проектных институтов. Неподалеку от нас расположилась группа ребят. Старший из них, избранный за веселый нрав тамадой, сыпал шутки-прибаутки, вызывая хохот друзей. Один из них после каждой рюмки сладостно повторял:

— А здорово, братцы, пошел он: плавно, плавно, а потом все быстрее, увереннее — красотища!

В этих словах чувствовалась гордость рабочего человека за свой труд, за труд своих друзей. Но в этой обстановке рассказ о красоте труда терял свою прелесть, задушевность.

За другим столиком человек небольшого роста, мускулистый и коренастый, спьяна неистово бил себя в грудь:

— Подлец я, други мои. Подогнать полсантиметра поленился, так и заварил. А что если...

В несколько грубоватой форме кто-то из товарищей одернул его:

— Не хрюкай, слышь?

Мы с интересом наблюдали эти сценки, и конструктор, бросив взгляд на бракодела, заметил:

— Вот и совесть заговорила: один восхищен спуском корабля, ему хочется поделиться радостью, а другого совесть взяла за бока. Брак-то, видимо, несущественный, иначе контролер не пропустил бы, но факт сам по себе примечательный. В трезвом состоянии схалтурил, а теперь — душа наизнанку! И почему у нас многие предпочитают отмечать трудовое событие выпивкой до умопомрачения? Разве приподнятое настроение может быть только после изрядной порции веселящего напитка?

Мы расплатились с официанткой и разошлись по своим номерам.

НЦИИ

ВШИЕ ТРАДИЦИИ

А. ЩЕРБАКОВ,
заместитель главного
редактора газеты
«Социалистическая индустрия»

А поздно ночью с праздничного вечера, который был устроен в другом ресторане — там были официально приглашенные гости, начальство, заводские рабочие,— возвратился мой сосед по номеру. Настроение у него было не совсем бодрое.

— Хватил лишку, лишку хватил... Да, праздничек! — И махнул с досады рукой.

Гость — он приехал из другого города — завалился спать. Утром проснулся с головной болью, чертыхался, недобрым словом вспоминал вчерашнее торжество, клялся, что больше никогда не будет «вот так по-свински» отмечать подобные события.

— И почему у нас так заведено? — в сердцах проговорил сосед, прикладывая к голове мокрое полотенце.— Рюмочка, конечно, не помеха. «Для праздника Христова не грех выпить чарочку простова»,— говорили наши предки. Чаро-чку! — с придыханием повторил он.— А в общем, нужно что-то другое. А что?..

Многие традиции, обряды, ритуалы, различные торжества, как мы уже говорили, берут свое начало в далекой старине. О социальной обстановке дореволюционных времен хорошо сказал Максим Горький в рассказе «Супруги Орловы». Один из его героев так объясняет свое положение и поведение:

«— Вот так жизнь, ведьма ее бабушка! И зачем только она мне далась? Работища да скучища, скучища да работища... Какая же поэтому может быть у меня жизнь и какой интерес? Нет интересу. Ну, я и иду в трактир, потому что там весело».

Беспросветная нужда заставляла людей того времени в выпивке находить истоки веселья, хоть на время забыться от тяжелой действительности. И эту страсть, приверженность к пьянству хитро использовали сильные мира того далекого прошлого. Купец, выгодно купивший новое судно, выставляет на палубу ведро водки, чтобы люди в пьяном угаре забыли о его проделках. Помните, как горьковский Фома Гордеев громогласно объявил мужикам, поднявшим со дна реки его затонувшую баржу: «Жертвую,— на три ведра!»

Прошли десятилетия. Социальная почва, на которой произрастали подобные традиции, исчезла. Почему же сами традиции кое-где остались в своем первозданном состоянии? Механически, по привычке обряды исполняют так, как это делали прадеды и деды, по неписаному закону: «спокон веку так», «как свет стоит», «так исстари повелось». Что-то вроде бессрочных индульгенций на устаревшие традиции...

А происходит это, на наш взгляд, потому, что некоторые организаторы праздников труда выработали своего рода стандарт в худшем понимании этого слова. Стандарт этот признает, как правило, лишь две основные формы праздничных обрядов: собрание с докладом и не всегда удачным концертом и вторая, банкет с выпивкой (по отчету проводится как «чай»). Сейчас, к счастью, канули в Лету герои «заорганизованных культмероприятий», зло высмеянных в свое время. Но формализм кое-где дает о себе знать и поныне.

Вернемся к тому же празднику корабелов. Почему бы, скажем, не собрать по цехам, сменам, группам всех тех, кто участвовал в постройке корабля, и не поздравить их с победой, не дать им возможности отпраздновать это событие в своем кругу? И отпраздновать так, чтобы эта встреча пришлась человеку по душе, чтобы она по-хорошему его взволновала, отвечала бы его вкусу, настроению, желаниям. Здесь трудно давать какие-то рецепты. Конечно, нужны и танцы и хороший буфет. Но ведь можно программу концерта художественной самодеятельности, текст песен, частушек и многое другое связать с событием, послужившим поводом для праздника. Товарищи, организующие такие вечера, мало думают над тем, чтобы они не были традиционно скучными, не стараются отрешиться от показухи, фальши.

Можно было бы позаботиться и о том, чтобы какой-то группе особо отличившихся работников вручить сувениры, например, миниатюрные модели того же судна. Затраты здесь составят сотую долю той экономии, которую обеспечили люди досрочным выполнением плана, задания, заказа...

Мне вспоминается беседа с народным художником из Палеха. Он с волнением говорил о своем творческом пути и всякий раз бережно снимал с комода или со стены памятный сувенир: шкатулку, коробочку, барельеф.

— А вот эту вещичку мне преподнесли, когда отмечали десятилетие нашей мастерской. А эту подарили, когда пятьдесят стукнуло...

Так, перебирая сувениры, художник словно листал страницы своей трудовой биографии.

В журнале «Октябрь» Николай Кузьмин в очерке «В городе Светлом» рассказывает о сложившейся там традиции отмечать День рыбака. Он превращается в городское празднество. С раннего утра по центральной улице начинает шествие Нептун со свитой. «Морской бог» с длинной бородищей стучит трезубцем в двери, окна, торопя горожан в зеленую рощу, где дымятся костры, где готовится рыбацкая уха. Сколочен помост, рядом — брезентовый бассейн с морской водой. Нептун со свитой поднимается на помост и начинает вызывать руководителей городских предприятий. Со свитками в руках они поднимаются и рапортуют о достижениях. «А рекламации с моря были?» — задает Нептун коварный вопрос. «Случалось»,— отвечает один из руководителей и называет фамилию бригадира, по вине которого было плохо отремонтировано судно. Свита Нептуна ловит виновника и бросает в бассейн. Смех, веселые шутки... Но вот «морской бог» уже перестал сердиться и пригрозил напоследок бригадиру: «Смотри, брат, не подводи больше!»

Гости направляются к котлам. И тут начинается своеобразное соревнование: у какой бригады уха вкуснее. Затем игры, танцы, песни. Как-то раз на праздник заявились двое пьяных — их тотчас же выпроводили.

Автор справедливо заключает: конечно, далеко еще не все идеально в городе Светлом с проведением трудовых праздников, однако путь намечен правильный.

Интересен опыт ленинградцев, где проводят вечера рабочих династий, посвящения в рабочие. Поучительна инициатива рыбинского моторостроительного завода (Ярославская область). Здесь, на мой взгляд, правильно поступают: в отличие от некоторых предприятий тут считают возможным расходовать средства на приобретение подарков особо отличившимся рабочим, мастерам, инженерам. Поощрение за хорошую инициативу, которая получила широкую поддержку, обернулось для завода солидной выгодой. Весело проводят рыбинцы праздники трудовой славы, общественное чествование ветеранов труда, торжественное вручение ключей от новых квартир. Лучшим людям за их трудовые успехи преподносят памятные подарки. К пятидесятилетию Советской власти восемьсот передовиков этого завода, инициаторов новых начинаний, были награждены именными часами. И коллектив отвечает на это внимание ростом темпов производства.

У нас много ветеранов труда. Некоторые ушли на заслуженный отдых. Каждый из них — это кладезь бесценного опыта, накопленного десятилетиями. И неплохо бы почаще собирать таких людей не только возле станков и машин, но и в клубе, в непринужденной обстановке. Ветеран завода должен всегда чувствовать свою связь с коллективом, который по-прежнему нуждается в его советах. На московской фабрике «Парижская коммуна» проводят праздники ветеранов труда. В клуб приглашаются знатные люди с семьями. У входа их встречают комсомольцы. Они сердечно приветствуют ветеранов, вручают им букетик гвоздики, к лацкану пиджака или платью прикалывают памятный значок. Директор фабрики тепло поздравляет гостей, награждает их памятными сувенирами. В честь ветеранов дают интересный концерт художественной самодеятельности. Откуда на фабрике взяли деньги на все это? Из фонда материального поощрения, из премии по всесоюзному социалистическому соревнованию.

Подобные крупицы опыта — а они имеются на многих предприятиях — неплохо бы изучить, обобщить. Известно, сколь действенны, жизнью проверены, временем испытаны такие средства воспитания, как социалистическое соревнование, движение за коммунистический труд. Они прививают чувства коллективизма, товарищеской взаимопомощи. Здесь истоки нового отношения к труду, истоки его высокой производительности. Коллектив — вот кто прежде всего выступает в роли воспитателя масс!

Но функции воспитания осуществляются не только в цехе, на участке, но и за их пределами. И не только в рабочее время. И не только по книгам и учебникам.

Владимир Ильич Ленин рекомендовал «жить в гуще рабочей жизни, знать ее вдоль и поперек, уметь безошибочно определить по любому вопросу, в любой момент настроения массы, ее действительные потребности, стремления, мысли, уметь определить, без тени фальшивой идеализации, степень ее сознательности и силу влияния тех или иных предрассудков и пережитков старины».

Думается, что праздники труда в немалой мере способствуют выполнению этого ленинского завета, в немалой мере помогут коммунистическому воспитанию масс.

ВЕТЕР ПЕРЕМЕН НАД ЮЖНЫМ ЙЕМЕНОМ

Алексей ВАСИЛЬЕВ

Фото автора.

Под крылом самолета проплывает мешанина скал, расколотых каменистыми долинами — вади, раскаленные пески пустыни и редкие-редкие клочки зелени. Поселения отстоят друг от друга на десятки километров. В Южном Йемене на территории, равной примерно половине Франции, проживает всего лишь около миллиона человек. Я запомнил один вечерний полет над страной, грязно-багровое солнце, садящееся за задымленный песчаной бурей горизонт, черную, безжизненную поверхность земли, красный пожар заката вполнеба.

Под песками пустынь юга Аравийского полуострова покоятся руины когда-то процветавших городов. Сказания, археологические раскопки и — самое удивительное — даже современная архитектура зданий в глубинных районах восточной части Южного Йемена говорят о тесных связях с древней Месопотамией. Легендарный праотец арабов якобы родился здесь в третьем тысячелетии до нашей эры. Позднее арабские государства возникли, а затем погибли в западных и северо-западных районах страны.

Аден, нынешняя столица Южного Йемена, лучший порт в этой части мира, издавна служил важным звеном на пути из Индии в Средиземноморье через Красное море. Его бурые скалы видели римлян и абиссинцев, персов и турок.

Марко Поло описывал Аден как оживленный порт, господствовавший на всем южном побережье Аравии. Португальцы, проникшие в Индийский океан, пытались в XVI веке завладеть Аденом, но неудачно. В 1839 году англичане штурмом взяли город и превратили его в свою колонию, а затем подчинили себе несколько десятков султанов, шейхов и эмиров Южного Йемена.

С открытием Суэцкого канала Аден стал важнейшим бункерным портом на пути из Средиземноморья на Дальний Восток, центром реэкспортной торговли для всей северо-западной части Индийского океана. Здесь были созданы крупнейшие военно-воздушная и военно-морская базы Англии. Английские колонизаторы окопались на юге Аравии всерьез и надолго. Даже после их изгнания из Египта, Ирака, Иордании они рассчитывали удержать Аден. Для защиты его они пытались сколотить из феодальных князьков Федерацию Южной Аравии.

Однако имперские планы и колониальные надежды Англии были перечеркнуты пулеметными очередями народного восстания, возглавляемого Национальным фронтом. Выбоины от пуль и снарядов до сих пор хранят стены многих зданий Адена. Когда бродишь по его улицам, удивляешься обилию колючей проволоки. Она опутывает не только военные лагеря, базы, но и многие дома, где жили раньше англичане. Неуютно они чувствовали себя последние годы в Южном Йемене.

Всего лишь без малого три года назад последний английский солдат отплыл из Адена. На месте рухнувшей Федерации Южной Аравии была образована Народная Республика Южного Йемена.

...Мы едем по одной из немногих в стране дорог с твердым покрытием. Дымятся на ветру барханы. Пыль пустыни проникает во все поры, скрипит на зубах, забивает уши, оседает в волосах. В серых пустынных просторах, как марево, возникают глинобитные поселения, четырехугольные хижины, похожие на крепости. Там, где появляется вода, иссохшая земля зеленеет банановыми плантациями и рощами финиковых пальм.

У одной из них с мотыгой трудился молодой крестьянин. Его звали Салем.

— Кому принадлежат эти деревья?

— Теперь мне, — гордо ответил крепкий, плечистый крестьянин в короткой юбке-фута. — Раньше это была собственность султана Эль-Фадли. Теперь роща принадлежит бывшим арендаторам.

В Южном Йемене проводится аграрная реформа. У крупных феодалов конфисковано около 50 тысяч федданов земли. Она распределяется среди крестьян — прежних мелких поденщиков и арендаторов. Сейчас стране предстоит решить проблему огромной трудности — самостоятельно обеспечить себя продовольствием.

Одна из самых характерных особенностей Южного Йемена — большой ввоз всевозможных товаров. Казалось бы, для маленькой страны в этом нет ничего необычного. Но для меня символом нашествия иностранных товаров стали свалки ржавых консервных банок даже в отдаленных городишках и оазисах. Почему я обращаю на это внимание? Южный Йемен — страна сельскохозяйственная (скотоводством и земледелием занято 4/5 населения). И эта сельскохозяйственная страна не в состоянии прокормить себя. Я был поражен, увидев, что в одной воинской части рацион солдат состоял из муки, ввезенной из Австралии, консервированной морковки из Дании, консервированного картофеля и свеклы из Голландии, консервированного мяса из Кении и т. д. Все это показывает, какие трудности стоят на пути развития южнойеменской экономики, сколь беспощадной оказывается иностранная конкуренция для многих местных отраслей хозяйства.

Не удивительно поэтому, что в Южном Йемене, который после завоевания независимости стал унитарным государством, до сих пор существуют внутренние пошлины.

В аденский порт прибывают и грубо сколоченные фелюги-доу, принадлежащие жителям восточного побережья Африки, и крупные океанские суда. Грузят хлопок, кожи, кофе, ткани. Большие грузовики, покрытые разноцветными попонами с узорами, забирают товары и развозят их по стране и в Северный Йемен. Но даже, как говорится, невооруженным глазом видно, что порт работает не на полную мощность. Если до закрытия Суэцкого канала общий тоннаж заходивших в Аден судов составлял ежегодно 40 миллионов тонн, то сейчас лишь 9 миллионов тонн.

Единственное крупное промышленное предприятие НРЮЙ — нефтеперегонный завод в Литл Адене мощностью в 5 миллионов тонн, который обошелся в 45 миллионов фунтов стерлингов. Он работает примерно на половину своей мощности. Остальные «фабрички», существующие в Адене, производят мыло, прохладительные напитки, кухонную посуду, сигареты, кирпич, кое-какую мебель, черепицу. Есть авторемонтные мастерские. И это все. Таков результат хищнического господства Англии в течение 128 лет.

Правительство НРЮЙ предприняло ряд мер для пресечения деятельности иностранного капитала в стране. В Адене и в провинциях иностранные банки и их отделения национализированы, так же как и несколько десятков других мелких иностранных фирм.

Несмотря на чрезвычайно тяжелое экономическое положение, в стране нет пессимизма и уныния. Скорее наоборот. В Адене мы посетили штаб-квартиру Генерального руководства Национального фронта Народной Республики Южного Йемена — правящей здесь политической организации. Она находится в Кратере, самом густонаселенном районе столицы, в бывшем дворце султана Лахеджа. В здании было людно. Приходили и уходили рабочие, крестьяне, мелкие торговцы, ученики старших классов. В одном из залов шло собрание. Мы услышали обрывки выступления:

— ...Нам хотят залить глотку свинцом экономических трудностей и заговоров, заставить капитулировать... Бой с колонизаторами не окончен. Только железная революционная организация сможет вывести страну из кризиса. Только масса трудящихся, вдохновленная идеями научного социализма, способна двигать страну вперед...

Революционная активность рабочих и молодежи — характерная черта сегодняшней общественной жизни НРЮЙ. В штаб-квартире Фронта я встретился с двумя юношами — учениками старших классов средней школы. Они оживленно спорили над книжкой. Я взял ее. На обложке арабская вязь: «Государство и революция», В. И. Ленин. Книготорговцы рассказывали мне, что работы по научному социализму, особенно труды В. И. Ленина, книги о Советском Союзе берут нарасхват.

...Шестая провинция НРЮЙ. Селение Фатк. Дальний угол самой отсталой провинции. Главная забота человека — плошка риса, горсть сухой рыбы да глоток пресной воды. Однако всего лишь несколько месяцев назад его жители выстроили своими силами новую школу. И вот при свете керосиновых ламп на полу сидят, скрестив ноги, рабочие, прокладывающие здесь дорогу, и по складам читают первые в жизни фразы: «Мы бу-дем стро-ить но-ву-ю жизнь... Мы за-щи-тим ре-во-лю-цию».

Позднее, на встрече с премьер-министром страны Мухаммедом Али Хейтамом, молодым человеком тридцати лет, участником войны против английских колонизаторов, мы услышали:

— Нам сейчас действительно трудно, но нас, руководителей, вдохновляет массовый энтузиазм населения. Одно из самых сильных народных движений в республике — это движение за создание школ. Лишь в Третьей провинции силами населения создано 76 школ.

Учиться хотят все — и стар и млад. Премьер рассказал, что для строительства школ собираются люди, даже не имевшие навыков совместного, коллективного труда. Здания школ есть, но нет учителей. И на помощь приходят активисты Национального фронта, владеющие грамотой. В свободное время они учат детишек и взрослых. И если говорить о самых реальных достижениях молодого и небогатого государства за три года независимости, то на первое место надо поставить образование.

В городе Мукалле — столице Пятой провинции члены Союза молодежи попросили меня рассказать о наших комсомольско-молодежных лагерях, о стройках Сибири и Дальнего Востока. Оказывается, ребята, прочитав о наших стройках, решили создать собственный строительный отряд. И они пробивают теперь дорогу там, где раньше по тропке с трудом пробирался осел с поклажей. Они мечтают о том времени, когда по построенной ими дороге будут идти с грузами автомашины. И этот факт участия молодых в созидательном труде показы-

Красочны ткани аденских ткачей.

Девушка-бедуинка из района Хадрамаута в Южном Йемене в праздничном наряде.

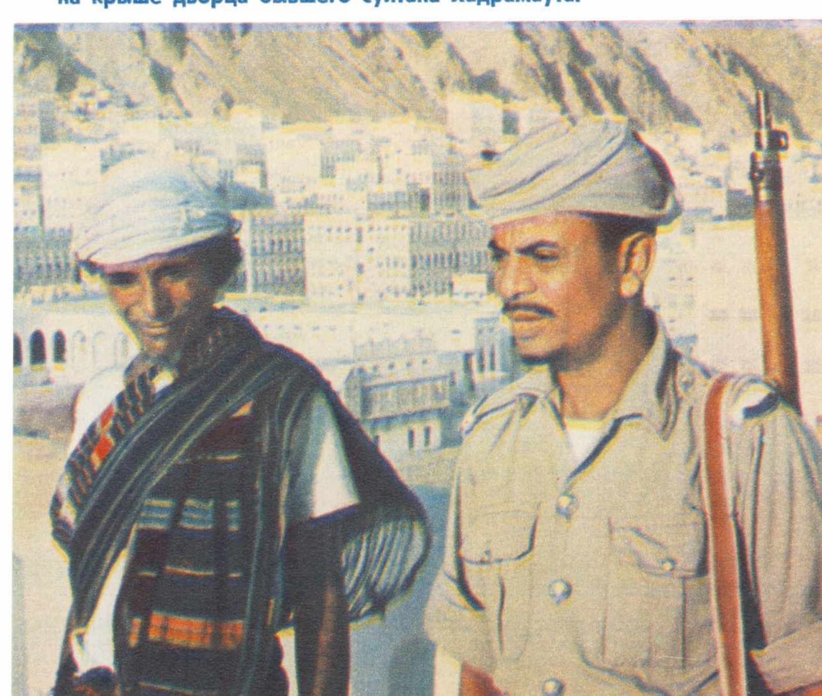
Аденский порт — самый крупный в северо-западной части Индийского океана.

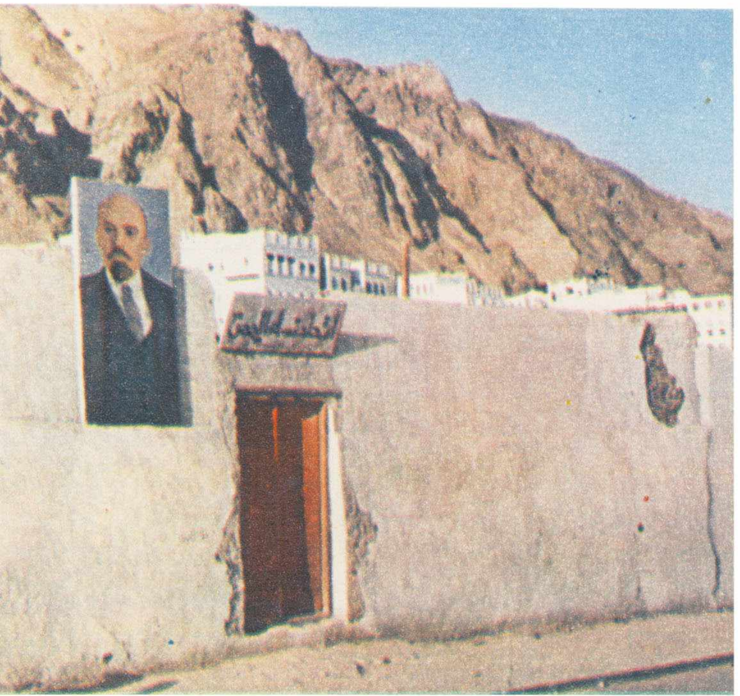
Уличная сценка в южнойеменском городе.

Город Мукалла — центр 5-й провинции НРЮЙ. Охрана на крыше дворца бывшего султана Хадрамаута.

На троне бывшего султана по-хозяйски расположился простой люд.

Этот крестьянин раньше был арендатором у феодала, после аграрной реформы он получил землю — участок финиковых пальм.

Неповторима архитектура многих южно-йеменских городов.

вает, какие скрытые силы таятся в народе Южного Йемена.

Еще в прошлом году, на пути в освобожденные районы Дофара, я остановился в центре Шестой провинции — городе Эль-Гайде. Мы заночевали в брошенном бедуинском замке. Раньше здесь стоял отряд верблюжьей кавалерии во главе с английским офицером. Секретарь губернатора Шестой провинции рассказал мне, что это здание отдали под больницу.

— Хорошее помещение,—вздохнул он,— но у нас нет в городе ни одного врача.

Это проблема не только Эль-Гайды. Поэтому с такой признательностью встретили южные йеменцы сообщение о прибытии в их страну группы советских врачей. Двух из них я встретил в Мукалле.

Николай Алексеевич Крыжановский приехал из города Ивано-Франковска. До его приезда врачебной практикой занимались несколько костоправов, и на совести их было немало погибших.

Здание больницы в городе было, но здесь не соблюдали элементарных правил гигиены и санитарии. Нового врача в штыки встретил старший санитар, человек безграмотный, беззастенчиво обиравший больных. Власти стали на сторону врача, и обирала-санитар был с позором изгнан.

Николай Алексеевич — хирург, и с тем ограниченным набором инструментов, который у него оказался под рукой, он начал операции. За полгода, проведенные в Мукалле, Николай Алексеевич оперировал примерно триста человек.

Николай Алексеевич работал в Мукалле вместе с врачом из Новосибирска Светланой Константиновной Бастриковой. Сколько сотен новорожденных были приняты ее руками и скольким матерям она спасла жизнь!

— Как же нам не поддерживать советских врачей,— говорил мне губернатор.— Ведь с их помощью мы побеждаем старые понятия о врачевании и старых врачей-грабителей.

Прошло лишь несколько недель после прибытия наших людей в Мукаллу, и все жители уже знали: русские врачи лечат бесплатно и всех. Поэтому когда я ходил вместе с Николаем Алексеевичем по узким улочкам Мукаллы, десятки людей останавливались, приветствовали его, кланялись, приложив руку к сердцу.

...Судьба привела меня в Южный Йемен в третий раз. Наш самолет, направлявшийся в Сомали, делал остановку в Адене. Этим же самолетом возвращался домой из Советского Союза генеральный секретарь Национального фронта Народной Республики Южного Йемена — Абдель Фаттах Исмаил. Когда показались серо-бурые скалы Адена, он припал к иллюминатору, потом откинулся в кресле и сказал мне:

— Ты видишь, вот моя родина. И как для русского родина — это ласковый ветер, цветущее поле летом, глубокий снег и злой мороз зимой, так для нас родина — вот эти скалы, эти пески, эта жара и эти оазисы. В тяжелой борьбе мы добились того, чтобы эта земля принадлежала нам, и мы сделаем ее цветущей!

Аден — Москва.

К 70-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
КУЗЬМЫ ЧОРНОГО

СЧАСТЬЕ ПИСАТЬ О НАРОДЕ

Кузьма Чорный принадлежит к числу тех видных белорусских писателей, творчество которых сыграло важную роль в развитии всей многонациональной советской литературы. И сегодня его книги, написанные в тридцатые и сороковые годы, созвучны нашей героической современности, являют собой пример пламенной любви к Родине.

Кузьма Чорный (Николай Карлович Романовский) родился 7 июля 1900 года в имении Борки, Слуцкого уезда, Минской губернии, в батрацкой семье. В детстве он на себе испытал горе и нищету: кусок хлеба и полотняная рубашка — одна на год — казались ему счастьем. Будущий писатель учился в начальной народной школе, а затем был принят в Несвижскую учительскую семинарию, окончить которую ему не пришлось: зимой 1919 года оккупанты-белополяки семинарию закрыли.

С приходом Красной Армии К. Чорный работает в военном отделе волостного ревкома, а в 1923 году поступает на литературное отделение педагогического факультета Минского университета.

5 мая 1923 года в газете «Савецкая Беларусь» был опубликован первый рассказ К. Чорного — «На границе». С тех пор очерки и рассказы писателя систематически печатаются в периодических изданиях, выходят отдельными сборниками.

Уже первые произведения К. Чорного, посвященные социальным и культурным сдвигам в жизни людей белорусской деревни, отличались психологизмом и лиричностью. Но это были пока разрозненные зарисовки человеческих ощущений и отдельных фактов действительности.

Писателя ждал успех в области крупного прозаического жанра. В конце 20-х годов К. Чорный приступает к созданию цикла романов, в которых ясно выражено стремление автора художественно исследовать историю белорусского народа за период от уничтожения крепостного права до наших дней, показать действительность во всей ее сложности. Замысел писателя-романиста во многом осуществился.

В лучших произведениях этого цикла с необычайной глубиной и яркостью, с тем проникновением в народную жизнь, которого до тех пор белорусская проза не знала, запечатлены важнейшие события строительства нового общества, многообразный духовный мир человека эпохи социализма.

Вынося суровый приговор дикой силе собственничества, индивидуализма, писатель-гуманист раскрывает начало светлых перемен в жизни глухих белорусских сел. Близкими и родными для нас людьми стали положительные герои произведений Кузьмы Чорного — революционер-подпольщик, большевик Адась Гушка («Родина»), руководители социалистического строительства Назаревский и Нестерович («Третье поколение»), трудолюбивые и благородные белорусские женщины — Люба из романа «Люба Лукьянская», Магдалена из романа «Скипьевский лес», Зося из «Третьего поколения».

С начала Великой Отечественной войны писатель все силы своего таланта отдает борьбе против фашистских захватчиков. Пафос многих его произведений этого периода — величие и красота души рядового советского человека, поднявшегося до подвига. Герой рассказа «Большое сердце» крестьянин Парфен Котлубович вначале нарисован комическими красками: «Деревня Голоски прославилась тем, что в ней Парфен Котлубович, пожилой человек маленького роста, бился с пьяным петухом». Но в годы испытаний Парфен преобразился: в нем пробудилось горячее сердце патриота-борца. Это он спустил под откос немецкий поезд; чтобы спасти людей, выдал себя за виновника смерти фашистского офицера. И вот теперь командир партизанского отряда, принимая Котлубовича в число народных мстителей, спрашивает у него: «Так ты из тех самых Голосков, где Парфен спас целое местечко от расстрела?

— Из тех самых,— ответил Парфен».

Наиболее ценное по идейно-художественным качествам произведение К. Чорного — роман «Большой день», оставшийся, к сожалению, незаконченным (писатель умер 22 ноября 1944 года).

В истории жизни двух семей, противопоставленных друг другу, автор раскрывает сложность борьбы прогрессивных сил против капиталистического мира, а также истоки формирования героических характеров в советском обществе.

Деятельность К. Чорного, чье литературное наследие входит в золотой фонд литературы социалистического реализма,— образец служения художественным словом родному народу.

А. ВЛАСЕНКО

МИР ПОИСКОВ

«Параллели сходятся» — так называется новая книга Владимира Ивановича Немцова — исповедь писателя о своей жизни, о своем творческом пути. В авторском предисловии В. Немцов высказывает желание «показать... не только сложный психологический процесс творчества, питаемый мироощущением юности тех романтически-приподнятых лет (двадцатых—тридцатых годов), но и дать портрет... современника, постоянно ищущего, с его горестями и радостями, чем полна наша жизнь».

Книгу эту трудно отнести к какому-то определенному жанру, да в этом и нет необходимости. Вводя читателя в мир поисков и открытий, писатель утверждает: у творчества единые цели — создавать материальные и духовные ценности. Будь ты писатель или изобретатель, музыкант или зодчий — творческий процесс един.

Любопытны страницы книги об абстракционизме и абстракционистах, в рядах которых побывал и автор. Правда, его привело туда не праздное любопытство. «В работах первых абстракционистов меня привлекало именно изобретательство»,— признается он. В. Немцов раскрывает сущность этого течения, показывает роль родоначальников абстракционизма в России, которые «были изобретателями, выдумщиками, подчас довольно остроумными». Читая эти страницы, еще раз убеждаешься в полной беспомощности и никчемности современного абстракционизма, ибо нынешние его представители растеряли даже то, что имели их предшественники,— «целиком перешли в услужение капитализму, без какого-либо признака бунтарства».

Особое место уделяет автор интересным людям, с которыми он встречался и работал. Перед читателем встают образы Владимира Маяковского и Николая Погодина, академика Шулейкина и поэта индустрии Гастева... Читая книгу, ощущаешь горячее дыхание героических лет первых пятилеток, грозовых дней войны, трудную и твердую поступь послевоенных годов.

Неоспоримо воспитательное значение этой книги. Очень четко и определенно сформулировал свою основную мысль сам автор: «Смотри, сколько интересного в жизни. Не отчаивайся, коли выбрал дорогу не по душе. Все, что познаешь на творческих параллелях, отложится в памяти сердца и твоих руках мастера. Испытай, попробуй познать радость творения. Отдай ему все силы, весь жар души, и тогда поймешь счастье быть человеком»,— обращается он к молодому читателю.

Новая книга В. Немцова повествует не только о месте художника, человека-творца в нашем обществе, но и о месте в жизни, о высоком назначении каждого труженика.

С. ЛИСИЦКИЙ

В. Немцов. Параллели сходятся. Издательство «Советская Россия». М. 1969.

ОТ ГОДА ДО ВОСЕМНАДЦАТИ

Москва, Погодинская, 8. Это адрес нового издательства — «Педагогика» Академии педагогических наук СССР и Комитета по печати при Совете Министров СССР. Его директор профессор Владимир Александрович Разумный рассказал нашему корреспонденту о характере и планах работы коллектива.

Наше издательство еще очень молодо: осенью ему исполнится один год. Тем не менее диапазон литературы, которую оно призвано выпускать, весьма широк. Наша задача — издание монографий, сборников научных трудов и другой научно-педагогической литературы, собраний сочинений и избранных трудов виднейших представителей отечественной и зарубежной педагогической науки, экспериментальных учебников и учебных материалов, словарно-энциклопедических изданий, научно-популярной литературы для учителей и родителей по вопросам воспитания и обучения. Нашему издательству поручен также выпуск журналов, являющихся органами Министерства просвещения СССР и Академии педагогических наук СССР.

Весьма широк и круг наших читателей: это учителя различных типов школ, воспитатели детских учреждений, научные работники, преподаватели, аспиранты и студенты университетов и педагогических институтов, а также учащиеся и родители.

Наша первостепенная задача — организовать выпуск значительного числа исследований и научно-популярных изданий, которые создаются лучшими представителями советской педагогической науки, а также учителями, накопившими бесценный опыт. Большие надежды мы возлагаем также на сотрудничество с писателями, журналистами, общественными деятелями. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. Например, выдающийся советский композитор и подлинный энтузиаст дела эстетического воспитания Дмитрий Борисович Кабалевский подготавливает для нас книгу об эстетическом воспитании.

Структура нашего издательства: 6 книжных редакций и 16 журналов, включая такие, как «Советская педагогика», «Вопросы психологии», «Народное образование», «Семья и школа», «Воспитание школьников».

Назову некоторые тематические направления наших изданий. Это прежде всего научная литература по теории и истории педагогики. Мы планируем выпуск серии «Педагогическое наследие», серии избранных трудов выдающихся советских ученых и педагогов.

В этом году исполнится 300 лет со дня смерти Яна Коменского, великого чешского просветителя и педагога. Издательство в ближайшее время выпускает книгу члена-корреспондента Академии педагогических наук СССР Д. О. Лордкипанидзе, в которой освещаются проблемы педагогической системы, рассказывается о жизни и деятельности Коменского как одного из основоположников педагогической науки, как педагога-классика. Подготавливается книга крупного советского исследователя, действительного члена АПН СССР Ф. Ф. Королева «Марксистско-ленинская концепция педагогики». Будут также изданы «Очерки по истории педагогической мысли и школы народов СССР», книги по вопросам военно-патриотического, эстетического, атеистического воспитания школьников.

В редакции психологии, возрастной физиологии и дефектологии готовится немало фундаментальных исследований и популярных изданий для массового читателя. Ведется работа над многотомным изданием (под редакцией действительного члена АПН СССР А. А. Смирнова) «Основ психологии», являющимся первой попыткой обобщения современных данных этой бурно прогрессирующей науки. Профессор А. В. Петровский пишет для нас «Очерки по психологии» — научно-популярную книгу для учителей и родителей. В недалеком будущем на прилавках книжных магазинов появится «Психологический словарь».

Советские специалисты в области возрастной физиологии, а также дефектологии, труды которых имеют мировую известность, выступят у нас как авторы монографий и теоретических сборников, посвященных изучению физиологии, высшей нервной деятельности детей и подростков, школьной гигиены и физической культуры. В трудах действительного члена АПН СССР А. А. Маркосяна, профессора А. П. Краковского, Н. С. Лейтеса читатель найдет ответы на животрепещущие вопросы воспитания молодой смены — здоровой, гармонически развитой, физически совершенной.

Одна из таких книг уже опубликована массовым тиражом. Это «Разговор на трудную тему». Ее автор Антонина Георгиевна Хрипкова, вице-президент Академии педагогических наук, много лет работает с молодежью, знает волнующие ее проблемы. В свое время Антонина Георгиевна возглавляла лабораторию при Ростовском педагогическом институте. Ее наблюдения, выводы и рекомендации по вопросам полового воспитания представляют значительный интерес для педагогов, воспитателей и родителей.

Кстати, литература для родителей занимает в наших планах особое место. Она издается, как правило, массовыми тиражами, по 150—200 тысяч экземпляров. Именно таким тиражом опубликована книжка о воспитании малышей «Игры, игрушки и воспитание способностей» Н. П. Линьковой. Таким же тиражом скоро выйдет книжка художника-педагога Г. В. Лабунской «Художественное воспитание в семье», дающая немало полезных советов о развитии у ребенка восприимчивости к прекрасному. О сложных вопросах формирования нравственного облика молодого человека расскажет книга А. С. и О. С. Лавровых «Ум, сердце, характер». Нами задуманы также справочно-публицистические издания: «В нашем доме малыш», «Энциклопедия семейного воспитания», «Справочник для родителей».

Много справочно-информационных и словарных изданий будет адресовано нашему главному читателю — учителю. Тут и справочник учителя вечерней (сменной) школы, и настольная книга директора школы, и библиографические указатели.

На учителя рассчитана и планируемая нами «Библиотека учителя». Она состоит из ряда серий. Одну из них, «Молодому учителю», открывает подготовленная нами книга В. М. Коротова «Идущему на первый урок». Над другими сериями мы работаем в настоящее время с коллективами институтов Академии педагогических наук.

Словом, планы у нас большие. Задача в том, чтобы их реализовать наилучшим образом.

ПО ДОРОГАМ ВОЕННЫМ...

В пору войны ее любовно называли «Звездочкой». Ее с нетерпением ждали на фронте. Она воспитывала, ободряла, поднимала боевой дух воинов-патриотов, помогала овладевать искусством бить врага — газета «Красная звезда». Ее спецкор, известный советский военный журналист Николай Денисов, написал книгу, в которой меньше «о себе», больше «о времени», о коллективе краснозвездовцев, к которому он имел честь принадлежать. «1 418 дней фронтового корреспондента» — это 1 418 дней великой битвы, участником которой он был с первого дня. И на первых же страницах книги читатель погружается во взволнованно-напряженную атмосферу, царившую в трехэтажном доме на улице Чехова, где помещалась тогда редакция «Красной звезды». В воскресенье 22 июня 1941 года уже пришла первая телеграмма с фронта от корреспондента Александра Полякова, находившегося в те дни в Белоруссии: летчики части В. И. Аладинского вылетели бомбить танковые колонны противника...

Н. Н. Денисов. 1 418 дней фронтового корреспондента. Воениздат. М. 1969.

Днем офицеров редакции распределили по фронтам. А вечером Денисов уже покидал Москву: его послали на Южное направление. Так начался для него первый из 1 418 дней.

Он побывал на многих участках фронта, встречался с видными полководцами и рядовыми солдатами, рассказывал читателям «Звездочки» суровую правду о мужестве и героизме тех, кто в первые дни войны дрался с превосходящими силами противника, он был среди журналистов, видевших, как стояли насмерть защитники Москвы и Сталинграда, он входил с передовыми частями в освобожденные города и передавал ликующие корреспонденции из поверженного Берлина. Автор ведет повествование почти в хронологическом порядке. И тем не менее это не дневник, не мемуары. Это записи, когда-то наспех занесенные в блокнот военного корреспондента, а ныне осмысленные, откорректированные временем. Воспоминания о давних встречах с героями очерков, репортажей, корреспонденций дополняются лаконичными, но очень трогательными строками: годы и люди! Где они сегодня, герои тех боев? Я помню, какая это была сенсация, особенно в семье авиаторов — штурман старший лейтенант Иван Чиссов прыгнул без парашюта (так сложились обстоятельства боя) с высоты 7 тысяч метров. И остался живым: он упал в пухлый, нависший над оврагом снежный сугроб. Более месяца врачи боролись за жизнь Чиссова. И спасли его. И вот: «Ровно через двадцать пять лет после памятного случая,— пишет Н. Денисов,— в редакции «Правды» произошла интересная встреча. Подполковник запаса Иван Чиссов... по-братски обнялся с врачами, спасшими ему жизнь,— Я. В. Гудынским и И. П. Изотовым».

О военных журналистах много уже написано. И тем не менее молодежь, не только журналистская, с волнением будет читать страницы книги, рисующие бесстрашие и мужество тех, чье перо волею судьбы было «приравнено к штыку»; тех, кто вместе с солдатами делил невзгоды боевой жизни; кто вместе с авиаторами летал на боевые задания; кто, пробиваясь из окружения, раненный, обессиленный, вырывался вперед и с криком «ура» вел за собой солдат на прорыв — так погиб краснозвездовец Александр Шуэр. От пулевых ранений скончался журналист-солдат, хорошо известный читателям «Красной звезды» Петр Олендер. Их немало, краснозвездовцев, павших в бою...

Книгу Н. Денисова с интересом прочтут и бывалый фронтовик и молодой человек независимо от их профессий. Потому что это книга о людях, которые внесли свой большой вклад в нашу Победу.

Л. ЛЕРОВ

ДИВИТЬСЯ МИРУ

Имя Осипа Колычева известно среди многих почитателей поэзии. Перед нами новая его книга «Тобой дышу». В небольшом предисловии к этому сборнику стихов говорится: сюда «включены новые стихи О. Колычева, написанные им в последние годы, а также некоторые из уже издававшихся стихотворений». Сразу же надо отметить, что читатель найдет здесь действительно подавляющую часть именно новых стихов.

Все мы знаем поэта О. Колычева по его стихам и поэмам о Щорсе, об Олеко Дундиче, по песням, которые воспевают удаль и бесстрашие советского человека. В творчестве поэта образы и мотивы времен гражданской и Великой Отечественной войн перекликаются с современностью. Перед читателем раскрывается духовный мир человека, влюбленного в родную землю, восхищение перед чистотой Родины, России.

Осип Колычев. Тобой дышу. Издательство «Московский рабочий». 1969.

Говорят, творчество берет свое начало с удивления человека перед великим и прекрасным. Автор рассматриваемой нами книги не перестает восхищаться земной красой, не устает любить жизнь:

Покуда я не потерял способности
Дивиться миру и его красе
И замечать заветные
подробности
В шрифтах березы, в бисерной
росе,
. . . .
До той поры тобой дышу,
поэзия,
До той поры я мыслю и живу.

Гордость за человека труда, преобразующего землю, красной нитью проходит через многие стихи О. Колычева. Он славит труд ивановских ткачих и грузинских ковроделов, восхищен делами оросителей и садоводов среднеазиатских пустынь. Руки сталеваров поэт сравнивает с руками скрипачей, что рождают на свет «блистательные звуки».

Рассказывая о пережитом, о тяжелом времени военных лет, поэт находит весомые, точные и убедительные слова, которые раскрывают его отношение к врагу, его долг перед Родиной: «Со мною шли, со мной стояли рядом моя любовь и ненависть моя...»

Единение и монолитность народов нашей страны, ее мощь О. Колычев утверждает в своем стихотворении «Эхо на Красной площади». С высоты ее каменных плит перед читателем как бы раскрываются широкие горизонты Союза, его больше чем полувековой путь:

Сколько их, Октябрей, мимо
врат Мавзолея
...мимо врат Мавзолея...
Прошагали, знаменами жарко
алея.
...алея... алея...

Особое место в книге, кроме двух разделов — «Долг сердца» и «Твои глаза, Россия!», занимают «Миниатюры». Здесь автору удается в четырех-, восьмистрочных стихотворениях высказать очень оригинальные мысли, верные наблюдения. Можно представить себе, каким трудом дается поэту каждая строка, в которой с такой лаконичностью и емкостью высказывается его отношение к жизни.

У этой книжки есть и недостатки. Некоторые стихи в ней не на уровне возможностей поэта. Назовем их: «В домах Сталинграда», «Мечты и мачты», «Предложение», «Случай в поезде», «Серебристый колорит».

Но в целом новая книга стихов Осипа Колычева производит впечатление новых плодотворных исканий поэта.

С. ФЕДОРОВ

ПОВЕСТЬ

Сергей ВЫСОЦКИЙ

Рисунок И. УШАКОВА.

СМЕРТЬ ТРАНЗИТНОГО ПАССАЖИРА

Буров поднимался и нарочно смотрел только себе под ноги, на желтую от старой хвои тропку, всю оплетенную узловатыми корнями сосен. Буров хотел увидеть деревню сразу, всю. «Или не увидеть,— подумал он.— Или не увидеть ничего, только лес. Молодой лес, заросли никому не нужной ольхи...» Такая мысль овладела Буровым. Он подумал, что это может дать ему облегчение, освободить от проснувшихся вдруг воспоминаний, ненужных, тягостных и навязчивых. «Еще в сорок первом деревня почти вся сгорела,— думал он, спотыкаясь о корни,— а сколько потом здесь было боев... Кому захотелось отстраиваться в такой глуши? Небось, строились ближе к городу. А здесь все заросло, все...»

Буров запыхался и наконец почувствовал, что достиг вершины горки. Он остановился и поднял голову.

Туман рассеялся совсем и только кое-где над рекой еще клубился маленькими островками. Прямо перед Буровым, освещенная ласковым солнцем, лежала большая деревня. Он сначала даже подумал, что ошибся, вышел не туда, но взгляд его остановился на большом, потемневшем от старости и от дождя доме, наполовину упрятанном в липах и цветущей черемухе. Дом стоял на задворках деревни, у проселка, поблескивающего лужами. Это был его дом. Легкий дымок вился над трубой, несколько белых пятен из свежей дранки виднелось на крыше: ее недавно чинили. Буров оглянулся, ища, куда бы присесть. Но присесть было некуда — ни пенька, ни поваленного дерева, только мокрая трава. Он прислонился к сосне и жадно вглядывался в этот старый и такой знакомый дом, в тенистый сад, небольшую полоску вспаханной земли рядом. И сад и поле были пусты. И если бы не струйка дыма, можно было бы подумать, что в доме никого нет.

«Кто же там? Кто? Мать? Отец? Брат Николай?» Буров смотрел и думал о том, кто живет в этом доме, кто топит плиту, кто вспахал эту полоску земли, кто латал крышу, подгоняя друг к другу смолистую дранку и вколачивая в нее длинные тонкие гвозди.

Мать? Но какая же старая она должна быть, его мать, если и он почти старик, тертый жизнью, еще сильный, но старик... Почему старик? Почему он зачислил себя в старики? Ведь ему еще пятьдесят один... Ему рано быть стариком! Рано!

Сколько же сейчас матери? Семьдесят пять? Больше?

Буров поймал себя на мысли о том, что он забыл даже год рождения матери, день ее рождения.

«Если она жива, то ей, наверное, семьдесят пять... Если жива... А отец был на год моложе... Но что отец! Уж его-то наверняка в живых нет. Тюрьма бесследно не проходит. А был бы жив отец, порадовался за сына, за то, что крепко на ноги стал. Он и сам всю жизнь мечтал крепко на земле стоять, справно».

Буров вдруг увидел велосипедиста, едущего по направлению к его дому. Велосипедист ехал не спеша, осторожно объезжая лужи на дороге. Вот он подъехал к калитке, слез с велосипеда... У Бурова захолонуло сердце. Он всматривался до боли в глазах, стараясь определить хотя бы возраст этого человека. Человек вынул из сумки, привязанной к велосипеду, что-то белое и, прислонив велосипед к забору, открыл калитку и пошел к дому.

«Почтальон»,— догадался Буров. Человек подошел к окошку и, видимо, постучал. Окошко растворилось, Бурову показалось даже, что он видел протянутую руку. Почтальон передал газеты в окно. Постоял несколько минут и, вернувшись к велосипеду, поехал дальше.

Буров, оторвавшись от притягивавшего взгляд дома, долго следил за почтальоном, стараясь угадать, к кому еще он заезжал. Но угадать ничего не мог: деревня неузнаваемо изменилась. В том конце, где когда-то была небольшая белая школа и школьный сад, стояли красные кирпичные домики, все как на подбор небольшие, чистенькие, крытые черепицей. Все другие дома были деревянные, крашенные в голубой или какой-то ржавый цвет. На том месте, где стоял скотный двор, высилось двухэтажное здание. «Наверное, школа»,— подумал Буров.

Деревня жила своей обычной жизнью. Маленький трактор тащил по улице прицеп с какими-то ящиками, кое-где в огородах работали люди; мальчишки, сложив в кучу портфели, громко спорили, сгрудившись у реки.

Почтальон ехал от дома к дому, кое-где засовывая газеты в привешенные на калитки ящики, кое-где заходя в дома. Но как ни пытался Буров вспомнить имена земляков, которые жили в этих домах, он ничего вспомнить не мог. Недаром столько лет изгонял он из памяти все, что касалось прошлого.

...Сначала он боялся вопросов. Вопросов о

Окончание. См. «Огонек» №№ 26, 27.

том, как очутился в Париже, почему не возвращается в Россию. Тогда даже эмигранты, словно забыв о том, что их самих привело на чужбину, с презрением относились к своим соотечественникам, служившим у Гитлера. Буров сам видел, как какой-то русский, не то князь, не то граф, плюнул в лицо бывшему власовцу.

Газеты Бурова никогда не интересовали. Не стал читать он и эмигрантские листки.

Первое время, еще не зная толком языка, мыкаясь с жильем, пробавляясь временной работой, Буров постоянно чувствовал по отношению к себе не презрение, нет, скорее всего хорошо скрытое пренебрежение у одних и легкую жалость, подчеркнутую, холодную внимательность у других. А это бесило его. Особенно жалость. Он ненавидел людей, которые хотели помочь ему, хотя не всегда мог позволить себе отказаться от этой помощи. И он старался никому не дать повода ни для пренебрежения, ни для жалости.

Буров упорно учил язык. С детства он не отличался способностями, но был упрям. Упрям и ловок. Крестьянская сметка и общение только с французами позволили ему довольно быстро освоить язык. Но он хотел большего. Он хотел даже думать на французском, даже во сне говорить по-французски.

А эти сны... Как они мучили Бурова первое время, русские сны!

Несколько лет он прожил с одинокой, немолодой уже француженкой, учительницей. Она была некрасива и совсем не нравилась Бурову. Он каждый день с неохотой, почти с отвращением шел после работы в ее маленькую квартирку. Но она учила его произношению, умению держаться в обществе. И это было для него главным. Буров приносил домой жалкие гроши, хотя зарабатывал к тому времени уже неплохо. Неплохо для того, чтобы прилично одеться и два раза в месяц сходить в ресторан. Но он откладывал деньги в банк... Понемногу, но каждый месяц, тайком от своей учительницы...

Учительнице он запретил говорить о его прошлом даже дома, запретил произносить сами слова «русский», «русские», «Россия». А для себя он раз и навсегда решил, что мать и отец его погибли, умерли. И, решив так, старался никогда не вспоминать о них и не вспоминал.

А однажды, когда он почувствовал себя готовым к новой жизни, Буров, уйдя утром на работу, не вернулся больше к своей учительнице. И сделал это без всякого сожаления. Потом была фирма, успешная служба, Мадлен, на которой он женился, сын... И вот он стоит на небольшой, заросшей молодым сосняком горке и смотрит на свою давно забытую деревню, на дом, где он провел детство.

«Какая дикая случайность, какая глупость,— думает Буров.— Зачем я здесь?.. Кому это нужно? Летел бы спокойно в Токио и никогда не вспомнил про эту глухую деревню, затерянную среди лесов... Может, в этом доме и живут-то совсем чужие люди: столько лет прошло. Все погибли, а в доме живут чужие». Эта мысль нравится ему. «Ну, конечно же, это так. Я уеду, и все будет опять по-прежнему, все забудется».

Но тут же он с тоской вспоминает свое подавленное настроение перед отлетом, белую лошадь из детства, которая вдруг примерещилась ему невесть отчего. «Это старческое, старческий бред, только и всего. Но он будет теперь повторяться... От него никуда не уйти. Вот если в этом доме действительно чужие... Если в этом убедиться... Оборвать эту нить из прошлого...» Он осторожно начал спускаться по тропинке к деревне.

Уже недалеко от дома Буров увидел, что из него вышла женщина с сумкой и пошла к деревне. Женщина была совсем молодая, хорошо одетая. «Ну вот,— с удовлетворением подумал он,— так и есть: в доме живут чужие. Кто она, эта женщина? Ни дочерью, ни женой Николая она не может быть. Для одной слишком стара, для другой очень молода». Когда Буров подошел к калитке, то уже совсем успокоился. А вот протянуть руку и толкнуть калитку не мог. Не мог!..

Он постоял минуту, вглядываясь в окна, но никого не увидел. Потом с трудом, словно превозмогая какую-то гигантскую тяжесть, все-таки протянул к калитке руку. Она открывалась так же, как и раньше: надо было просунуть руку между двух досок и приподнять деревянную щеколду. И Буров приподнял.

Он осторожно пошел по узкой, заросшей густой, короткой травой тропке. С одной ее стороны была пашня, с другой — гряды с луком, капустной рассадой. Уже пустили третий листочек огурцы, длинные маки приготовились расцвести. А тропинка была упругая, усеянная по обочине желтыми цветами одуванчиков, большими подорожниками, и Бурова пронзило вдруг ощущение, будто он идет по этой травянистой, сырой от дождя тропинке босиком, как в детстве, легко придавливая траву пятками.

Около самого дома вся осыпанная цветами, словно белый факел, росла черемуха. У крыльца стояла большая старая бочка с водой, чистенький половичок лежал на ступенях. Как тяжелы были эти пять ступеней, как тяжелы! Когда Буров поднялся на крыльцо и постучал в дверь, лицо его покрылось мелкими бисеринками пота, рубашка прилипла к телу...

В доме произошло легкое движение, негромко хлопнула дверь внутри, и вот уже распахнулась дверь на крыльце, и к Бурову вышла маленькая старушка в цветастом фланелевом платье и в таком же цветастом переднике. Буров сразу узнал мать, и словно мороз прикоснулся своими иголками к сердцу, заставил затрепетать его, сжаться.

— Тебе кого, милок?— спросила мать тонким и словно чуть надтреснутым голосом.

Слова застряли у Бурова в горле. Он смотрел на лицо матери, темное не то от солнца, не то от старости, смотрел в бесцветные глаза и не мог выговорить ни слова... Ему не хватало воздуху, нечем было дышать...

— Если ты про дачу, так не сдаем мы, милок, не сдаем...

«Не узнала,— подумал он,— не узнала...»

— У нас тут автобус застрял... За трактором пошли... Я вот попить, молочко, может, у вас найдется,— выговорил наконец Буров.

Мать улыбнулась, прикрыв рукой беззубый рот.

— Ты заходи, заходи, милок... У нас если автобус застрянет, не только молочка попить успеешь. И отобедаешь и отужинаешь... Заходи, заходи.

Она пошла впереди, что-то шепча себе под нос, рукой шаря по стене, открыла дверь в комнату, поджидая Бурова. И по тому, как она шла, шаря рукой по стене, Буров вдруг понял, что она почти ничего не видит. Он вошел вслед за матерью в комнату, темноватую оттого, что герани и китайские розы на окнах заслоняли свет, и невольно подумал о своем доме под Парижем. На один миг...

— Ты, милок, садись, я тебе молочка плесну, попей пока, а то и обедом накормлю. Автобус-то когда вытащат! Молочко, правда, у меня не свое.— Мать прошла на кухню, отделенную от комнаты легкой перегородочкой, и Буров слышал, как она наливает молоко.— Нам со стариком корову-то держать уже невмочь да и незачем. Так вот соседская дочка приносит, Павлова Лидка,— сказала мать, вернувшись с кухни и ставя перед Буровым большую кружку молока.

— Пей, милок. Молоко свеженькое. Лидка утречком занесла. Такая заботливая дивчина... Дай ей бог здоровья.— Мать села, подслеповато щурилась, словно стараясь разглядеть гостя.— У ней, у Лидки-то, сегодня свадьба. И мы со стариком званы, да старик мой обирючил совсем. Чего, говорит, там целый день сидеть. Вечером сходим. Жених свой, деревенский. На учителя выучился. Золото, а не парень. Я как подумаю о них, сердце радуется. Есть, милок, счастье-то на земле, есть...

Буров пил молоко судорожными глотками. Ему было трудно пить от нервного напряжения, но он заставлял себя и пил глоток за глотком.

«Что же это за Павлова? Не Василия ли Павлова дочь? Ну, конечно, чья же еще... Больше Павловых в деревне не было»,— подумал он, и слабость овладела всем его телом. Снова взмокла рубашка. Он чувствовал, как холодные струйки пота бегут по его телу.

«Василия Павлова дочь. Василия Павлова... Васьки Павлова...» Того, который остался в окопе, когда он, Буров, вышел с поднятыми руками навстречу серо-зеленой цепи немецких солдат...

— Ты, видать, городской, милок?— спросила мать.— Командировочный или дачу присматриваешь?

— Командировочный я,— ответил Буров.— Да вот застрял автобус... Наверно, вытащат скоро...

— Вытащут, вытащут,— согласилась мать.— Не скажу, скоро ли, но вытащут. Да ты не суетись. Автобус-то, небось, у Старого гумна сел, в низинке?

— У Старого гумна?— переспросил Буров. Слово «гумно» поставило его в тупик. Оно было знакомо. Даже очень знакомо. Связано с какими-то приятными воспоминаниями из детства. Но Буров никак не мог вспомнить, что оно означало.

— Да, у гумна,— торопливо согласился он.— У гумна...

— Ну так он все одно через деревню пойдет. Туточки рядом, на прогоне, и остановка. Ты и посиди, милок, поговори со старухой, как там в городе у вас жисть. А то я все одна да одна. Старик мой работает, хоть и пенсия ему вышла. Да коли и дома, так все равно слова не услышишь. Совсем в старости бирюком сделался.

Она тяжело вздохнула и задумалась. Руки ее, узловатые, темные, со множеством темных веснушек, шевелились, словно перебирали что-то невидимое для Бурова.

Буров молчал. Он понимал, что его молчание выглядит странно, что надо или сказать что-то, или уходить. Но он не мог сделать ни того, ни другого. Он только смотрел и смотрел на мать не отрываясь, словно хотел навсегда запечатлеть в памяти ее потерянный было образ. «Как она постарела, как она постарела»,— только думал он.

Мать вдруг встрепенулась и спросила:

— А что, верно ли люди говорят, картошка у вас в городе на рынке по двадцать копеек?

— Да,— кивнул Буров,— по двадцать...

— Ишь ты, по двадцать,— сказала она.— Совести у людей нету, такую цену рвать. У нас-то колхоз своим по копейке продает... Да только мы-то все со своей. Говорила старику: чего корячиться, каждую весну садить? Нам ведь ее и всего ничего надо. Так нет — садит, словно у нас семеро по лавкам. Привык в голодное-то время каждый клочок распахивать. Потом вот и раздает соседям на семена. Уж больно хороша у нас картошечка. Такая рассыпчатая, такая рассыпушка..

«Мама!— вдруг захотелось крикнуть Бурову — Мама!»,— гладить ее седую голову, припасть к ее коленям, обнять. Выплакаться. Но он тут же остановил себя. Отогнал эту мысль. «Это значит зачеркнуть все, что я сделал, все, к чему я так стремился, все, чего я достиг! Ради минутного порыва. Нет. Нет и нет».

Мать глянула в окно. Спросила Бурова:

— Времени-то много, милый человек?

Буров посмотрел на часы. Его золотой хронометр показывал час. Он сказал: «час», но тут же спохватился. Это было парижское время.

— Три, три уже, я ошибся.

— Ну вот, и старик сейчас придет, отобедаешь с нами. Мы гостю всегда рады...

Она встала, пошла на кухню.

«Надо уходить, скорее,— подумал Буров.— Сейчас придет отец, и все пропало...» Но подняться не мог и все сидел, глядя, как мать накрывает на стол, осторожно ощупывая его перед тем, как поставить тарелку. Она поставила пять тарелок, пять маленьких граненых стаканчиков, принесла большую миску с винегретом.

— Что, гости будут?— спросил Буров.

— Нет, милок. Мы так всегда накрываем... На двух сынков накрываем...

Она вздохнула и перекрестилась.

— Что, война?— судорожно сглатывая слюну, сказал Буров.

— Война, милок, война проклятая. Один в сорок первом, другой в сорок пятом.

— Небось, и могилы неизвестно где?— спросил Буров и весь напрягся, будто ожидая удара.

— Бог милостив,— ответила мать.— Люди добрые схоронили. И нам отписали. Младший-то совсем недалеко, под Псковом. Я туда каждый год со стариком езжу. А старший-то, Михаил, гораздо далеко,где-то под Пиллау. Мы только в сорок девятом и узнали. Все ждали, не найдется ли. Был он записан без вести пропавшим. Туда, под Пиллау, отец только один раз и ездил. Мне уже не под силу. Слепа я стала, совсем слепа. Почти ничего не вижу. Но отец говорит, могилка в порядке. И там люди присматривают...

Она все ходила в кухню, собирала потихоньку на стол. Речь ее лилась спокойно, доносилась до Бурова будто бы издалека. Он сидел, время от времени обводя комнату отсутствующим взглядом, останавливался на секунду то на одной, то на другой из многочисленных фотографий, развешанных на стенах, узнавал себя в мальчишке с большой кепкой, стоявшем как-то боком рядом с красивой женщиной — его матерью, брата Николая в военной форме.

Потом он встал, прошелся по комнате, стараясь поближе разглядеть фотографии. Они словно воскрешали его прошлое, напоминали о каких-то совсем забытых моментах его жизни, настолько далекой жизни, что сейчас она казалась нереальной.

Вот хотя бы этот снимок, где он с братом и отец, гордо выпятивший грудь, улыбающийся. Из дальних закоулков памяти выплыло воспоминание о том, как приехал отец с военных сборов. Понавез подарков. Бурову привез вот эту большую козырькастую кепку с шишечкой на макушке. И много всяких вкусных гостинцев. Отец Васьки Павлова и сфотографировал их тогда своим «фотокором». У него, у единственного в деревне, был фотоаппарат.

На большом черном комоде, покрытом кружевной салфеткой, тоже стояли фотографии в маленьких деревянных рамках — его и брата Николая — в черных, траурных. Тикал будильник, маленький, изящный, совсем не такой, как был у них до войны. Внимание Бурова привлекла пачка бумаг, лежавшая на комоде. Сверху лежала почетная грамота сельсовета и райисполкома Бурову Тимофею Васильевичу за спасение колхозного имущества... «Грехи перед властями замаливал»,— подумал неприязненно Буров.

Грамот было много. Буров читал и читал их, беря одну за другой, как вдруг до боли знакомое лицо мелькнуло в пачке бумаг. Что это? Ошибка? Трясущимися руками Буров вытащил из пачки тоненький журнал с портретом веснушчатого, с озорными глазами, курносого мальчишки на обложке. Нет, никаких сомнений. Это был журнал «Нойе Берлинер иллюстрирте» за май месяц 1964 года. На третьей странице журнала, он это хорошо помнил и будет помнить всю жизнь, было помещено фото, на котором улыбающийся Буров садился в новый «ситроэн». И подпись: «Французские монополисты не брезгают услугами бывших власовцев». Это был неприятный момент в жизни Бурова. Какой-то прохвост разнюхал кое-что из его биографии, напечатал в «Юманите», «NBJ» перепечатал. Пришлось долго потом улаживать скандал, писать опровержение. И вот здесь...

Трясущимися руками Буров раскрыл журнал. Фотография исчезла. Было видно, что она аккуратно вырезана из журнала. «Значит, знают... Не мать, нет. Отец. И скрывает от нее. Боится, что это ее убьет. Убьет мать... Убьет известие, что ее сын жив». Подавленный, Буров сел, не зная, что делать. Потом услышал, как стукнула калитка, и посмотрел в окно. По тропинке к дому шел кряжистый старик, неся буханку хлеба под мышкой. Отец почти не изменился за эти долгие годы. На Бурова нашла какая-то апатия, он сидел равнодушно и слушал, как отец долго вытирал ноги на крыльце, потом открыл дверь в комнату и охнул глухо, увидев Бурова. Отец хотел что-то сказать, но только нечленораздельный стон вырвался у него из груди. Он прислонился к косяку и закрыл глаза. Бурову показалось, что отец теряет сознание. Но руки его жили. Огромные кисти сошлись на груди, сцепились и хрустнули корявые, темные пальцы. Через мгновение отец справился с собой, вздохнул шумно, словно набрал полные легкие воздуха, открыл глаза и шагнул в комнату.

Мать вышла из кухни. Сказала:

— У нас, отец, гость... Автобус у него застрял у Старого гумна. Вот ироды, никак дорогу починить не могут.

Буров проговорил тихо:

— Да вот зашел молочка попить... Но пора уже.

Посмотрел в глаза отцу. Они были совсем белые, ненавидящие, недобрые. Буров увидел, как на скулах у отца ходят желваки, как бросил он быстрый взгляд на мать, словно хотел убедиться, знает ли она... Не сказал — выдавил:

— Здравствуйте.— И вышел на кухню.

Буров вскочил, чувствуя слабость в ногах. Сказал:

— Спасибо за молоко. Пойду я...

— Что же ты, милок, от обеда-то бежишь? — удивилась мать.— Калявочку бы со стариком распили. Я вон все приготовила...

Отец появился в дверях кухни, большой, кряжистый.

— Не неволь, мать,— сказал он твердо.— У гостя своя дорога.

— Так ведь автобус-то...,— начала было мать, но отец, ласково взяв ее за плечо, придержал, словно боялся, что она подойдет близко к Бурову, и повторил:

— Своя дорога у гостя, не неволь.

Буров увидел, что в глазах у него уже не было ненависти, только презрение.

Буров понял, что он вычеркнут здесь из списков живых. Вычеркнут из сердца. Что он не нужен никому и никогда не будет нужен. А они ему нужны. Он вдруг понял это. Они ему необходимы. Он столько времени жил без них. А прожить всю жизнь не сможет. Без живых или мертвых, без памяти о них он не сможет. Человек не может без прошлого. Это тень, а не человек. Это противоестественно — без прошлого. Без роду, без племени...

Ему был нужен этот старый дом среди цветущей черемухи, эта тропинка вдоль пашни, эта тихая речка, утонувшая в садах деревня!

Буров медленно шел по дороге, не глядя под ноги, ступал машинально, не сознавая, куда и зачем он идет. Ему вдруг представилось, что он долгие годы играл в какой-то большой пьесе среди ярких, красивых декораций, в толпе актеров и статистов. Но вот спектакль кончился. Равнодушные ко всему рабочие сцены унесли бутафорию, костюмеры забрали и его костюм. Разошлись актеры. И только он один остался на большой сцене, совсем голый и незащищенный. Один, которому некуда было идти. Человек, отказавшийся от своего прошлого и потерявший будущее.

— Эй, дядя! — вдруг крикнули у Бурова прямо над ухом.— Ты что ходишь, будто неприкаянный?

Буров вздрогнул. Две молодые женщины подхватили его под руки и улыбались, глядя на его испуганное лицо. Они были нарядно одеты, с разрумяненными лицами. Чувствовалось, что женщины где-то гуляли и вот-вот выскочили из-за стола.

— С похмелья, что ли? — смеясь, спросила одна, заглядывая Бурову в глаза и слегка прижимаясь к нему. Глаза у нее были черные, быстрые, чуточку плутоватые.— Пойдем опохмеляться. Мы тебя, дядя, быстро вылечим.

Гляди, Верка, у нас на свадьбе мужиков не хватает, а по улице вон какие гладенькие женишки выгуливаются! — сказала она подруге.

Верка засмеялась громко.

— Пойдем, миленький, на свадьбе попляшем,— потянула она Бурова за рукав.

Они стояли напротив красивого, из белого кирпича сложенного дома. Из открытых окон неслась веселая музыка, нестройный гул голосов. Калитка в сад была распахнута.

— Нет, что вы, девушки, я не могу...— Буров попытался высвободиться, но женщины держали его крепко.— Мне уезжать нужно. И притом срочно.

— Не выйдет,— с пьяным упрямством сказала Вера,— нам танцевать не с кем, а вы тут без дела разгуливаете. Да если хотите знать, сейчас вы и не уедете никуда! Хоть лопните. По расписанию ни одного автобуса нет. Вы, небось, дачу ищете? Так мы вам такую найдем, что закачаетесь! И хозяйка молодая, одинокая.

Они снова захохотали и потащили Бурова к калитке.

— Девушки, да ведь я серьезно не могу,— упрямился Буров.— И танцевать я не умею. Как же так можно, взять и вести человека насильно? Я же все равно буду вынужден уйти!

Но женщины только смеялись и, крепко прижавшись к нему, цепко держа за руки, тащили Бурова к крыльцу. Он чувствовал, какие сильные у них руки, упругие, разгоряченные тела.

На крыльце Вера шепнула ему, чуть склонившись к уху:

— Да не укушу я тебя... Выпьешь стопочку, посидишь рядком. И на автобус проводим...

Буров почувствовал, что ему сейчас не вырваться... «Ну и попался,— думал он.— Сейчас пить заставят. Выпью рюмку, извинюсь и уйду. Скорее, скорее. Прочь... Только бы никто не узнал. Да они там все пьяные...»

Дверь из сеней в комнату была открыта. Буров остановился.

— Передохнуть хоть дайте,— сказал подругам. А сам с тревогой посмотрел в комнату. Там дым стоял коромыслом. Пахло водкой, пирогами, и все перебивал устоявшийся табачный чад. За огромным столом сидели гости — в основном все молодежь. Чувствовалось, что сидят уже давно, некоторые стулья были пусты.

— Женишка поймали! — крикнула Вера, когда они вошли в комнату.— Чарочку товарищу дачнику!

В комнате поднялся галдеж.

— Штрафной ему, штрафной! Нашей самородной!

— За вновь прибывших! — провозгласил кто-то.

Высокий краснолицый парень подскочил к Бурову со стаканом и с большим графином в руках. Стал наливать. Руки у него были нетвердые, графин дергался. Он лил водку прямо на пол. Буров почувствовал острый сивушный запах. «Наверное, самогон»,— подумал он и отвел глаза от стакана.

Прямо перед ним сидели молодые. Буров не разглядел жениха. Невеста приковала все его внимание. Было ей года двадцать два, не больше. Тоненькая, нежная, она приветливо смотрела на Бурова большими улыбчивыми глазами. Фата лежала на красиво уложенных русых волосах. Лоб у нее был большой, чистый, совсем не женский. Такой лоб мог быть у дочери Василия Павлова...

Парень, наконец, налил полный стакан и протянул его Бурову.

— Штрафной, штрафной! — опять закричали все.

Буров через силу улыбнулся, со страхом ощупывая лица сидящих за столом, лихорадочно соображая, может ли быть здесь сам Василий. «Он же убит, я же сам видел...»

— Ну, дяденька, давай! — качаясь и разливая самогон, понукал парень.

— Да что вы! — ненатурально бодро выкрикнул вдруг Буров.— Я же непьющий, окосею сразу. Помилуйте...

Но все закричали протестующе, и Буров, подняв руки вверх, сказал:

— Сдаюсь!

Сзади грохнуло, зазвенели осколки битого стекла, кто-то огорченно закричал дурашливым голосом: — Ну, Василий Кузьмич! Плакал наш квасок.

Буров, холодея, оглянулся и встретился взглядом с ненавидящими глазами Павлова... Он метнулся к двери, выскочил на улицу и, не разбирая дороги, побежал прочь, желая только одного — уйти от этих глаз, от этих ненавидящих, непрощающих глаз... «Он убьет меня... убьет...» — Одна только мысль владела им.— Он убьет...»

Через некоторое время Буров словно бы очнулся и заметил, что стоит в лесу, на заросшей густой травой дороге. Сквозь траву кое-где еще проглядывали булыжники, кусты по канавам так разрослись, что иногда образовывали сплошную крышу. Видно было, что по дороге очень давно не ездили. Буров шел теперь совсем равнодушный, будто отрешенный от жизни. Тупая тоска овладела им. И равнодушие ко всему.

— Эй, голова два уха! — услышал он неожиданно веселый тенорок.

Буров вздрогнул, испуганно обернулся. Рядом с ним стоял вышедший из лесу старик в сером ватнике с огромным букетом черемухи.

— Куда топаешь, иль на танцы?

Лицо у деда было живое, подвижное. Смешинка в глазах. Он улыбался, глядя на Бурова. На голове у деда была надета почти новенькая генеральская фуражка с золотой кокардой.

— Да я так...— сказал медленно Буров.— Иду себе...— Он не нашелся, что еще сказать, и только повторил: — Иду себе...

— Идешь себе,— усмехнулся старик.— Сразу видать, дачник. Так ты далеко уйдешь...

Он снял осторожно свою фуражку и вытер платком веснушчатую, совершенно лысую голову. Кивнул на фуражку:

— Сын новую сшил — эту прислал. И форму всю. Да перешивать надо. В нее два таких, как я, влезет. Вот вымахал!

— А эта дорога куда? — зло спросил Буров.

— Да никуда...— ответил старик, хотел прибавить что-то веселое, но осекся, взглянув на Бурова. Глаза этого человека поразили старика. Они были мертвы. Застыли совсем...

— ...Никуда не ведет дорога,— повторил он испуганно.— Вон за кустами топи начинаются. «Чертовы». А за ними шоссе к городу. Но туда и заяц не проскочит. Дорогу немцы во время войны строили. И понастроили — вперлись в болото. Один большой инженер специально их надоумил. Русский. Пленный. Они его тут и порешили.

Старик показал на холмик с обелиском, постоял с минуту, не зная, чего еще сказать этому странному человеку, и зашагал прочь. Буров дождался, когда старик скрылся за поворотом дороги, и шагнул в лес...

— А я подумал, вы попросили русское подданство,— усмехнулся Жевен, когда Буров, усталый, продрогший, появился в зале ожидания.

Буров только безнадежно махнул рукой. Он был уже не в состоянии огрызаться.

— Русские накормили нас прекрасным обедом. С коньяком...— Жевен взял Бурова под руку.— Объявили, что через тридцать минут мы летим. Времени как раз хватит, чтобы выпить еще по коньяку. Я уже начал спускать свою валюту... И где вы пропадали, мсье? Так долго. Как вам удалось отсюда выбраться? Наверное, успели осмотреть город?

Он болтал без умолку. Буров почувствовал, что Жевен уже изрядно выпил. Подумал: «Он просто боится снова сесть в самолет...»

Чернявая буфетчица встретила Жевена как старого знакомого.

— Мсье, дубль?

— Конечно, милая! И моему коллеге...

— Налейте мне сразу бокал,— тихо сказал Буров.

— О! В вас просыпается русская душа! — воскликнул Жевен, но Буров посмотрел на него с такой тоской, что Жевен смолк, недоумевая.

Буфетчица подала Бурову фужер с коньяком, взглянула участливо, словно хотела понять, что произошло с этим респектабельным, подтянутым французом. «Хорош же у меня вид,— подумал Буров,— если даже эта девчонка смотрит на меня с жалостью». Напрягаясь из последних сил, боясь разрыдаться, Буров улыбнулся буфетчице. Поднял фужер. Поклонился ей. Буфетчица тоже улыбнулась Бурову. Улыбка у нее была добрая, приветливая...

В это время по радио объявили посадку на самолет. Буров залпом выпил коньяк, поставил фужер на стойку. Сказал: «Прощайте, милая». Буфетчица хотела что-то сказать, да, видать, застеснялась... Только кивнула. Жевен расплатился, и они пошли, не оглядываясь, к выходу.

В самолете Буров наконец согрелся. Тепло расползлось по всему телу. На душе стало легко и покойно. И все, что произошло с ним за последние двенадцать часов, уже казалось чем-то далеким и ненастоящим. Совсем ненастоящим. Неясным. Словно скрылось за дождем и туманом. Буров только не переставал удивляться самому себе: «Ну надо же. Вот так фортель выкинул. Зачем? Для чего? Как мальчишка. Хорошо, что в историю не влип. Удачлив я стал. А ведь Васька и застрелить меня мог... Хорошо еще и то, что автобус вовремя подвернулся». Он думал так, умиротворяясь все больше и больше, пока наконец не задремал.

...В Москве было совсем мало времени для пересадки, но Буров с Жевеном все же успели выпить дубль.

Лететь было удобно. И Жевен и Буров имели спальные места. Буров сразу же уснул. Но часа через два, среди ночи, проснулся. Наверное, оттого, что в самолете было душновато...

Приглушенно гудели моторы, вздрагивало тело самолета. Серый холодный рассвет брезжил уже в иллюминаторе. Бурову вдруг стало безотчетно тоскливо. Даже жутко. Хотелось закричать, позвать кого-нибудь. Убедиться, что рядом живые люди. Говорить с ними. Что-то объяснить им, что-то доказать... Что? Буров не знал. Ему было просто очень плохо. Горько. Горько и мерзко на душе.

Он хотел пересилить себя. Отвлечься. Сосредоточить свои мысли на чем-то приятном: думать о предстоящем успехе, о возвращении в Париж, о своем уютном доме, о той девчонке с родинкой... Но все это выглядело сейчас пустым, никчемным, ненужным... Лицо матери стояло у Бурова перед глазами. Смиренное, успокоенное. Мудрое какой-то ей одной открывшейся, горькой мудростью... «Ну что же я, ну что? Ведь вольная птица, весь мир передо мной»,— думал Буров. Но мысли его были прикованы только к маленькому клочку земли, к маленькой деревеньке под названием Бересть. И ничего поделать он с собой не мог. Буров уже не смог сдерживаться. Рыдания прорвались из его груди. Он закусил угол подушки, стараясь пересилить себя. Но не смог. И плакал. Плакал, не стыдясь, что кто-то может его услышать.

...В Париж Буров возвращался через Сайгон и Дели. От Японии у него остались смутные воспоминания. Он был все время словно в бреду. Не мог ни на чем сосредоточиться. Он все время чувствовал в сердце какую-то тревогу. Спешил. Спешил все закончить, спешил взять билет на самолет, спешил лететь. Он и сам не отдавал себе отчета, почему так спешил. Но ему надо было скорее быть дома. В Париже он спешил...

Самолет приземлился в Орли вечером, и лишь в полночь Буров остановился перед дверью своего дома. Повернул ключ в замке, зажег свет. Дома стояла тишина. Бурову она показалась настороженной и недоброй. Он снял плащ, бросил его на диван. По привычке надел мягкие туфли. Медленно прошелся по комнатам, зажигая свет. В комнатах было зябко и пустынно. «Как я жил здесь один? — подумал Буров.— Один изо дня в день...»

Он сел за письменный стол. Прямо перед ним, за окном, была ночь. Косой дождь хлестал по стеклу. Спешить больше было некуда. Но тревога в сердце осталась. И тогда Буров вдруг понял, почему он спешил и откуда была эта выматывающая душу тревога. Ему надо было остаться наедине с самим собой... И все решить. И Буров решил. Он достал из стола стопку белой бумаги. Положил перед собой. Взял в руки перо и задумался. Картины пережитого воочию вставали перед ним...

Желтая от старой хвои, оплетенная узловатыми корнями сосны тропка была у него под ногами. Вот он остановился и поднял голову. Освещенная ласковым солнцем, лежала перед Буровым большая деревня и потемневший от старости и дождей, упрятанный в липах и цветущей черемухе дом.

Буров снова шаг за шагом повторял недавно пройденный путь...

Несколько раз он брался было за перо, но вывел только одну фразу в верхнем правом углу листа: «Послу Союза Советских Социалистических Республик» — и снова откладывал его. Сидел, ссутулившись, не мигая глядя в окно, где сквозь пелену дождя начинал продираться рассвет.

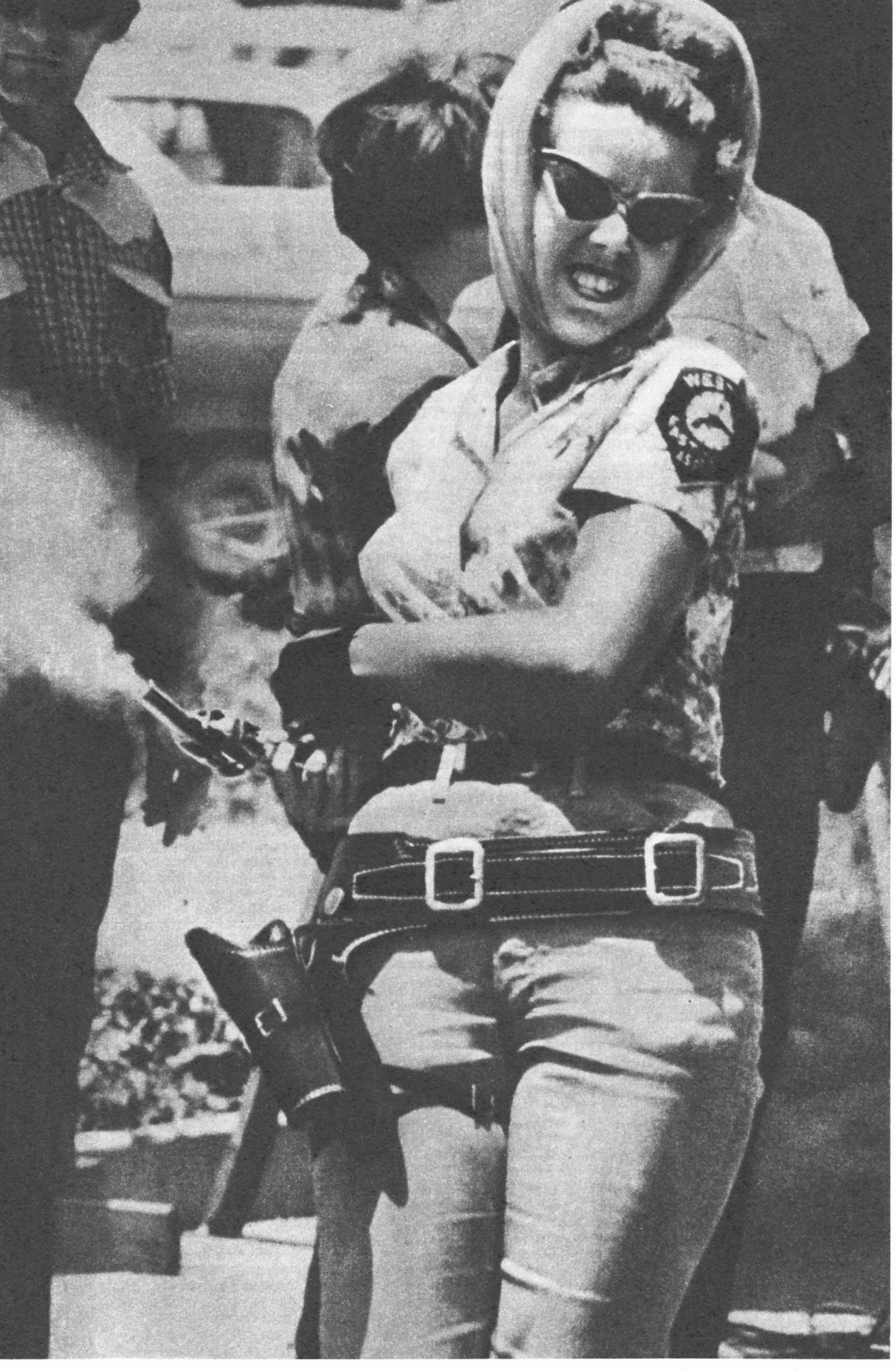
Презрительные, непрощающие глаза отца смотрели на Бурова. Непрощающие. И все остальное теряло смысл. И рука не в силах была водить пером по бумаге. И ничего нельзя было вернуть. Ничего.

Буров достал из стола маленький пистолет, похожий скорее на зажигалку, чем на оружие. Встал. Огляделся, словно что-то искал. Ему вдруг невыносимо противно стало в этой комнате. Он открыл дверь в сад. Уже совсем рассвело. Буров быстро вышел из дому, вздохнул полной грудью. Раздался негромкий, сухой выстрел.

Буров упал лицом в траву. Трава была мокрая от дождя. Она пахла чем-то невыносимо знакомым, какими-то цветами, название которых уже не смогла подсказать Бурову его слабеющая память.

В первый момент ему было даже не больно — только слабость. «Всю жизнь я делал только ошибки,— мелькнула у Бурова мысль,— всю жизнь, но только не сейчас...» Но он увидел вдруг родной дом и белую лошадь у крыльца... «Мама»,— хотел он позвать, но уже не смог.

Нестерпимая боль ожгла ему грудь. Буров застонал, пальцы его вцепились в траву, словно хотели захватить горсть этой, так знакомо пахнущей, но чужой земли и уже не смогли...

Бизнес на смерти процветает, а вместе с ним и повальное безумство.

Дети рано узнают, что человеческая жизнь ничего не стоит.

Мы перепечатываем с незначительными сокращениями репортаж западногерманского журналиста РОЛЬФА ВИНТЕРА, который недавно был опубликован в журнале «Штерн».

КАЖДЫЙ ГОД В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ УБИВАЮТ 20 000 ЧЕЛОВЕК. КАЖДУЮ МИНУТУ СОВЕРШАЕТСЯ ПРЕСТУПЛЕНИЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ НАСИЛИЯ, КАЖДЫЕ ДВЕ С ПОЛОВИНОЙ МИНУТЫ — ОГРАБЛЕНИЕ. КОЛИЧЕСТВО ПРЕСТУПЛЕНИЙ РАСТЕТ.

ПО СЛЕДАМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Вашингтон, столица Соединенных Штатов, шесть часов вечера. Учреждения закрыты, многие магазины тоже, улицы и проспекты полны народа, поток машин выливается в пригороды, медленно умирает город, в котором, кроме президента, нравится жить только тем, кто не в состоянии купить себе домик за его пределами. Восьмисоттысячный город, резиденция правительства, как ни один другой город мира, стал ареной разбушевавшейся преступности: 31 убийство в месяц, 1 163 ограбления, 2 246 краж со взломом, 1 000 угонов автомашин.

«В столице,— говорил мне на пути из аэропорта в гостиницу таксист,— жить стало невозможно, это сущая правда». Потом он остановился возле почтового ящика и опустил в него конверт. «Как только я наберу десять долларов,— сказал он,— я посылаю их домой. На меня уже три раза нападали».

В семь часов меня ожидает сержант Кин из четвертого полицейского участка. С ним я проведу ночь в его патрульном автомобиле номер 124. Он достает винтовку, заряжает ее, ставит на предохранитель, кладет ее под крышу машины, прямо над нашими головами, сообщает по радио о нашем выезде, и тогда в машине раздается голос центрального командного пункта, который уже не смолкает: кража на Коннектикут-авеню, перестрелка на 16-й улице, вооруженное нападение в университете, кража на Парк Роуд. Кража со взломом недалеко от госпиталя имени Уолтера Рида, попытка изнасилования в парке, подозрительные личности на Колорадо-авеню. И наконец—«124», «124» — стрельба на 14-й улице в районе бензоколонки «Эссо».

На заправочной станции лежит жертва — негр по имени Эрл Грир. Дыра в животе, стеклянные глаза, много крови, которая смешивается с переливающимся всеми цветами радуги автомобильным маслом.

АМЕРИКА—СТРА

— Грир стрелял первым,— говорит служащий бензоколонки.

— А потом? — спрашивает сержант Кин.

— Потом я выстрелил в ответ. Но лучше, чем он.

— У вас всегда при себе оружие?

— Слушайте,— улыбается тот,— вы что, издеваетесь надо мной? Конечно, хлопушка всегда при мне.

Подъезжает машина «Скорой помощи», служащего бензоколонки допрашивают, вызывают комиссию по расследованию убийств, поскольку Эрл Грир вряд ли выживет. «Больше нам здесь, собственно говоря, делать нечего»,— заявляет сержант Кин.

Мы вновь садимся в патрульную машину 124, и Кин продолжает нашу беседу с того места, где он вынужден был ее прервать: его интересует вопрос, покупать ли ему «мерседес» или лучше «шевроле». Ни слова об Эрле Грире, ни слова о выстрелах перед автозаправочной станцией — он давно уже привык к смерти, которая всегда близко.

Ограбление на Калорама-стрит. Старая женщина, негритянка, одинокая. Она дрожит. К ней вломились трое с пистолетами: «Деньги на стол, все деньги»,— это произошло мгновенно. Но описать преступников старуха не хочет, она боится их мести.

— Полиция не пользуется доверием,— говорю я.

— В том-то и фокус,— говорит Кин,— каждый знает, что в конце концов не мы, а преступники властвуют в городе.

Много крови за одну ночь, много страха, пережитого жертвами, привычное безразличие полицейских. «Ведь мы просто регистрируем преступления,— говорит Кин.— А что нам остается делать?»

БЫТЬ УЧИТЕЛЕМ — ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ

Он рассказывает мне о самозащите жителей Вайоминг-авеню: после двух лет уличного террора запуганные граждане установили на крышах своих домов 60 прожекторов, превратили таким образом ночь в день и прогнали гангстеров. Он рассказывает мне о больших многоквартирных домах, в которых с помощью огромных затрат и новейших достижений техники с центрального пункта ведется наблюдение за всеми посетителями. И он рассказывает мне о кафедральном соборе, находящемся на расстоянии пяти домов от Белого дома, в котором вместе с прихожанами постоянно молится вооруженный полицейский, потому что они боятся за церковную кассу.

Сержант Кин показывает мне несколько магазинов, которые пришлось закрыть навсегда — на них нападали так часто, что страховые компании уже не хотели нести расходы. Он показывает мне дом, в котором недавно один парень забаррикадировался и убил четырех человек. Он показывает мне склад, в котором вчера произошло убийство.

— Нет ни одной улицы, на которой ничего бы не случалось,— говорит Кин.— А ведь это средний участок. Есть и похуже. Позор! Столица называется.

Утром подводят итоги: одно убийство, две попытки убийства, 34 крупных ограбления, десятки краж со взломом, стрельба, нападения на улице.

— Что случилось с Вашингтоном? — спрашиваю я сержанта.

— Что с Вашингтоном случилось? — переспрашивает он.— То же, что и со всей страной. Слишком много насилия. Слишком много оружия в руках у многих. Порядок катится в тартарары. Дела идут все хуже.

Не только в Вашингтоне порядок трещит по швам. Мартин Могенсен, 46 лет, ректор средней школы в Тома (штат Висконсин), уже не сможет это подтвердить. Недавно он собрал после окончания уроков свои вещи, попрощался с несколькими учителями, крикнул управляющему дружеское «хэлло», хотел идти и тут же погиб. Два выстрела прямо в сердце. Стрелял ученик. Четырнадцати лет.

Учитель одной средней школы в Нью-Йорке даже не успел сообразить, почему три школьника встали из-за парт и пошли к нему: его уже охватили языки пламени. Дети облили его бензином и подожгли. Нью-Йоркские школьные власти с сожалением констатировали, что в городе это было четырнадцатое угрожающее жизни нападение учеников на учителей в течение трех недель.

В Вашингтоне двенадцатилетний ученик ловко запустил кинжал в горло своему учителю. В Брэндивайне (штат Мэриленд) ученик ударил учителя ножом в шею. А в Нью-Йорке полиция арестовала пятерых преступников, которые сначала ограбили, а потом убили старика портье. Досталось им примерно 60 центов. Убийцам было от 12 до 15 лет.

В городе Ист Сан-Луис (штат Иллинойс) трое из четырех учителей признались своему школьному советнику Чарльзу Мерриттсу, что они уже давно из страха перед учениками приносят на занятия не только учебные пособия, но и оружие.

— Кто же может на них за это обижаться? — спросил советник.

Никто. Ведь в Чикаго ежегодно более тысячи школьников нападают на своих учителей. В Филадельфии каждый год больше ста учителей обращаются за медицинской помощью, потому что их ударили кулаком или ножом или даже в них стреляли ученики. А в Сан-Франциско ежегодно почти двести учителей расплачиваются сломанными костями или выбитыми зубами за доброе намерение научить детей не только алфавиту и таблице умножения, но и дисциплине.

Вандализм американских школьников приносит — по осторожным подсчетам — ежегодный убыток в 100 миллионов долларов. Миллионные убытки возникают и в поездах, в которых ученики едут в свои школы. И кривая убытков ползет вверх.

И почему бы ей не расти? То, что насилие так же неотделимо от Америки, как яблочный пирог, что стрельба, драки, поножовщина и убийства — нормальное явление, дети узнают, еще не научившись толком говорить. А то, что «человеческая жизнь в этой стране очень дешевая», как сказала бывший посол США Патриция Хэррис, «дети узнают ежедневно по телевидению».

Через месяц после убийства Роберта Кеннеди, когда США, как предполагали, приготовились покончить с насилием, когда везде проповедовались братство и доброта и даже телевизионные студии решили не показывать слишком страшных фильмов, дети в Лос-Анджелесе смогли за одну неделю увидеть по телевидению 425 убийств, 390 попыток убийства, сотни других преступлений, 20 телечасов войны и еще 30 часов разного рода насилий.

Д-р Герберт Отто, социолог, озабоченный взаимосвязью между насилием по телевидению и насилием в американской действительности, к собственному ужасу, обнаружил, «что средний американский ребенок в возрасте от 6 до 15 лет видит, как уничтожаются примерно 13 тысяч человеческих жизней».

Обучение насилию так распространено, что д-р Альфред Блюмштайн, секретарь назначенной президентом комиссии для изучения проблем преступности в стране, считает, что в Америке растет поколение влюбленных в насилие нарушителей закона.

ПОВАЛЬНОЕ БЕЗУМИЕ

В 1969 году в стране было совершено около 5 миллионов преступлений. С начала века в Америке было убито 800 тысяч человек — на 250 тысяч больше, чем эта страна потеряла во всех войнах начиная с Гражданской войны. Ежегодно 20 тысяч американцев умирают насильственной смертью, ежегодно более чем 100 тысячам американцев «штопают» огнестрельные или ножевые раны.

Торговцы оружием рады. Сегодня в американских частных домах хранится 100 миллионов единиц огнестрельного оружия: по одной на двух жителей страны. Каждый год этот арсенал увеличивается на три миллиона винтовок и пистолетов. Бизнес на смерти процветает, а вместе с ним и повальное безумство. По подсчетам специалистов, в стране ежегодно около пяти тысяч человек умирают из-за оплошности: кто-то по ошибке принял кого-то за взломщика, кто-то случайно нажал на спусковой крючок, или просто дети играли...

...Лучше всех с кольтом обращается Джим. Джим — это древоподобный мужчина в вестерновской амуниции, под широкополой шляпой, и, когда он ловко орудует своей винтовкой, удивлению нет конца. И все-таки Джиму приходится три раза в день сначала дать себя избить, а потом еще и пристрелить.

Это театрализованное представление происходит в Таксоне (штат Аризона): перед декорациями киногорода на глазах у восторженных туристов Джим вытаскивает свой кольт, и вытаскивает он его очень быстро, но другой актер делает это чуть-чуть быстрее, и тогда раздается хлопок, с диким воплем Джим хватает себя за грудь, падая, делает оборот вокруг своей оси, выкрикивает последнее проклятие, валится, наконец, в дорожную пыль и протягивает ноги.

«Вот это да!» — кричит маленький мальчик, который вместе со своими родителями стоит рядом со мной. И еще раз: «Вот это да! Вот так ухлопал!»

Но Джим не последний мертвец, боже упаси. Ибо в тот момент, когда он, тяжело сопя, тыкается носом в грязь, остальные актеры начинают драться, стрелять и умирать в полную силу. Огонь ведется с крыш и из окон, темные личности прыгают на плечи своим противникам. Адская машина завертелась, смерть наступает так быстро, что зрителям уже трудно следить за происходящим, и маленький мальчик рядом со мной беспрерывно кричит: «Давай же! Вон еще один! Он еще живой!»

Но нескольким все-таки суждено остаться в живых. Они надменно продувают дымящиеся дула своих кольтов, перешагивают, широко расставляя ноги, через трупы, отвязывают своих лошадей, садятся и скачут галопом прочь. Аплодисменты, пронзительный свист в знак одобрения, довольные туристы убирают свои киноаппараты, а дети теперь, со своей стороны, начинают громко стрелять и умирать. Джим, который вновь ожил, отряхивает грязь с джинсов и закуривает сигарету.

Он улыбается: «Ну, как мы вам понравились?»

«Очень мертвые, очень впечатляющие».

«Людям это нравится,— говорит он и сплевывает, как настоящий герой вестерна.— Они с ума сходят по таким вещам».

«Интересно, почему?»

«Я не знаю,— говорит Джим и вновь теребит свой кольт.— Хотят этого, и все тут. Им никогда не бывает достаточно страшно. А вообще это то, что надо. Особенно для детей».

Это верно. Публика — несколько сот каждый день — не хочет расходиться, так ее это зрелище захватило. Дети упрашивают давно уже согласившихся родителей остаться до следующего представления, а потом несколько радостных детей в шутку... «убивают» своих родителей.

Они едут полюбоваться на насилие не только в Таксон, но и в Томбстоун, где занимался рукоприкладством гангстер-шериф Уайетт Ирп и где сегодня куклы, изображающие покойников, свидетельствуют о его деятельности и где туристы получают истинное удовольствие от посещения кладбища, где на могильных камнях можно увидеть, например, такие надписи: «Здесь покоится Билли Смит. Повешен по ошибке».

Или они паломничают в Раунд Рок в Техасе, где бушевал бандит Сэм Бэсс. Паломники там почитают этого давно уже мертвого преступника, что постепенно растащили по кусочкам на память все его надгробие. Или они путешествуют в места, где действовали такие «прославленные» гангстеры, как Бэч Кассиди, Билли Малыш или Бэт Мастерсон. «Поскольку,— сказал мне в Таксоне один добрый отец,— надо показать все это своим сыновьям, они ведь были отличные парни, черт побери. И потом это хорошая американская традиция».

Бенджамин Грин думает об этих традициях иначе. Грин не может больше смеяться над насилием, поскольку он жил по ту сторону насилия.

Это маленький, тщедушный мужчина 60 лет. Двадцать лет он торговал на нью-йоркской Лексингтон-авеню золотом и серебром. Небольшой магазинчик, никаких особенных ценностей, никакой возможности сколотить большое состояние, но на жизнь хватало.

Пять лет назад на его маленький магазин впервые напали. А потом еще раз. И еще. В прошлом году, после восьмого ограбления, его страховая компания отказалась платить. «И вот,— говорит Грин,— я беден, как вначале. Пора кончать».

Он тоскливо раскладывает на прилавке несколько оставшихся вещей, поддельные камни, немного золота, несколько дешевых камешков. «Если бы я только знал,— говорит он,— что мне делать дальше». Вдруг он горько улыбается и произносит: «Как огорчатся, наверное, бандиты, когда увидят, что я закрываю магазин».

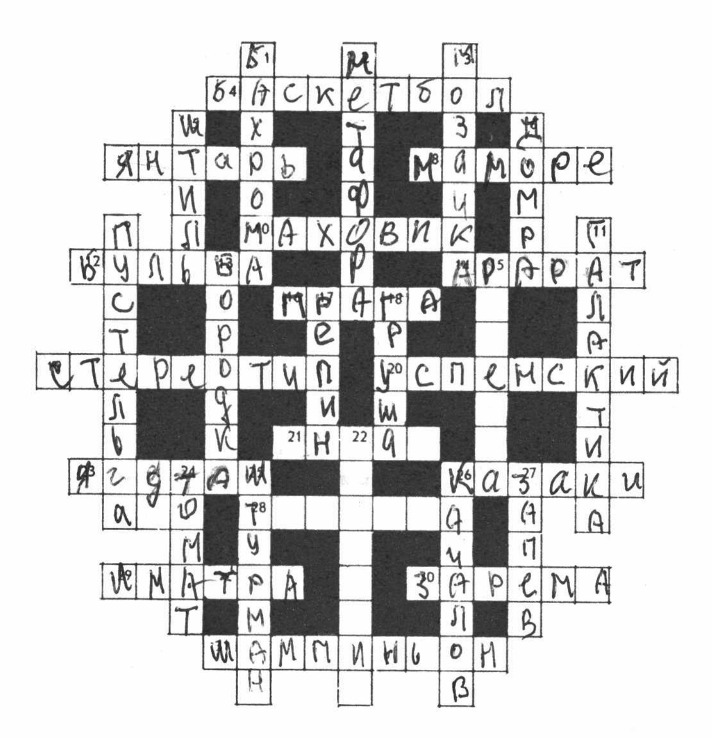
Возможно... Однако, по всей вероятности, их ждет тогда успех в другом месте. Поскольку в Америке гангстеры, отправляясь на дело, могут быть уверены, что преступление себя оправдает: каждую минуту в Америке совершается преступление с применением насилия, каждые две с половиной минуты ограбление, каждые девятнадцать минут изнасилование — перед подобной статистикой сержант Кин из Вашингтона и его коллеги по всей стране давно уже капитулировали. Преступный мир снимает урожай.

Перевод с немецкого Л. КАРИНА.

Каждые 16,3 минуты на экранах телевизора показывают трупы. Полки универмагов полны журналов, восхваляющих культ винтовки.

НА НАСИЛИЯ

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Спортивная игра. 7. Ископаемая смола хвойных растений. 8. Река в Боливии и Бразилии, в предгорьях Анд. 10. Колесо с массивным ободом, установленное на валу машины. 12. Белорусская народная девичья песня с пляской. 14. Потухший вулкан в Армении. 16. Столица социалистического государства. 19. Копия типографского набора. 20. Русский писатель. 21. Сплав железа с никелем. 23. Охотничья сумка. 26. Повесть Л. Н. Толстого. 28. Форма движения материи. 29. Водопад в Финляндии. 30. Действующее лицо балета Б. В. Асафьева «Бахчисарайский фонтан». 31. Гриб.

По вертикали: 1. Тесьма для украшения одежды, портьер. 2. Образное выражение понятий. 3. Изображение из цветных камней. 5. Затишье, безветрие. 6. Щипковый инструмент. 9. Хищная птица. 11. Звездная система. 13. Выступ на ключе. 15. Порт в ОАР. 17. Автор картины «Бурлаки на Волге». 18. Плодовое дерево. 22. Озеро в Венесуэле. 24. Помидор. 25. Специалист по вождению морских и воздушных кораблей. 26. Актер МХАТа, народный артист СССР. 27. Начало хоровой песни.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

По горизонтали: 4. Станиславский. 7. Ежевика. 9. Аксиома. 11. Тенор. 13. Горелки. 14. Область. 17. Галоп. 19. Строп. 20. Ротор. 21. Пеликан. 23. Мегафон. 24. Веста. 25. Бергамот. 27. Солонгой. 28. Воскресенье.

По вертикали: 1. Анкара. 2. Глоксиния. 3. Основа. 5. Кемерово. 6. Аэростат. 8. Коломбина. 10. Килограмм. 11. Тимирязев. 12. Рокировка. 15. Манчестер. 16. «Подросток». 18. Пунктуация. 19. «Снегурочка». 22. Кустодиев. 26. Триест. 27. Сирена.

На первой странице обложки: Народная артистка Таджикской ССР Малика Сабирова — лауреат премии Ленинского комсомола.

Фото А. Награльяна.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. И. ШУМАНА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото—253-39-04; Оформления—253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 23/VI-70 г. А 00406. Подп. к печ. 8/VII-70 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1371. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 1725.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ПРО ФИЛЬКУ И МАШКУ

М. ЛАВРИК

Фото Г. КОПОСОВА.

Однажды начальник станции «Северный полюс», летавший на вертолете к соседям (за шестьсот километров) на остров Жохова, вернулся с подарком. Маленькие, пушистые, похожие на больших белых ежиков, из мешка выкатились медвежата. Радости полярников, как говорится, не было предела.

Росли Филя с Марьей не по дням, а по часам. Еще бы! Повар Валя каждый день через самодельные соски вливал в них по десять литров теплого сладкого молока. Подросли маленькие обжоры и стали есть все, что под лапу подвернется. Стоит показаться повару или дежурному по камбузу с ведром в руке, Филька с Машкой галопом к нему, только мелькают круглые, как тарелочки, подошвы...

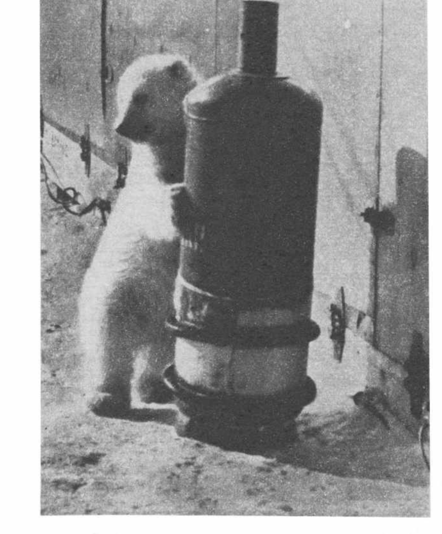
Чтобы собаки не обижали малышей, их с первого дня взял под свою опеку вожак своры огромный пес Васька. Когда медвежата кормятся, он ждет в сторонке, пока ему не поставят отдельную миску,— неудобно выпрашивать еду при воспитанниках.

Потом все втроем отправляются на «мертвый час». Уложит Василий своих беспокойных чад и встанет рядом, строго посматривая окрест. Попробовал как-то фотокорреспондент расшевелить медвежат: солнце из-за тучи вышло, хотелось кадр сделать. Лязгнули клыки Васьки, ощерилась черная пасть... Ушел корреспондент от греха подальше.

В субботу, когда на станции приборка, Филя с Машей — в центре событий. Хватаются за лопаты, ломы, пытаются катить баллоны с газом, тащат ящики. Смеются ребята — работа скорее спорится. Поработали — ладно. Вылетает на обтянутый снеговым одеялом лед оранжевый до рези в глазах футбольный мяч. Стремительно катятся за ним два мячика пушисто-белых — Филя с Машей

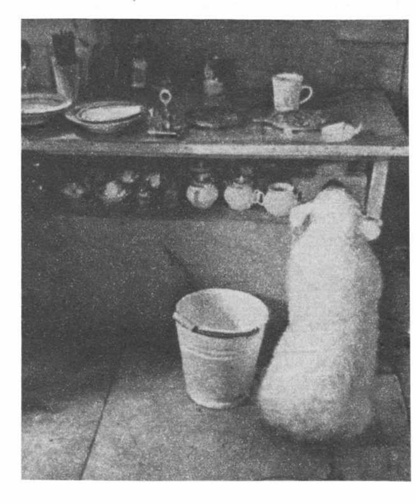
Семейная сцена.

Нет, это не медвежьи услуги. Это работа.

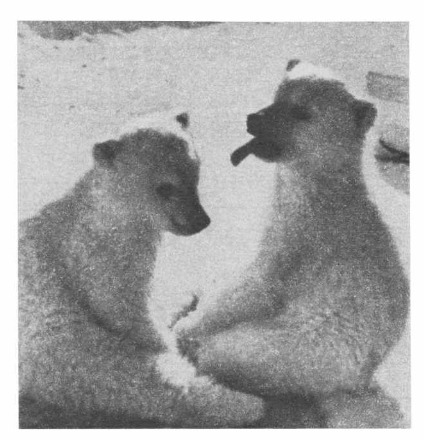
Для персонального портрета Филька предпочел позировать в ящике из-под радиоаппаратуры.

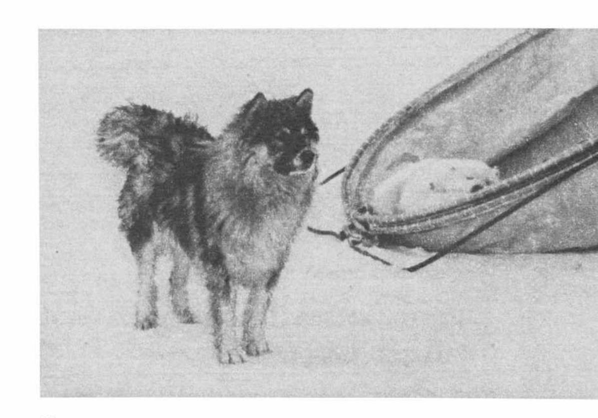
Ревизия столовой.

Обед сервирован на самой белоснежной из скатертей.

День был слишком насыщен делами.

Васька просит не беспокоить.

спешат на тренировку. Дриблинги, финты, удары, броски — почти полный ассортимент футбольной техники. Вот пасовать не любят — это точно.

Каждый день уходят Филя с Машей на свои медвежьи совещания в торосы. Бок о бок мелко трусят они за лагерь в сине-голубые нагромождения торосящегося льда. Тактичный Васька следит за ними в такие моменты издали. Пусть, мол, наговорятся с глазу на глаз. Беседуют мишки сидя. Долго шепчут что-то друг дружке на ухо, ежесекундно высовывая длинющий красный язычок.

Живут Машка с Филькой на нашей СП-19, шалят, как и положено маленьким детям. Иногда мешают. Только, как справедливо заметил наш доктор Гена, тонус настроения на станции вырос за последние два месяца вдесятеро. А это значит, что полярники в десять раз больше стали улыбаться друг другу.

Улыбка за восьмидесятой параллелью дороже свежего овоща.

На последней странице обложки: Филька и Машка.

Футбольные страсти бушуют и за восьмидесятой параллелью... Пас был сделан вразрез.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663.